СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXXIV, № 5.

СЕМНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ

ИМЕНИ

А. С. ПУШКИНА

1907 года.

Отчетъ и рецензіи I—X.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1908.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1908 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СЕМНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ

имени А. С. Пушкина.

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1907 года почетнымъ академикомъ Н. А. Котляревскимъ.

Въ настоящемъ году *Разряду изящной словесности Императорской* Академіи Наукъ предстоитъ выступить съ оцѣнкой значительнаго числа произведеній какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, поступившихъ на XVII-ое соисканіе премій имени А. С. Пушкина.

Въ числѣ *тридцати шести* сочиненій, принадлежащихъ перу *тридцати трехъ* авторовъ встрѣтились *двѣнадцать* сборниковъ *оригинальныхъ* стихотвореній по преимуществу лирическаго характера, *четыре* собранія стихотвореній эпическихъ, *одно* драматическое произведеніе, *пять* сборниковъ оригинальныхъ новеллъ и повѣстей въ прозѣ, *одинъ* историческій романъ, *одна* историческая повѣсть для юношества и *три* историко-литературныхъ и критическихъ этюда, касающихся русской литературы XIX вѣка.

Отдѣлъ *переводной* изящной литературы представленъ былъ не менѣе обильно, чѣмъ отдѣлъ оригинальныхъ произведеній.

Для разсмотрѣнія всѣхъ означенныхъ произведеній, согласно § 11-му Правилъ о присужденіи премій имени А. С. Пушкина была образована *Комиссія*, въ составъ которой входили ординарные академики: Ф. Ѳ. Фортунатовъ, А. А. Шахматовъ, В. И. Ламанскій, Н. П. Кондаковъ, А. И. Соболевскій, Е. Е. Голубинскій и В. М. Истринъ; почетные академики:

К. Р., К. К. Арсеньевъ, А. Ѳ. Кони, П. И. Вейнбергъ и Н. А. Котляревскій, и особо приглашенный, въ качествѣ члена Комиссіи А. П. Саломонъ.

Поступившія на настоящій Пушкинскій конкурсъ сочиненія были въ свое время разсмотрѣны членами Отдѣленія русскаго языка и словесности, гг. почетными академиками Разряда изящной словесности и посторонними учеными: проф. Императорскаго Университета Св. Владимира въ Кіевѣ А. Н. Гиляровымъ, проф. Норвежскаго Университета въ Христіаніи Олафомъ Брокомъ и А. П. Саломономъ.

Къ сожалѣнію, изъ числа *тридцати шести*, поступившихъ на конкурсъ сочиненій, могли быть приняты весьма немногія, всего не болѣе *десяти*; именно подверглись исключенію *три* литературныхъ труда, написанныхъ стихами, но представленныхъ въ *рукописномъ* видѣ и потому не удовлетворяющихъ § 9-му правилъ о преміяхъ имени А. С. Пушкина, далѣе *два* труда были устранены съ конкурса, такъ какъ они не удовлетворяли § 10-му *в.* (которымъ требуется, чтобы «со времени перваго или вполнѣ переработаннаго изданія прошло не болѣе трехъ лѣтъ»). Сверхъ того Комиссіей же было признано необходимымъ *отложить* нѣсколько сочиненій до слѣдующаго XVIII-го конкурса по соисканію премій имени А. С. Пушкина — за неполученіемъ о нихъ критическихъ отзывовъ отъ гг. рецензентовъ, которымъ было поручено разсмотрѣть ихъ.

Изъ оставшихся сочиненій Комиссіею было *отвергнуто* всего *четырнадцать*, относительно которыхъ разсматривавшіе ихъ гг. рецензенты дали отрицательные отзывы.

Такимъ образомъ суду Комиссіи, постановляющей рѣшеніе о присужденіи Пушкинскихъ премій въ текущемъ году, подлежало всего *десять* сочиненій.

Приводимъ въ послѣдовательномъ порядкѣ краткія извлеченія изъ отзывовъ объ этихъ сочиненіяхъ, заслужившихъ одобреніе Комиссіи.

I.

Минъ, Д. Е.: — *Данте-Алигіери, „Божественная комедія“ Т. I: „Адъ“ 1902, Т. II: „Чистилище“ 1902, Т. III: „Рай“ 1904, переводъ съ итальянскаго. Спб. 8° (въ изданіи А. С. Суворина, 1902—1904 гг.).*

Оцѣнка новаго изданія этого перевода, исполненнаго еще въ половинѣ XIX-го вѣка покойнымъ Д. Е. Миномъ и представленнаго на настоящее соисканіе сыномъ покойнаго переводчика А. Д. Миномъ,—была любезно исполнена по предложенію Академіи Наукъ знатокомъ Дантовскаго текста Директоромъ Императорскаго Александровскаго Лицея *А. П. Саломономъ*.

Первую попытку познакомить русскихъ читателей съ *Божественной Комедіей*, сохранивъ размѣръ подлинника, сдѣлалъ Дмитрій Минъ, помѣстившій въ 1844 году въ «Москвитянинѣ» переводъ V пѣсни «Ада». Черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ этого перваго опыта — въ 1904 году былъ изданъ полный переводъ Божественной Комедіи, уже послѣ смерти переводчика, послѣдовавшей въ 1885 году.

Переводъ «Божественной Комедіи» нуженъ былъ для широкаго круга читателей, которые, не ставя себѣ цѣлью изученіе поэмы, желаютъ познакомиться съ ея содержаніемъ, воспринять созданные авторомъ поэтическіе образы, отдать себѣ отчетъ въ строѣ его мысли и ощутить то непередаваемое словами, но внятное для души настроеніе, которое называется духомъ поэтическаго произведенія. Если переводъ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ то, хотя бы онъ не отличался буквальностью, онъ долженъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Переводъ, не стѣсненный риѳмою, конечно, будетъ ближе къ подлиннику, чѣмъ переводъ риѳ-

мованный. Но если переводчику удается безъ искаженія языка передать иностранное произведеніе въ стихотворной формѣ подлинника, то слѣдуетъ отдать предпочтеніе переводу риѳмованному.

Характерную особенность «Божественной Комедіи» составляетъ ея стиль. Всегда приспособленный къ предмету, стиль этотъ, по выраженію извѣстнаго историка Скартаццини, то суровъ и дикъ, то мягокъ и нѣженъ; порою онъ подобенъ стремительному потоку, который съ большимъ шумомъ низвергается съ горы; порой подобенъ пріятному журчанію ручейка, который спокойно пробѣгаетъ по цвѣтущему лугу; порой это ужасающій ревъ осужденныхъ грѣшниковъ и демоновъ; порой — пріятное созвучіе гимновъ блаженныхъ и ангельскихъ арфъ. Задача переводчика состоитъ въ томъ, чтобы усвоить себѣ и передать эти оттѣнки стиля. Наконецъ, надо имѣть въ виду, что «Божественная Комедія» выдержана въ высокомъ стилѣ, почему переводчику позволительно и даже можетъ быть рекомендовано не гнаться за простотою и безыскусственностью слога и не избѣгать реченій свойственныхъ приподнятому стилю и даже архаическихъ выраженій.

Минъ въ общемъ рѣдко отступаетъ отъ буквальнаго перевода. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится что-либо исключить, онъ исключаетъ лишь второстепенныя подробности и старается сохранить самыя типичныя выраженія и тѣ слова, которыя заключаютъ въ себѣ хотя-бы намекъ на пропущенное. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ что нибудь добавляетъ по требованію риѳмы, онъ прибавляетъ или безразличныя слова, или такія, которыя являются либо повтореніемъ, либо развитіемъ словъ подлинника. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ переводъ — подстрочный; но когда это требуется ясностью положенія или трудностью размѣстить слова въ томъ порядкѣ, въ которомъ онѣ размѣщены въ подлинникѣ, Минъ отступаетъ отъ подстрочности, но старается, по крайней мѣрѣ, держаться въ предѣлахъ терцины.

Минъ передаетъ въ общемъ вполнѣ достаточно и отчетливо кругъ идей, въ которыхъ вращался Данте.

Комментаріи Мина не представляютъ, въ общемъ, самостоятельнаго труда, но это тщательно, съ толкомъ, со вкусомъ сдѣланный сводъ изъ обширной Дантовской литературы. Впрочемъ, въ настоящее время едва-ли возможны какіе-либо другіе комментаріи, кромѣ сводныхъ. Примыкая, преимущественно, къ нѣмецкимъ знатокамъ Данте, Минъ не оставляетъ безъ вниманія комментаріи итальянскихъ и французскихъ ученыхъ и его комментарій не боится сравненія съ тѣми, которые въ Италіи обычно служатъ пособіемъ для изученія Данте.

Переводъ «Божественной Комедіи» Мина, по мнѣнію А. П. Саломона, вполнѣ достоинъ Пушкинской преміи. Переводчикъ обогатилъ отечественную литературу вѣрной передачей одного изъ величайшихъ, всемірныхъ произведеній поэтическаго творчества. Сохраняя стихотворную форму подлинника, переводчикъ съ мастерствомъ выходитъ изъ затрудненій, которыя на каждомъ шагу создаетъ подлинникъ, не только по богатству и трудности внутренняго содержанія, но и по чисто внѣшнимъ даннымъ, каковы: большая длина русскихъ словъ, сравнительно съ итальянскими и относительная бѣдность русскихъ риѳмъ. Достоинства перевода пріобрѣтаютъ особую важность и значеніе, если принять во вниманіе, что переводъ Мина почти одинокъ въ русской литературѣ. Можно сказать, что Минъ не имѣлъ предшественниковъ, а, слѣдовательно, долженъ былъ пролагать себѣ путь, полагаясь исключительно на свои собственныя силы. Тотъ фактъ, что на премію представленъ переводъ сравнительно давно умершаго автора не долженъ-бы, казалось, служить поводомъ къ отказу отъ присужденія преміи, такъ какъ въ концѣ концовъ награждается не столько авторъ, сколько цѣнный вкладъ въ отечественную литературу. А. П. Саломонъ считалъ бы вполнѣ справедливымъ отмѣтить значеніе этого вклада присужденіемъ *полной* Пушкинской преміи.

II.

Полное Собраніе сочиненій Генриха Ибсена. Переводъ съ датско-норвежскаго **А. и П. Гансенъ:** Томы III—VIII. (Спб. 1903—5).

Переводы гг. А. и П. Гансенъ были взяты на разсмотрѣніе сперва орд. акад. *Н. А. Веселовскимъ:* послѣ же его кончины Академія обратилась къ поч. академику *П. И. Вейнбергу,* прося его сдѣлать общую оцѣнку настоящаго переводнаго труда,—и къ проф. Олафу Броку, какъ природному норвежцу, поручая ему провѣрить близость перевода къ подлинному тексту Ибсена и точность передачи подлинника на русскій языкъ.

Подъ Правила о Пушкинскихъ преміяхъ въ этихъ пяти томахъ подошли только три пьесы: «*Перъ-Гюнтъ*», «*Брандъ*» и «*Комедія Любви*».

«*Перъ Гюнтъ*» и «*Брандъ*» переведены, сообразно подлиннику, бѣлыми стихами.

Этотъ бѣлый ямбическій стихъ въ обѣихъ пьесахъ такой, какой обыкновенно употребляютъ русскіе переводчики, даже изъ числа лучшихъ,—т. е. безъ строгаго соблюденія законовъ стихосложенія, обусловливающихъ ту необходимую музыкальность, превосходнымъ образцемъ которой служитъ бѣлый стихъ Пушкина,—что дѣлаетъ этотъ бѣлый стихъ въ большинствѣ случаевъ похожимъ на хорошую «метрическую прозу». Тѣмъ не менѣе въ переводѣ А. и П. Гансенъ встрѣчается много бѣлыхъ стиховъ вполнѣ удовлетворительныхъ, и переводъ вообще читается довольно легко и передаетъ (особенно въ «Брандѣ») часто очень туманно высказанныя мысли автора довольно ясно.

Встрѣчаются впрочемъ и тяжелые періоды.

Переводъ пьесы «Комедія Любви», сдѣланный риѳмованнымъ стихомъ и такъ называемымъ «Грибоѣдовскимъ» размѣромъ, нельзя признать, относительно внѣшней формы, удовлетворительнымъ: риѳма для переводчиковъ очевидно представляетъ камень преткновенія; избранный ими размѣръ тяжеловѣсенъ — чѣмъ

и обусловливается почти сплошное присутствіе неудобочитаемыхъ стиховъ.

Что касается трудности, которую для переводчиковъ представляла риѳма, то лучшимъ свидѣтельствомъ служитъ нерѣдкое употребленіе рядомъ нѣсколькихъ словъ съ одинаковыми, риѳмующими между собою окончаніями.

Благозвучіе стиха кромѣ того часто нарушается неудачнымъ чередованьемъ стиховъ съ мужскими и женскими окончаніями: мужскіе слѣдуютъ непосредственно за мужскими (не риѳмуя) женскіе за женскими (тоже не риѳмуя).

Не смотря однако на вышеуказанные недостатки (къ которымъ можно присоединить нѣсколько неправильностей языка и неправильныхъ удареній), переводъ А. и П. Гансенъ, въ виду несомнѣнной трудности справляться съ такимъ авторомъ, какъ Ибсенъ, представляется работой серьезной и исполненной добросовѣстно, что̀, по мнѣнію П. И. Вейнберга, даетъ ей полное право быть награжденной *почетнымъ отзывомъ.*

Переводы гг. Гансенъ, по оцѣнкѣ пр. О. Брока, въ общей суммѣ, со стороны точности передачи,—безусловно хорошая работа, заслуживающая у земляковъ великаго драматурга и хвалы, и искренней благодарности.

Любовь переводчиковъ къ своей задачѣ выступаетъ въ очень выгодномъ освѣщеніи, и передача подлинника — въ смыслѣ точности выраженія — позволяетъ восхищаться богатствомъ русскаго языка и его гибкостью..

Конечно, не всѣ выраженія, не всѣ періоды или части драмъ соотвѣтствуютъ подлиннику въ равной степени. Нерѣдко переводъ сокращаетъ кое-что (особенно въ началѣ драмы «Перъ Гюнтъ») — но накопленныя, параллельно идущія выраженія и метафоры Ибсена извиняютъ такое сокращеніе.

Менѣе всего возраженій вызываетъ переводъ «Перъ Гюнтъ», не смотря на то, что эта драма представляетъ много трудностей для переводчика.

III.

Жуковскій, В. Г.: — *а) Хозе-Марія де-Эредія: „Сонеты въ переводѣ В. Жуковскаго. (С.-Петербургъ.) 1899. 8°)“ — б) „Памяти дорогого отца. Стихотворенія 1893—1904“. (Спб. 1905 г. 8°).*

По просьбѣ Разряда оба труда г. Жуковскаго были разсмотрѣны г. почетнымъ академикомъ *К. Р.*

По прочтеніи книги незнакомаго стихотворца, въ умѣ возникаетъ обыкновенно вопросъ: заслуживаетъ-ли авторъ лестнаго и завиднаго имени поэта. Въ наше время развелось неисчислимое количество стихотворцевъ, большей частью кропателей стиховъ, и невольно вспоминаются слова *Фета* —

Молчи, поникни головою,
Какъ-бы представъ на страшный судъ,
Когда случайно предъ тобою
Любимца музъ упомянутъ!

Поэтъ ли г. Вл. Жуковскій, или только стихотворецъ? Это вопросъ трудный и щекотливый, на который пріятнѣе всего было-бы отвѣтить молчаніемъ.

Среди произведеній каждаго, даже выдающагося писателя, всегда встрѣчаются вещи посредственныя и болѣе или менѣе неудачныя; даже у классическихъ, всѣми признанныхъ поэтовъ можно найти піесы менѣе сильныя.

Въ разсматриваемой книжкѣ всего около одной седьмой удачныхъ стихотвореній; остальныя лишены поэзіи и носятъ на себѣ печать посредственности, безцвѣтности, или страдаютъ неяснымъ выраженіемъ мысли, дѣланностью, искусственностью и другими недостатками. Изъ нихъ главнѣйшій, конечно, отсутствіе поэзіи, которая одна даритъ созданію искусства его значеніе, жизнь и право на художественность.

Одинъ изъ главныхъ недостатковъ въ стихахъ г. Жуковскаго, это дѣланность и искусственность; онъ, по извѣстному выраженію Грибоѣдова, «слова въ простотѣ не скажетъ, — все съ ужимкой». На небѣ высыпали звѣзды, — г. Жуковскій говоритъ: «на небѣ множится звѣзда»; вечеромъ наступила свѣжесть, — у г. Жуковскаго: «туманится прохлада» —. Онъ «закованъ въ безмолвіи»; весенняя сырость на днѣ оврага названа «встревоженною влагой зимой покинутыхъ снѣговъ». Въ описаніи грозы, когда темная туча застлала полъ-неба, находимъ у г. Жуковскаго, что «только даль еще свѣтла крестомъ и мельницей села». Если въ передачѣ минутъ первыхъ ожиданій умѣстны «огненные взгляды» и «трепетныя руки», то не черезъ-чуръ ли смѣло упоминаніе о «дождѣ нѣжныхъ вопросовъ» и «ливнѣ обѣщаній»?

Поэтическій языкъ не обходится безъ уподобленій, образныхъ сравненій, метафоръ и одухотворенія безжизненныхъ предметовъ. Дѣло поэта найти грань, за которую художественное чутье не позволитъ переступить. Г. Жуковскій не въ достаточной степени обладаетъ этимъ чутьемъ и нерѣдко пересаливаетъ и озадачиваетъ читателя. Едва ли удачны напр. такія сравненія: «весеннимъ сокомъ забьется грудь березъ».

Если произведенія г. Жуковскаго по своему содержанію часто заслуживаютъ порицанія, то и по формѣ, хотя рѣже, они не всегда безукоризненны. Попадаются обороты рѣчи не свойственные русскому языку.

Встрѣчаются у г. Жуковскаго и погрѣшности противъ стихосложенія. Находимъ у г. Жуковскаго и сомнительныя риѳмы, какъ напр. искусствомъ и пусть вамъ (!!), или карты и старъ ты, или камни и душа мнѣ или воскреснемъ и вешнемъ. Но есть и положительныя стороны въ сборникѣ г. Жуковскаго и отрадно ихъ отмѣтить. Весьма нерѣдко въ стихахъ г. Жуковскаго дышетъ глубокая религіозность и искренняя, теплая вѣра.

Отрадно встрѣтить въ произведеніяхъ г. Жуковскаго также трезвое и здравое міросозерцаніе, полное жизнерадостности и чуждое напускной тоски, безпричиннаго нытья и мрачнаго ло-

манья. Г. Жуковскій не приходитъ въ отчаяніе при мысли о смерти, не льетъ безутѣшныхъ и во всякомъ случаѣ безцѣльныхъ слезъ при видѣ пожелтѣвшаго листа или увядшаго цвѣтка и не повергается въ глубокое уныніе, припоминая неизбѣжно минувшіе годы.

Стихъ г. Жуковскаго хоть и не достаточно пѣвучъ и жёстокъ, отвѣчаетъ подчасъ требованіямъ поэтики и подчиняется автору, который силится имъ овладѣть. Съ годами число удачныхъ стихотвореній вещей прибываетъ: такъ за 1893 годъ имѣемъ всего двѣ удачныя піесы, за 1898-й годъ — четыре и за 1900-й — шесть.

Г. Жуковскому необходимо выработать болѣе строгую оцѣнку своихъ произведеній, печатать не все, что выльется изъ подъ пера и стараться брать не количествомъ, а качествомъ.

Разборъ стихотвореній г. Жуковскаго былъ уже написанъ, когда авторъ дополнительно представилъ на соисканіе Пушкинской преміи книжку: «*Хозе-Марія Де-Эредіа.*—Сонеты въ переводѣ Владиміра Жуковскаго. (СПБ. 1899)». — Переводчикъ задался крайне трудной и неблагодарной цѣлью; какъ самъ онъ говоритъ въ краткомъ предисловіи, имъ «предлагаются тѣсному кругу истинныхъ любителей поэзіи не всѣ, а болѣе интересные сонеты французскаго поэта». Задача трудная тѣмъ болѣе, что переводчикъ изъ 31-ой піесы *Эредіа* только въ пяти не захотѣлъ или не сумѣлъ строго соблюсти размѣра и числа стиховъ подлинника. Въ четырехъ стихотвореніяхъ г. Жуковскій, сохранивъ до нѣкоторой степени форму сонета, замѣнилъ шестистопный ямбъ французскаго поэта дактилемъ (гекзаметромъ или пентаметромъ) и только одна піеса «*Рабъ*» содержитъ въ себѣ не 14 обязательныхъ для сонета строкъ, а 20 стиховъ шестистопнаго ямба. Остальныя 26 стихотвореній переданы въ сонетахъ, изъ которыхъ цѣлыхъ 16 могутъ похвалиться строжайшей правильностью.

Изъ всѣхъ стихотворныхъ формъ, сонетъ одна изъ труднѣйшихъ. Вполнѣ правильные сонеты рѣдко встрѣчаются въ литературѣ. Каковъ же долженъ быть трудъ, чтобы удачно перевести

сонетъ съ чужого языка и при томъ сохранить всю строгость формы!

Нужно отдать справедливость, что и при наличіи перечисленныхъ недостатковъ г. Жуковскому удается передавать французскіе стихи настолько близко къ подлиннику, вѣрно и точно, что въ каждомъ сонетѣ легко и безъ заглавія узнать съ какою именно изъ піесъ Эредіа переводчику хотѣлось насъ познакомить. Это достоинство свойственно далеко не всѣмъ переводчикамъ. Оно удваивается еще и тѣмъ соображеніемъ, что у Эредіа, какъ выразился о немъ французскій критикъ Брюнетіеръ, болѣе художественности, чѣмъ поэзіи, а слѣдовательно и передача его стиховъ становится несравненно труднѣе — и тѣмъ заслуга г. Жуковскаго больше.

Насколько сборникъ стихотвореній г. Жуковскаго не заслуживаетъ, ни полной, ни половинной Пушкинской преміи, ни даже почетнаго отзыва, настолько сонеты заслуживаютъ вниманія.

Трудъ, предпринятый переводчикомъ, казалось бы невыполнимъ, а между тѣмъ г. Жуковскій съ нимъ справился и, если изъ всего исполненнаго имъ цѣлая треть представляетъ собою переводы не лишенные поэтическихъ достоинствъ, и къ тому же вылившіеся въ труднѣйшую стихотворную форму, часто безъ ущерба для своего содержанія, то какъ не поставить этого въ заслугу переводчику?

Принимая во вниманіе особенности поэзіи *Эредіа*, нужно признать, что его переводчику представлялись затрудненія почти непреодолимыя, которыя г. Жуковскому удалось побѣдить если не на всемъ протяженіи его книжки, то на многихъ ея страницахъ. А потому его трудъ заслуживаетъ поощренія и можетъ быть увѣнчанъ *почетнымъ отзывомъ*.

IV.

Крыжановская, В. И. *(подъ псевдонимомъ: „Рочестеръ“): „Свѣточи Чехіи“. Историческій романъ изъ эпохи пробужденія чешскаго національнаго самосознанія. (С.-Петербургъ, 1904. 8º)*

Разборъ романа г-жи Крыжановской представленъ былъ орд. акад. *В. И. Ламанскимъ.*

Этотъ историческій романъ излагаетъ трагическую судьбу двухъ чешскихъ дворянскихъ семей, тѣсно связанныхъ съ одной стороны съ королемъ чешскимъ Вячеславомъ III, братомъ императора Сигизмунда Люксембургскаго, и съ другой съ двумя великими историческими дѣятелями Чехіи Яномъ Гусомъ и Іеронимомъ Пражскимъ, при чемъ живо представлена ихъ дѣятельность въ Прагѣ и ихъ страданія и мученическія смерти въ Констанцѣ.

Авторъ съ любовью изучилъ состояніе Праги и Чехіи первой четверти XV в., въ славную эпоху зарожденія и развитія такъ называемаго Гуситства. Онъ довольно живо и удачно представилъ постепенное распространеніе въ Чехіи новаго религіознаго освободительнаго движенія, въ смыслѣ критики папства и католической іерархіи, распространенія богослуженія на народномъ языкѣ, чешскаго перевода библіи. Авторъ ярко изобразилъ глубокій упадокъ нравственности въ католическомъ духовенствѣ и особенно въ итальянскихъ прелатахъ, наѣзжавшихъ изъ Рима въ Чехію.

Эти достоинства романа г-жи Крыжановской могутъ быть награждены *почетнымъ отзывомъ.*

Форма художественнаго произведенія требуетъ внимательной отдѣлки, удачнаго расположенія отдѣльныхъ частей, чистоты и правильности языка. Главы и частные эпизоды романа однако не достаточно отдѣлены и разграничены, что̀ объясняется вѣроятно поспѣшностью. Другой недостатокъ романа заключается въ нѣкоторой небрежности языка.

Эта небрежность и неправильность языка можетъ быть объяснена тѣмъ, что первыя печатныя произведенія автора писаны на французскомъ языкѣ, который въ романѣ «*Свѣточи Чехіи*» повліялъ на русскую стилистику.

V.

Лазаревскій, Б.: «*Повѣсти и Разсказы*» *(Москва, 1903. 8°).*

Отзывъ о сочинени г. Лазаревскаго по просьбѣ Разряда изящной словесности доставленъ поч. академикомъ *А. Ѳ. Кони.*

Изъ четырнадцати разсказовъ г. Лазаревскаго не менѣе десяти слѣдуетъ признать содержательными и художественными по формѣ. Не задаваясь широкими нравоучительными или «обличительными» задачами, не притягивая свое повѣствованіе къ «гражданскимъ мотивамъ» г. Лазаревскій тепло и просто, сжато (кромѣ довольно растянутой и отъ того менѣе прочихъ удачной повѣсти «Бѣдняки») и вмѣстѣ красиво расказываетъ про молодость, про зарожденіе и развитіе перваго чувства любви, про жестокую прозу, обрывающую въ этомъ чувствѣ одинъ лепестокъ за другимъ. Выхваченные авторомъ изъ пестрой ткани жизни отдѣльные куски полны правдивыхъ и яркихъ красокъ. На всемъ сборникѣ г. Лазаревскаго лежитъ печать несомнѣннаго дарованія, искренняго и здороваго чувства и умѣнья «словомъ твердо править» и держать въ рукахъ свою мысль, не давая ей расплываться въ неясныхъ очертаніяхъ или намекахъ — и не давая ей переступать за черту правдоподобности. Повѣствованія его богаты, сверхъ того, оригинальными и продуманными опредѣленіями, — поэтическими картинами и вѣрными житейскими характеристиками, обличающими большую наблюдательность.

Маленькіе недостатки разсказовъ — или, вѣрнѣе, языка г. Лазаревскаго тонутъ въ художественныхъ достоинствахъ его разсказовъ. Къ недостаткамъ надо отнести нѣкоторый излишекъ

звукоподражательныхъ словъ и нѣсколько неудачныхъ выраженій («холодно было и *въ* ноги» — вмѣсто «холодно было и ногамъ»,— «мы долго *пресмыкались* по дорожкамъ сада»,—«обложился *вдребезги* изорванными лекціями»...), а также одно, очевидно, безсознательное, заимствованіе у Достоевскаго: «въ сущности, я ужасная скотина, и больше ничего. Выпилъ, поѣлъ и уже чувствую себя веселѣе. Весь, весь рѣшительно зависишь отъ того, сытъ ты или голоденъ, здоровъ или боленъ физически... Машина — и больше ничего... Стоитъ ли послѣ этого бояться смерти?» («Человѣкъ» Срв. «Преступленіе и Наказаніе» — размышленія Раскольникова въ кабакѣ, предъ встрѣчею съ Мармеладовымъ...).

Почетный отзывъ былъ бы по мнѣнію рецензента не только справедливой оцѣнкой сборника г. Лазаревскаго, но и поощреніемъ его къ дальнѣйшимъ трудамъ и къ приложенію своего несомнѣннаго таланта къ широкимъ темамъ.

VI.

Милицына, Е. М.: *(Разсказы) — Не по закону. (Вырѣзка изъ журнала — „Русская мысль" книга I, 1905 г.). Ученый диспутъ (Русское богатство № 5. Отдѣлъ I). На путяхъ (Русская мысль. Книга X, 1905 г.). Передъ грозой. (Рукопись въ листъ. Стран. 1—21). — Веревка (Рукопись. Стран. 1—43)[1]).*

Рецензія на произведенія г-жи Милицыной была написана ордин. акад. *Н. П. Кондаковымъ.*

Разсказы Е. М. Милицыной представляютъ слабыя попытки построить на основѣ прежнихъ, хотя отрывочныхъ, но реальныхъ

---

1) Рукописные тексты замѣнены были тогда же печатными оттисками изъ журнала.

наблюденій крестьянской жизни, если не полную картину этой жизни, то хотя бы художественные ея эскизы. Самый замѣчательный въ этомъ отношеніи разсказъ «*Веревка*» своеобразно краткая, но довольно драматическая повѣсть.

Разсказъ «*Не по закону*» пользуется бытовымъ, или даже, вѣрнѣе, этнографическимъ эскизомъ крестьянскаго сватовства, чтобы на этомъ фонѣ выткать трогательную, хотя нѣсколько тенденціозную тему.

Разсказъ «*Ученый диспутъ*» представляетъ фотографическій снимокъ, правда, любительскій, но превосходный снимокъ съ картины словесныхъ состязаній въ чайной Комитета трезвости, между начетчикомъ и молодымъ просвѣщеннымъ крестьяниномъ въ присутствіи мужиковъ, напряженно слушающихъ и тоскливо размышляющихъ о томъ, что они слышатъ и чего они совершенно не понимаютъ.

Четвертый разсказъ взятъ уже не изъ крестьянскаго быта. Онъ называется «*На путяхъ*» и рисуетъ въ отдѣльныхъ картинкахъ жизнь желѣзнодорожнаго кондуктора и его семьи, поселенной въ большой каменной службѣ, на узловой станціи. Разсказъ можетъ назваться недурнымъ, хотя и въ него заложено желаніе нѣчто доказать и представить, какъ люди стараются «затушевать непріятную правду ложью и обманомъ иллюзій», кто во что гораздъ. Разсказъ недуренъ, потому что онъ сравнительно простъ, не вычуренъ и реаленъ, но онъ слабъ, потому что разведенъ водою фразистыхъ тенденцій.

Уже на предыдущемъ присужденіи премій имени Пушкина разсказы г-жи Милицыной заинтересовывали своею живою реальностью и въ нихъ было «любовное внимательное погруженіе автора въ разные виды безнадежнаго горя русской народной жизни». Слабыя стороны этихъ разсказовъ были тогда указаны и въ темахъ и въ манерѣ рисовки и въ излишней субъективности и тенденціозной ихъ окраскѣ. Эти недостатки авторъ, оказывается, не въ силахъ побороть. Его разсказамъ, по прежнему, недостаетъ художественнаго замысла и художествен-

ной обработки. Возможно, однако, что авторъ со временемъ, какъ говорится, выпишется: первый, хотя бы небольшой, но истинно художественный, объективный разсказъ можетъ сразу создать ему то, чего ему недостаетъ: литературную личность. Но съ другой стороны, нельзя не признать въ представленныхъ имъ опытахъ прежде всего крайне интересной литературной задачи.

VII.

Тхоржевскій, И. И.: *Tristia. Изъ новѣйшей французской лирики. Сюлли-Прюдомъ, Верленъ, Метерлинкъ, Роденбахъ, Анри-де-Ренье, Верхарнъ, Грегъ, Вьеле-Гриффенъ, Мореасъ. Переводы (С.-Петербургъ, 1906, 12°).*

Рецензія на переводный сборникъ стихотвореній г. Тхоржевскаго написана была поч. акад. *А. Ѳ. Кони.*

Переводчику, по его словамъ, вѣтеръ принесъ издалека «оборванные, спутанные звуки—безкрылые, безъ силы и размаха, но грустно-хорошіе (прекрасные?), полные тоски и ласки». Эти звуки изложены И. И. Тхоржевскимъ на русскомъ языкѣ съ пожеланіемъ, чтобы вѣтеръ перелетный умчалъ ихъ дальше и они «навѣяли другимъ горечь и покой».

Едва-ли это послѣднее желаніе осуществиться по отношенію къ большинству читателей Tristia. Можно даже думать, что они не согласятся со взглядомъ переводчика и вмѣсто горечи и покоя извлекутъ изъ многихъ его переводовъ эстетическое впечатлѣніе. Это слѣдуетъ предположить потому, что трудъ И. И. Тхоржевскаго отличается тѣми же достоинствами, которые уже были указаны раньше при разборѣ его перевода «Стиховъ поэта» Гюйо. Выборъ произведеній Сюлли-Прюдома, Верлена, Метерлинка, Роденбаха, Анри-де-Ренье, Верхарна, Грега, Вьеле-Гриффена и Мореаса — сдѣланъ со вкусомъ; стихъ

перевода сжатъ и гармониченъ и почти вездѣ соблюдены, несмотря на всю трудность, тотъ же размѣръ и расположеніе строфъ, какъ въ подлинникѣ.

Несмотря на мелкіе недостатки, нельзя не признать литературной заслуги за авторомъ Tristia. Обладая легкимъ и красивымъ стихомъ, онъ могъ бы выбрать у французскихъ поэтовъ послѣдняго времени неглубокія по мысли, красивыя лирическія вещицы и вѣроятно безъ труда познакомить съ ними русскую публику. Онъ избралъ однако другой путь и второй разъ передаетъ по русски скорбныя думы французовъ, при чемъ трудность передачи философской мысли усугубляется трудностью воспроизведенія сжатой и тонкоразработанной формы. Въ общемъ Tristia даетъ ясное и вѣрное понятіе о мотивахъ печали у названныхъ поэтовъ, и представляя собою трудъ, исполненный съ талантомъ и любовью, заслуживаетъ *почетнаго отзыва.*

VIII.

Хвостовъ, Н. Б.: *„Подъ осень", стихотворенія 1901—1904 (С.-Петербургъ, 1905 г.).*

Критическій отзывъ о сборникѣ стихотвореній г. Хвостова любезно исполненъ по просьбѣ Разряда г. почетнымъ академикомъ *К. Р.*

Главный недостатокъ сборника—это безцвѣтность, прозаичность, неумѣнье найти дѣйствительно поэтическіе образы, безсиліе придать словамъ ту неуловимую особенность, которая претворяетъ прозу въ поэзію.

Однимъ изъ главныхъ достоинствъ сборника г. Хвостова слѣдуетъ однако признать всякое въ немъ отсутствіе подражанія модному направленію стихотворства, которое въ поискахъ новыхъ путей переступаетъ грани, поставленныя здравымъ смыс-

ломъ и стремится ошеломить читателя всевозможными вычурностями и несообразностями. Ничего подобнаго не найти у Хвостова.

Міросозерцаніе его вполнѣ трезвое, ясное и спокойное.—У него нѣтъ склонности развѣнчивать старые, вѣчные идеалы или возводить въ добродѣтель то, что донынѣ признавалось зломъ.

Все чистое, высокое, доброе, благородное привлекаетъ нашего автора; ему въ особенности дороги маленькія дѣти; любовью къ нимъ проникнуты стихи, вошедшіе въ отдѣлъ «Юный міръ».

Около трети сборника составляютъ переводы съ французскаго, нѣмецкаго и персидскаго. И надо г. Хвостову отдать справедливость: переводитъ онъ мастерски.

Одинадцать большихъ стихотвореній переведены нашимъ авторомъ изъ Франсуа Коппе и переведены образцово.

Если перечисленные въ этой статьѣ недостатки творчества Н. Б. Хвостова не позволяютъ представить его къ награжденію Пушкинскою преміею, то несомнѣнное наличіе нѣкоторыхъ достоинствъ и хорошій переводъ нѣсколькихъ иностранныхъ стихотвореній, составляющій полезный вкладъ въ нашу литературу, даютъ автору право на *почетный отзывъ*.

IX.

Чеховъ, Мих. П.: — *Очерки и Разсказы. Изданіе второе. (С.-Петербургъ, 1905. 8°).*

Разсмотрѣніе беллетристическихъ трудовъ г. Чехова исполнено было г. поч. акад. *А. Ѳ. Кони.*

Очеркамъ и разсказамъ М. П. Чехова можетъ грозить двоякая опасность. Съ одной стороны — имя автора, невольно наводя на воспоминаніе о его, столь рано угасшемъ, знаменитомъ братѣ, вызываетъ на сравненіе его произведеній съ тѣмъ, чѣмъ,

въ рядѣ незабываемыхъ по изяществу, тонкости и глубинѣ чувства разсказовъ, обогатилъ русскую литературу послѣдній. Съ другой стороны — мысль о подражательности, о перепѣвахъ, о заимствованіяхъ у брата не можетъ не создавать нѣкотораго «предустановленнаго» мнѣнія не въ пользу слабыхъ копій съ сильныхъ образцовъ.

Ознакомленіе со сборникомъ М. П. Чехова приводитъ къ заключенію, что опасность эта мнимая. Его очерки и разсказы имѣютъ свою собственную цѣну и, если по формѣ и напоминаютъ, подобно многимъ новѣйшимъ произведеніямъ, первообразомъ которыхъ были «Contes à Ninon» Зола и произведенія Монассана, очерки Антона Павловича Чехова, то по существу являются плодомъ самостоятельной творческой мысли и труда, при чемъ руководящіе мотивы этой мысли иные, чѣмъ у Антона Чехова. Изображая русскую жизнь въ рядѣ выхваченныхъ изъ нея сценъ, живыхъ и правдивыхъ, авторъ не могъ, конечно, не наталкиваться постоянно на ея печальныя стороны, на отсутствіе нравственныхъ устоевъ, на неуваженіе къ чужой личности и труду, на душевное и матеріальное неряшество, на смутное понятіе о долгѣ, на расплывчатую и безразличную, а потому и безплодную доброту, и все это нашло себѣ отраженіе въ его разсказахъ. Но, въ противоположность Антону Павловичу Чехову — онъ не впадаетъ въ ту безнадежность, которая сквозитъ въ произведеніяхъ перваго изъ нихъ и составляетъ основной тонъ создаваемаго имъ настроенія.

Онъ меньше покоряется слѣпымъ и жестокимъ законамъ существованія и рѣзче отдѣляетъ тяжесть *жизни*, создаваемую людьми — отъ тягости *существованія*, на которое природа обрекаетъ людей. У него больше вѣры въ личность человѣка, въ то, что послѣдній можетъ и долженъ бороться съ наслѣдственностью, съ болѣзнями, съ предполагаемою непреложностью «статистическихъ законовъ» — съ несчастливо слагающимися обстоятельствами. *Тургеневское* «мы еще повоюемъ — чортъ возьми!» — нерѣдко слышится въ его разсказахъ.

Изъ 22 разсказовъ, входящихъ въ книжку Чехова, болѣе половины слѣдуетъ признать написанными безусловно талантливо и интересными по мысли. Недостатокъ нѣкоторыхъ изъ нихъ — немногихъ впрочемъ — состоитъ въ излишней краткости и такъ сказать скомканности конца, несоотвѣтствующей общему характеру изложенія, при чемъ эта краткость не искупается ея силой и внутреннимъ смысломъ. Таковы, напримѣръ, «Гришка» и «Сживется — стерпится».

Но всѣ эти недочеты и недостатки тонутъ въ цѣлой серіи разсказовъ, проникнутыхъ искреннимъ чувствомъ, а иногда и поучительными въ своей правдивости изображеніями.

Бодрой вѣрой въ чистыя чувства человѣка, способностью видѣть въ немъ не одну игрушку обстоятельствъ, отданную въ жертву животной природѣ, примирительнымъ духомъ — вѣетъ отъ книги Чехова. Уже это одно, независимо отъ ея художественныхъ достоинствъ, даетъ ей право на вниманіе; и было-бы справедливо почтить эту книгу *почетнымъ отзывомъ*.

X.

Чюмина, О. Н. (Михайлова): *а) А. Теннисонъ: „Королевскія Идилліи", полный стихотворный переводъ. (Съ иллюстраціями Г. Дорэ, Райда, Меклиза и др. I. „О королѣ Артурѣ". Изданіе А. А. Каспари. (С.-Петербургъ, 1903; въ листъ). Приложеніе „Родины" 1903 г. книга II-я; II. „Рыцари круглаго стола". Спб. 1904—(Приложеніе „Родины" 1904 г. Книга 22-я) 4°. б) Ея-же: „Новыя стихотворенія, 1898—1904. Передъ зарею. Крымскіе наброски. Акварели. Зимніе сны. Мелодіи. Кавказскій альбомъ. На сѣверѣ. Путевой альбомъ" (Спб., 1905. 8°).*

Рецензія на представленные г-жею Чюминой переводы и оригинальные ея стихотворные опыты была любезно написана

проф. Императорскаго Университета Св. Владимира въ Кіевѣ *А. Н. Гиляровымъ*.

Г-жа Чюмина передала содержаніе «Идиллій» такъ близко къ подлиннику, что большаго въ этомъ отношеніи желать едва-ли возможно. За исключеніемъ двухъ значительныхъ, неизвѣстно чѣмъ объяснимыхъ, пропусковъ (въ The Coming of Arthur и Merlin and Vivien) и нѣсколькихъ совсѣмъ маловажныхъ сокращеній, переводъ слѣдуетъ признать полнымъ. Переданъ не только каждый стихъ, но и каждый образъ, чуть не каждое слово оригинала, такъ что переводъ во многихъ мѣстахъ почти буквальный.

Подобные слишкомъ близкіе переводы рѣдко бываютъ въ художественномъ отношеніи безупречны. Переводъ г-жи Чюминой не составляетъ исключенія. За то его добросовѣстность не подлежитъ сомнѣнію.

Воспроизводя съ большой точностью содержаніе оригинала г-жа Чюмина старалась воспроизвести и его форму. Переводъ, какъ и оригиналъ, написанъ пятистопнымъ ямбомъ. Однако, по этому внѣшнему сходству было-бы ошибочно заключать, будто въ остальномъ переводъ съ формальной стороны всегда идетъ въ ровень съ подлинникомъ. Изящество, легкость, плавность, которыми отличается подлинникъ, не составляютъ въ переводѣ правила, хотя нельзя также считать ихъ въ немъ и исключеніемъ.

Въ общемъ переводъ читается довольно легко, но не рѣдкость и тяжеловатыя мѣста.

Въ общемъ, не смотря на указанные недостатки, работу г-жи Чюминой нельзя не признать цѣнной и заслуживающей награды.

Оригинальныя стихотворенія г-жи Чюминой могутъ быть подраздѣлены на 1) аллегоріи, символы, сравненія; 2) описанія природы; 3) чисто лирическія выраженія настроенія; 4) стихотворенія на случай.

Всѣ эти стихотворенія весьма различны по качеству. Чего-либо выдающагося, такъ называемыхъ «перловъ искусства»,

искать было бы напрасно. Есть стихотворенія недурныя, порою и очень, но не мало и посредственныхъ. Большинство обнаруживаютъ недостаточную обработку. Стихъ дается г-жѣ Чюминой настолько легко, что она не задумываясь вкладываетъ въ него всякое текущее содержаніе непосредственной, часто смутной и неопредѣленной дѣйствительности. Къ формальнымъ недостаткамъ нельзя не отнести различнаго рода лишнія слова, которыми г-жа Чюмина широко пользуется, портя этимъ въ другихъ отношеніяхъ недурныя стихотворенія.

Наименѣе удачны требующія наибольшей обдуманности стихотворенія — аллегоріи, символы, сравненія. Неясность выступаетъ въ нихъ особенно наглядно.

Наиболѣе удачны у г-жи Чюминой чисто лирическія стихотворенія, которыя по самой своей природѣ предполагаютъ сосредоточенность. Съ внѣшней стороны они также болѣе тщательно отдѣланы.

Вторая часть сборника содержитъ переводы изъ тридцати шести поэтовъ — двѣнадцати французскихъ, восьми англійскихъ и двѣнадцати нѣмецкихъ.

Разсматривая это пестрое разнообразіе поэтовъ и стихотвореній, нельзя не спросить, почему г-жа Чюмина избрала именно этихъ, а не другихъ поэтовъ, а изъ избранныхъ ею—именно эти, а не другія стихотворенія. Прямого отвѣта книга не даетъ, но о причинѣ выбора догадаться не трудно. Помимо чисто художественныхъ соображеній г-жа Чюмина руководилась во-первыхъ, модой, во-вторыхъ—политическими взглядами, въ третьихъ—простою случайностью. На такой выводъ наводятъ относительно моды разсѣянныя кое-гдѣ примѣчанія въ родѣ того, что такой-то поэтъ популярный, такія-то произведенія имѣли успѣхъ, относительно политики — содержаніе переведеннаго, а случайность выбора нѣкоторыхъ стихотвореній доказывается ихъ совершенной незначительностью по содержанію и формѣ. Вообще среди избранныхъ г-жей Чюминой стихотвореній не мало въ художественномъ отношеніи посредственныхъ и во всякомъ случаѣ со-

мнительнаго достоинства, которыя, само собою, остаются такими-же и въ переводѣ. Однако нѣтъ недостатка и въ цѣнныхъ, переведенныхъ по большей части хорошо.

Сопоставляя сказанное, надо признать, что переводы г-жи Чюминой — смѣсь хорошаго съ посредственнымъ. Слѣдуетъ однако оговориться, что въ большинствѣ случаевъ отвѣтственность за неважныя качества переведеннаго лежитъ на авторахъ стихотвореній, а не на переводчицѣ, въ общемъ безспорно искусной, и и что самая оцѣнка внутренняго достоинства художественныхъ произведеній всегда въ значительной мѣрѣ субъективна, такъ что малоцѣнное на взглядъ однихъ можетъ показаться полнымъ значенія на взглядъ другихъ. Необходимо также поставить на видъ, что неясность и неуклюжесть, быть можетъ, должны быть отчасти объяснены чисто внѣшнимъ недосмотромъ, корректурными ошибками, которыми испещрена книга. Какъ бы то ни было, большой стихотворный талантъ г-жи Чюминой внѣ сомнѣнія, и если нельзя не пожалѣть, что порою она тратитъ его безъ должной строгости къ тому, что даетъ, то за хорошее въ своихъ «Новыхъ стихотвореніяхъ» она въ правѣ расчитывать на поощреніе.

Комиссія по присужденію премій имени А. С. Пушкина, ознакомившись съ поступившими отъ гг. рецензентовъ рецензіями на сочиненія, допущенныя къ настоящему Пушкинскому конкурсу, большинствомъ двухъ третей голосовъ своихъ членовъ, требуемыхъ § 11-мъ о присужденіи премій имени А. С. Пушкина, присудила *полную* премію въ *тысячу* рублей за исполненный покойнымъ Д. Е. Миномъ переводъ «*Божественной Комедіи*» Данте.

Всѣ же остальныя сочиненія: гг. А. и П. Гансенъ, В. Г. Жуковскаго, В. И. Крыжановской, Б. Лазаревскаго, Е. М. Милицыной, И. И. Тхоржевскаго, Н. Б. Хвостова,

М. П. Чехова и О. М. Чюминой были удостоены Комиссіею единогласно почетныхъ отзывовъ имени А. С. Пушкина.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности, желая выразить свою признательность гг. рецензентамъ за написанные ими по особому его порученію критическіе разборы допущенныхъ къ XVII-му соисканію премій имени А. С. Пушкина сочиненій, постановило выдать установленныя *Пушкинскія золотыя медали* гг. почетнымъ академикамъ: К. К. Арсеньеву, П. И. Вейнбергу, А. О. Кони, К. Р., профессору Норвежскаго Университета О. Броку, профессору Университета св. Владиміра въ Кіевѣ А. Н. Гилярову и Директору Императорскаго Александровскаго Лицея А. П. Саломону.

Во избѣжаніе недоразумѣній, не рѣдко возникавшихъ по поводу срока, къ которому должны быть представлены сочиненія на Пушкинскія преміи, — Отдѣленіе русскаго языка и словесности считаетъ долгомъ заявить, что слѣдующій *ближайшій XVIII-й Пушкинскій конкурсъ* послѣдуетъ *въ 1909 году* и что *срокомъ* для принятія сочиненій на этотъ конкурсъ, на основаніи §§ 12-го Правилъ о преміяхъ имени А. С. Пушкина, назначено *29-ое января 1908 года*, почему всѣ сочиненія, которыя поступятъ въ Отдѣленіе *послѣ* этого срока, *будутъ отложены до XIX-го конкурса 1911 года.*

I.

Д. Е. Минъ: — *Данте-Алигьери, „Божественная Комедія". т. I: „Адъ" 1902 (XXXVI+355 стр.); т. II: „Чистилище" 1902 (462 стр.); т. III: „Рай" 1904 (436 стр.). Переводъ съ итальянскаго. (Спб., въ изданіяхъ А. С. Суворина, 1902—1904 гг.).*

Зорю бьютъ... Изъ рукъ моихъ
Ветхій Данте выпадаетъ;
На устахъ начатый стихъ
Недочитанный затихъ...

Эта несомнѣнно-автобіографическая замѣтка, относящаяся къ 1829 году, свидѣтельствуетъ о томъ, что Пушкинъ читалъ Данте, и надо думать, что чтеніе это произвело на Пушкина сильное и глубокое впечатлѣніе. Уже въ 1830 году онъ дѣлаетъ попытку писать терцины. Отрывокъ «Въ началѣ жизни школу помню я» безукоризненъ съ точки зрѣнія стиха и, что еще замѣчательнѣе, всецѣло проникнутъ Дантовскимъ духомъ. Кажется, будто читаешь одно изъ спокойно-величавыхъ мѣстъ Божественной Комедіи. Въ 1832 году Пушкинъ опять возвращается къ Данте, на этотъ разъ прямо подражая ему (хотя пишетъ не пяти, а шестисложнымъ ямбомъ), причемъ тонко подмѣчаетъ свойственную Данте черту ироніи въ тѣхъ случаяхъ, когда караемые грѣшники не заслуживаютъ сочувствія.

Своими подражаніями Данте Пушкинъ показалъ, что стихотворная форма «Божественной Комедіи» вполнѣ доступна для русскаго стиха.

Первую попытку познакомить русскихъ читателей съ «Божественной Комедіей», сохранивъ размѣръ подлинника, сдѣлалъ Дмитрій Минъ, помѣстившій въ 1844 году въ «Москвитянинѣ» переводъ V пѣсни «Ада». Черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ этого перваго опыта—въ 1904 году—закончено изданіе полнаго перевода

«Божественной Комедіи» Д. Е. Мина, уже послѣ смерти автора, послѣдовавшей въ 1885 году.

Обозрѣвая эту по истинѣ монументальную работу, нужно имѣть въ виду, что Д. Е. Минъ не переставалъ усовершенствовать ее. Издатель его труда, имѣвшій въ рукахъ рукописи Мина, свидѣтельствуетъ, что переводчикъ обдумывалъ каждое выраженіе, каждое слово, немилосердно уничтожая готовый переводъ въ поискахъ за лучшимъ изображеніемъ мысли творца «Божественной Комедіи». Отчетъ въ этой работѣ можно отдать себѣ при сличеніи перевода «Ада» въ первомъ изданіи 1855 года и въ изданіи 1902 года. Такъ, напримѣръ изъ 136 стиховъ I пѣсни «Ада» остались неизмѣненными 63; изъ 142 стиховъ V пѣсни — 30; изъ 142 стиховъ XXVI пѣсни — 16. Не говоря о перемѣнѣ отдѣльныхъ словъ и выраженій, сплошь и рядомъ измѣнялись цѣлыя терцины, причемъ приходилось жертвовать риомами, о которыхъ развѣ Пушкинъ могъ говорить съ полною увѣренностью: «Двѣ придутъ сами, третью приведутъ». Естественно, что 1-ая часть поэмы «Адъ» отдѣлана тщательнѣе «Чистилища» и въ особенности «Рая». Но это не умаляетъ поэтическихъ достоинствъ перевода, а заставляетъ только пожалѣть, что автору не суждено было поработать надъ второю и третьею частями поэмы такъ же, какъ потрудился онъ надъ первою частью.

Приступая къ оцѣнкѣ перевода Д. Е. Мина, нужно прежде всего установить общую точку зрѣнія на задачи, которыя могутъ быть поставлены переводчикамъ «Божественной Комедіи».

Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что для лица желающаго изучить «Божественную Комедію» переводъ этого произведенія можетъ имѣть только второстепенное значеніе. Какъ бы ни былъ онъ точенъ и близокъ къ подлиннику, все равно онъ не можетъ передать оттѣнковъ словъ, которые воспринимаются только при чтеніи въ подлинникѣ. Что можетъ быть, казалось бы, проще воззванія Франчески къ Данте: «O animal grazioso e benigno...», а между тѣмъ какъ различно оно переводится. Ближе всего передаетъ его Longfellow словами: «O living creature gracious and

benignaut...», но эта близость объясняется тѣмъ, что употреблены тѣ же слова, что въ подлинникѣ, только въ англійской транскрипціи. Philalethes передаетъ близко: «O du mitleidiges und holdes Wesen», но порядокъ словъ уже измѣненъ, а слово «mitleidiges» нѣсколько съуживаетъ значеніе слова «benigno». Оба названные поэта переводили бѣлымъ стихомъ, а, слѣдовательно, были свободнѣе въ выборѣ словъ и не стѣснялись риѳмой. Streckfuss переводитъ: «Du, der uns besuchst voll Güt und Huld». Kannegiesser—«O Wesen du, so reich an Güt und Milde...». Gildemeister — «Freundliches Wesen, dass so hold gewogen...». Изъ русскихъ переводчиковъ Петровъ передаетъ этотъ стихъ словами: «О существо, отраденъ твой привѣтъ...». Минъ словами: «О кроткій духъ, въ комъ дышетъ къ намъ любовь». Послѣдніе пять переводчиковъ были стѣснены риѳмой, а потому должны были пытаться передать смыслъ, не гоняясь за буквальностью и успѣвая въ этомъ въ мѣру даннаго каждому таланта. Для изучающаго «Божественную Комедію» всѣ приведенные переводы не представляютъ интереса. И какими бы словами онъ ни передалъ для собственнаго употребленія слова «grazioso e benigno», онъ усвоитъ ихъ себѣ не въ иностранномъ, а въ итальянскомъ смыслѣ этихъ словъ. То же самое еще въ большей степени приложимо къ цѣлымъ поэтическимъ образамъ и къ многочисленнымъ разсужденіямъ, которыми испещрена «Божественная Комедія», давая пищу многочисленнымъ и разнообразнымъ комментаріямъ.

Переводъ «Божественной Комедіи» нуженъ для широкаго круга читателей, которые не ставя себѣ цѣлью изученіе поэмы, желаютъ познакомиться съ ея содержаніемъ, воспринять созданные авторомъ поэтическіе образы, отдать себѣ отчетъ въ строѣ мысли и въ идеяхъ автора и ощутить то непередаваемое словами, но внятное для души настроеніе, которое называется духомъ поэтическаго произведенія. Если переводъ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ, то, хотя бы онъ не отличался буквальностью, онъ долженъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Переводъ не стѣсненный риѳмою, конечно, будетъ ближе къ подлиннику, чѣмъ переводъ риѳмован-

ный. Но если переводчику удается безъ искаженія языка передать иностранное произведеніе въ стихотворной формѣ подлинника, то слѣдуетъ отдать предпочтеніе переводу риомованному. Въ особенности приложимо это замѣчаніе къ переводу «Божественной Комедіи». Какъ ни прекрасны переводы Philalethes'a и Longfellow, тѣмъ не менѣе отсутствіе риомы живо чувствуется въ нихъ и, особенно, отсутствіе терцины. Эта форма наиболѣе подходитъ для повѣствованія. Періодъ обыкновенно ограниченъ тремя стихами, изъ которыхъ средній закончѣнъ незвучащей риомой. Эта риома требуетъ созвучія и, слѣдовательно, продолженія повѣствованія, которое заканчивается лишь тогда, когда въ заключительной строкѣ прозвучала послѣдняя риома. Только съ выдержанной терциной отдѣльныя пѣсни «Божественной Комедіи» получаютъ ту пластическую законченность, которая составляетъ одну изъ типическихъ особенностей поэмы Данте. Другую особенность «Божественной Комедіи» представляетъ стиль этого произведенія, характеристику котораго даетъ Scartazzini въ слѣдующихъ словахъ: «Всегда приспособленный къ предмету стиль этотъ то суровъ и дикъ, то мягокъ и нѣженъ; порою онъ подобенъ стремительному потоку, который съ большимъ шумомъ низвергается съ горы; порой подобенъ пріятному журчанію ручейка, который спокойно пробѣгаетъ по цвѣтущему лугу; порой это ужасающій ревъ осужденныхъ грѣшниковъ и демоновъ; порой—пріятное созвучіе гимновъ блаженныхъ и ангельскихъ арфъ». Задача переводчика состоитъ въ томъ, что бы усвоить себѣ и передать эти оттѣнки стиля. Наконецъ, надо имѣть въ виду, что хотя «Божественная Комедія» написана народнымъ языкомъ, тѣмъ не менѣе выдержана, такъ сказать, въ высокомъ стилѣ, почему переводчику позволительно и даже можетъ быть рекомендовано не гнаться за простотою и безыскуственностью слога и не избѣгать реченій, свойственныхъ приподнятому стилю, и даже архаическихъ выраженій.

Эту критическую мѣрку приложимъ къ переводу Мина.

Какъ выше упомянуто, переводъ этотъ не буквальный, а потому прежде всего возникаетъ вопросъ, въ какой мѣрѣ онъ бли-

зокъ къ подлиннику. Чтобы дать себѣ отчетъ въ этомъ, приведемъ нѣсколько мѣстъ. — Возьмемъ знаменитое начало VIII пѣсни «Чистилища»:

Era già l'ora che volge il disio
Ai naviganti, e intenerisce il core
Lo dì che han detto ai dolci amici addio;
E che lo nuovo peregrin d'amore
Punge, se ode squilla di lontano.
Che paja il giorno pianger che si more...

Минъ переводитъ:

Насталъ ужъ часъ, когда *въ нѣмой печали*
Летятъ мечтой пловцы *къ родной странѣ*,
Гдѣ въ этотъ день прости друзьямъ сказали;
Когда томится пилигримъ *вдвойнѣ*,
Услыша звонъ, вдали *гудящій глухо*,
Какъ будто плача объ *отшедшемъ* днѣ.

Курсивомъ отмѣчены тѣ слова, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ. или значеніе которыхъ не буквально соотвѣтствуетъ подлиннику. Спрашивается: въ какой степени умѣстны эти слова, не искажаютъ ли они смысла подлинника, соотвѣтствуютъ ли они настроенію пьесы? Въ данномъ случаѣ слова *къ родной странѣ* подчеркиваютъ смыслъ слова *«volge»*: слова *вдвойнѣ*, *въ нѣмой печали* и *глухо*, нужныя для риѳмы, немного ослабляютъ впечатлѣніе поэтическаго образа, дѣлая его болѣе расплывчатымъ, чѣмъ въ подлинникѣ, но не вносятъ никакого диссонанса.

Другой примѣръ изъ конца III пѣсни «Ада»:

Finito questo, la buja campagna
Tremò sì forte, che dello spavento
La mente di sudor ancor mi bagna.
La terra lagrimosa diede vento,

Che balenò una luce vermiglia,
La qual mi vinse ciascun sentimento,
E caddi come l'uom cui sonno piglia.

Переводъ Мина:

Лишь кончилъ онъ, какъ мглистый *долъ кругомъ*
Потрясся такъ, что въ *хладный* потъ донынѣ
Всего меня бросаетъ мысль о томъ.
Изъ *нѣдръ* земли исторгся вихрь въ пустынѣ,
Какъ молнія, *сверкнулъ со всѣхъ сторонъ*,
И, чувствъ лишась, въ той *плачущей долинѣ*
Я палъ, какъ тотъ, кого объемлетъ сонъ.

Здѣсь переводчику можно поставить въ упрекъ возникновеніе вихря *изъ нѣдръ земли*, пропускъ словъ *dello spavento*, а главное пропускъ указанія на красный цвѣтъ молніи (balenò una luce vermiglia), такъ какъ всякія указанія на характеръ освѣщенія въ подземномъ царствѣ весьма цѣнны.

Еще примѣръ изъ начала XIII пѣсни «Ада»:

Non era ancor di là Nesso arrivato,
Quando noi ci mettemmo per un bosco
Che da nessun sentiero era segnato.
Non frondi verdi, ma di color fosco;
Non rami schietti, ma nodosi e involti;
Non pomi v'eran, ma stecchi con tosco.
Non han sì aspri sterpi nè sì folti
Quelle fiere selvagge che in odio hanno
Tra Cècina e Corneto i luoghi colti.

Переводъ Мина:

Нессъ не достигъ еще на óнполъ брода,
Какъ ужъ вошли мы въ *дикій боръ одни*,
Гдѣ не было и тропки для прохода.

Въ немъ, скорчившись, растутъ кривые пни;
Въ немъ все темно, безъ зелени, безъ цвѣта;
Въ немъ яда полнъ безплодный тернъ въ тѣни.
Въ такую глушь безплодную, какъ эта,
Не мчится *вепрь* съ воздѣланныхъ полей
Межъ Чечины лежащихъ и Корнето.

Здѣсь въ описаніи лѣса, въ которомъ томятся души самоубійцъ, Минъ отказался отъ фигуры противоположенія (Non frondi verdi, ma di color fosco и т. д.). Но ближайшій разборъ перевода показываетъ, что ни одна изъ характерныхъ чертъ въ описаніи подлинника не упущена. Есть указаніе на отсутствіе зелени, на господствующій темный цвѣтъ (color fosco), на ядовитый тернъ, на безплодность растеній (sterpo, по комментарію Buti, значитъ — безплодное дерево). Отличія, отмѣченныя курсивомъ, не имѣютъ никакого существеннаго значенія, и, въ общемъ, можно смѣло утверждать, что переводъ вполнѣ соотвѣтствуетъ подлиннику по силѣ и яркости образовъ.

Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести множество на пространствѣ 14233 стиховъ, изъ которыхъ слагается «Божественная Комедія». Но и приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы отдать себѣ отчетъ въ пріемѣ, который примѣняетъ Минъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ вынужденъ отступить отъ буквальнаго перевода. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится что-либо исключить, онъ избираетъ для этого второстепенныя подробности и старается сохранить самыя типичныя выраженія и тѣ слова, которыя заключаютъ въ себѣ хотя бы намекъ на пропущенное. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ему предстоитъ что-либо прибавить, а такіе случаи всего чаще встрѣчаются подъ вліяніемъ требованій риѳмы, — онъ прибавляетъ или безразличныя слова, или такія, которыя являются либо повтореніемъ, либо развитіемъ словъ подлинника, вошедшихъ въ переводъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ переводъ подстрочный; но когда это требуется ясностью изложенія или трудностью размѣстить слова въ томъ порядкѣ, въ

которомъ они размѣщены въ подлинникѣ, Минъ отступаетъ отъ подстрочности, но старается, по крайней мѣрѣ, держаться въ предѣлахъ терцины.

Одной изъ наиболѣе трудныхъ задачъ для переводчика «Божественной Комедіи» является передача философскихъ и богословскихъ разсужденій Данте, въ которыхъ совопросникъ на словесныхъ состязаніяхъ на улицѣ Fouarre обнаруживаетъ свое искусство въ схоластическихъ пріемахъ диспутовъ. Минъ удачно преодолѣваетъ эти трудности. Вотъ примѣръ изъ XXIV пѣсни «Рая». Апостолъ Петръ спрашиваетъ Данте:

. . . .«Христовъ рабъ добрый, объяви,
Скажи мнѣ: что есть вѣра?»
. . . .
— «Та благодать, чьей властью предстою
Предъ первымъ воиномъ, да дастъ мнѣ силы
Изречь» — я началъ — «исповѣдь мою».
И продолжалъ:—«Какъ пишетъ братъ твой милый,
Съ кѣмъ, отче, Римъ ты вывелъ изъ цѣпей
(Слова жъ его суть истины мѣрилы!), —
«Есть вѣра — сущность чаемыхъ вещей
И аргументъ невидимыхъ; въ семъ смыслѣ
Я понимаю свойство вѣры всей».
И былъ мнѣ гласъ:—«Мнишь вѣрно! Но размысли
И объясни: зачѣмъ отнесъ ее
Ты къ сущностямъ и аргументамъ мысли?»
И я ему: — «Тѣ глубины и все,
Что́ мнѣ воочью кажутъ эти сферы,
Такъ скрыты тамъ, что все ихъ бытіе
«Мы познаемъ лишь съ помощію вѣры,
Надеждою вѣнчанной; потому
Я сущностей даю ей всѣ размѣры.
«Отъ вѣры этой надлежитъ уму
Безъ доказательствъ мыслить; потому-то

Какъ аргументъ и вѣру я приму».
И былъ мнѣ гласъ:—«Будь въ мірѣ всѣмъ вдохнуто
Ученье вѣры въ чистотѣ такой,
Затихла-бъ тамъ и всѣхъ софистовъ смута».
Такъ лился духъ мнѣ изъ любви святой,
И вслѣдъ затѣмъ:—«Испробовавъ заранѣ
Металлъ и вѣсъ монеты золотой,
«Имѣешь-ли ее, скажи, въ карманѣ?»
— «Да», — я сказалъ, «и такъ она цѣла
И блещетъ такъ, что фальши нѣтъ въ чеканѣ».

Сравнивая этотъ отрывокъ перевода съ подлинникомъ, можно отмѣтить два мѣста, которыя желательно было бы видѣть переведенными болѣе буквально ради соблюденія колорита.

Словамъ «Я понимаю *свойство* вѣры *всей*» должны соотвѣтствовать: «E questa pare a me sua quidditate». Варварское слово quidditas желательно было бы сохранить, какъ образецъ схоластическаго опредѣленія. Въ словахъ «Отъ вѣры этой надлежитъ уму безъ *доказательствъ мыслить*» выражается не совсѣмъ та-же мысль, какъ въ словахъ подлинника: «E da questa credenza ci conviene sillogizzar, senza avere altra vista», потому что съ средневѣковой точки зрѣнія въ понятіи силлогизма заключено въ нѣкоторомъ смыслѣ понятіе доказательства. Я умышленно остановился на этихъ тонкостяхъ, чтобы показать, какъ несущественны тѣ возраженія, которыя можно сдѣлать переводчику на допущенныя имъ отступленія отъ подлинника.

Не приводя другихъ примѣровъ, я утверждаю, что Минъ передаетъ въ общемъ вполнѣ достаточно и отчетливо кругъ идей, въ которыхъ вращался Данте.

Мнѣ надлежало-бы привести теперь примѣры такихъ мѣстъ «Божественной Комедіи» въ переводѣ Мина, которыя показали-бы, въ какой мѣрѣ переводчикъ передаетъ настроеніе и духъ подлинника. Затрудняясь въ выборѣ, настолько богатъ этотъ выборъ, я приведу наудачу слѣдующее:

Въ XXVII пѣсни «Ада» описывается, какъ мучатся заключенные въ пламень злые совѣтчики. Вотъ какъ разсказываетъ о своей судьбѣ одинъ изъ нихъ — Гвидо-де-Монтефельтро:

И, пророптавъ съ минуту, острый рогъ
Взадъ и впередъ тутъ пламя покачало
И такъ въ отвѣтъ дохнуло отъ тревогъ:
— «Когда-бъ я зналъ, что дать мнѣ надлежало
Отвѣтъ тому, кто возвратится въ свѣтъ, —
Повѣрь ничто-бъ огня не взволновало.
«Но если правда, что изъ ада нѣтъ
Живымъ возврата, какъ слыхалъ я прежде,
То, не страшась безславья, дамъ отвѣтъ.
«Я воинъ былъ; потомъ въ святой одеждѣ
Отшельника мечталъ вознестись въ рай,
И сбыться бы навѣрно той надеждѣ,
«Когда-бы жрецъ верховный — покарай
Его бѣда! — не ввелъ меня въ грѣхъ новый;
А какъ и чѣмъ онъ ввелъ меня — внимай.
«Пока костей и плоти несъ оковы,
Что́ мать дала мнѣ, я творилъ дѣла
Не львиныя, а лисьи строилъ ковы.
«Всѣ хитрости, всѣ извороты зла
Я зналъ и всѣ держалъ ихъ такъ во власти,
Что вѣсть объ нихъ на цѣлый міръ прошла.
«Когда-жъ увидѣлъ, что достигъ той части
Стези своей, гдѣ время намъ спускать
Всѣ паруса и убирать ихъ снасти, —
«Что такъ любилъ, о томъ я сталъ рыдать
И каяться, надежду возлелѣявъ,
Что, бѣдный, тѣмъ снищу я благодать.
«Но гордый князь новѣйшихъ ѳарисеевъ,
Воздвигнувшій войну на латеранъ,
А не на злыхъ срацинъ или евреевъ, —

«Какъ сущій врагъ для тѣхъ изъ христіанъ,
Кто не ходилъ брать Акры, или смѣло
Торговлю весть среди султанскихъ странъ, —
«Забылъ въ себѣ свой долгъ, свой санъ всецѣло,
Во мнѣ же опозорилъ свѣтлый чинъ
Веревки той, что сушитъ въ грѣшныхъ тѣло.
«И какъ призвалъ Сильвестра Константинъ
Съ Сорактскихъ горъ, чтобъ снять съ него проказу,
Такъ онъ въ надеждахъ, что лишь я одинъ
«Уйму въ немъ жаръ горячки гордой сразу,—
Просилъ отвѣта; я-жъ сочтя его
За пьянаго, молчалъ, не внявъ приказу.
«А онъ:—«Въ душѣ не бойся ничего;
Прощу твой грѣхъ, лишь научи неложно,
Какъ Пенестрино срыть съ основъ его.
«Рай отпирать и запирать мнѣ можно:
Вѣдь у меня на то есть два ключа,
Чью мощь предмѣстникъ мой почелъ ничтожной».
«И я, изъ словъ столь важныхъ заключа,
Что, если я смолчу, мнѣ смерть готова,
Сказалъ:—«Коль, отче, съ моего плеча
«Снимаешь грѣхъ, въ него-жъ впадаю снова,
То выслушай: чтобъ тронъ возвысить свой,
Будь въ словѣ щедръ и скупъ въ свершеньи слова».
«Лишь умеръ я, Францискъ пришелъ за мной;
Тогда одинъ изъ херувимовъ черныхъ:
— «Не тронь! сказалъ: по всѣмъ правамъ онъ мой.
«Принадлежитъ онъ къ сонму мнѣ покорныхъ!
Съ тѣхъ поръ, какъ далъ совѣтъ онъ зло свершить,
Держу его за прядь волосъ позорныхъ.
«Безъ покаянья грѣхъ нельзя простить;
А, каясь, зла желать — то два понятья
Столь разныя, что — какъ ихъ согласить?» —
«О, какъ я дрогнулъ, бѣдный, какъ, въ объятья

Попавъ къ нему, услышалъ: «Что? не мнилъ,
Что логику и наша знаетъ братья?»
«Тутъ онъ меня къ Миносу притащилъ,
И тотъ, обвившись восемъ разъ и даже
Хвостъ прикусивъ отъ злости, возгласилъ:»
— «Иди въ огонь, огня повинный въ кражѣ!
Такъ вотъ за что я здѣсь горю огнемъ
И вѣчно огнь вокругъ меня на стражѣ».
Тутъ голосъ смолкъ, и вновь своимъ путемъ
Понесся пламень съ ропотомъ и стономъ,
Крутясь и корчась зыбкимъ остріемъ.

Если въ XXVII пѣсни «Ада» говорится о пожирающемъ адскомъ пламени, которое неугасимо потому, что служитъ проявленіемъ пребывающаго душевнаго состоянія нераскаянныхъ грѣшниковъ, то въ XXVII пѣсни «Чистилища» рѣчь идетъ объ очистительномъ огнѣ, сквозь который должны пройти души, чтобы избавиться отъ преходящихъ послѣдствій плотскихъ страстей. Вотъ какъ описывается прохожденіе Данте сквозь этотъ пламень:

Какъ въ часъ, когда лучъ первый солнце мещетъ
Туда, гдѣ кровь Творца его лилась
(Межъ тѣмъ какъ знакъ Вѣсовъ надъ Эбро блещетъ,
Надъ Гангомъ же горитъ девятый часъ), —
Такъ солнце здѣсь стояло, день кончая,
Когда Господень Ангелъ встрѣтилъ насъ.
Внѣ пламени, онъ, возвышаясь съ края,
Пропѣлъ: «Beati mundo corde» намъ,
Какъ не звучитъ на свѣтѣ пѣснь живая —
Потомъ:—«Проникнуть можно къ тѣмъ мѣстамъ
Не иначе, какъ сквозь огонь: войди же,
О, родъ святой, чтобъ внять поющимъ тамъ!»
Такъ онъ сказалъ, лишь подошли мы ближе;
И, слыша то, я обмеръ, какъ злодѣй,

Кого спускають въ ровъ все ниже, ниже.
И вспомнилъ я, глядя на пламень сей,
Всѣмъ тѣломъ вытянуть, простерши руки,
Казнь виданныхъ мной на кострѣ людей.
И подошли вожди ко мнѣ, и звуки
Я слышалъ словъ Виргилія:—«Мой сынъ,
Здѣсь смерти нѣтъ, но могутъ быть лишь муки!
«О! вспомни, вспомни... Если я одинъ
Тебя сберегъ, подъятый Геріономъ,
То здѣсь, близъ Бога, кину-ль безъ причинъ?
«И вѣрь ты мнѣ, что еслибъ, скрытый лономъ
Сего огня, въ немъ пробылъ сто вѣковъ,—
И волоска ты-бъ не утратилъ въ ономъ.
«И чтобъ за ложь не счелъ моихъ ты словъ,
Приблизься самъ и, взявъ конецъ одежды,
Вложи въ огонь смѣлѣй: онъ не суровъ.
«Такъ брось же, брось боязнь и, полнъ надежды,
Вернись ко мнѣ и—смѣло въ огнь за мной».
Но я стоялъ упорнѣе невѣжды.
И, видя, что я твердой сталъ скалой,
Слегка смутясь, сказалъ онъ: — «Отъ царицы
Ты отдѣленъ, мой сынъ, лишь сей стѣной!»
Какъ, слыша имя Ѳисбе, вдругъ зѣницы
Открылъ Пирамъ въ мигъ смерти и взглянулъ,—
И алымъ сталъ цвѣтъ ягодъ шелковицы,
Такъ духъ во мнѣ вождь мудрый пошатнулъ
Тѣмъ именемъ, что каждый разъ такъ звонко
Звучитъ душѣ, будя въ ней страсти гулъ.
И покачавъ челомъ, съ усмѣшкой тонкой:
—«Что-жъ остаемся здѣсь?» спросилъ меня,
Дразня, какъ манятъ яблокомъ ребенка.
Тутъ предо мной вошелъ онъ въ пылъ огня,
И Стацій, что шелъ межъ насъ вначалѣ,
Просилъ идти вослѣдъ мнѣ, тылъ храня.

Вхожу. Но ахъ! въ клокочущемъ металлѣ
Или стеклѣ прохладнѣй было-бъ мнѣ,
Чѣмъ въ пеклѣ томъ, пылавшемъ въ страшномъ шквалѣ.
Чтобъ ободрить мнѣ сердцѣ въ томъ огнѣ,
Онъ говорилъ о Беатриче съ жаромъ:
— «Ужъ взоръ ея мнѣ виденъ въ вышинѣ!»
И чей то гласъ, намъ пѣвшій за пожаромъ,
Насъ велъ въ пути, и, внемля пѣснѣ сей,
Туда, гдѣ всходъ, мы шли въ огнѣ томъ яромъ.
— «Venite benedicti patris mei»
Звучало намъ во свѣтѣ столь блестящемъ,
Что я, смущенъ, не смѣлъ возвесть очей.
— «Ужъ сходитъ ночь за солнцемъ заходящимъ»,
Онъ продолжалъ: «впередъ! ускорьте шагъ,
Пока нѣтъ мглы на западѣ горящемъ».

Не могу удержаться, чтобы не привести конца той же XXVII пѣсни «Чистилища», въ которой трогательно описано разставаніе Данте съ Виргиліемъ:

По лѣстницѣ мы вихремъ пронеслись,
И лишь пришли къ ступени той конечной,
Какъ ужъ въ меня глаза его впились,
И онъ сказалъ: — «Огнь временный и вѣчный
Ты зрѣлъ, мой сынъ, и вотъ! пришелъ туда,
Гдѣ разумъ мой безсиленъ быстротечный.
«Мой умъ съ искусствомъ ввелъ тебя сюда;
Руководись теперь ужъ самъ собою,
Не крутъ, не узокъ путь, нѣтъ въ немъ труда.
«Смотри, какъ солнце блещитъ предъ тобою,
Смотри, какъ травки, кустики, цвѣты
Рождаетъ здѣсъ земля сама собою!
«Пока придутъ тѣ очи красоты,
Что мнѣ въ слезахъ явились въ злой юдоли,

Здѣсь можешь сѣсть, ходить здѣсь можешь ты.
«Не жди рѣчей, моихъ совѣтовъ болѣ, —
Творить свободно, здраво, прямо выборъ данъ
Тебѣ, своей покорствуя лишь волѣ, —
И мной вѣнцомъ и митрой ты вѣнчанъ».

Въ заключеніе приведу отрывокъ изъ XXXIII пѣсни «Рая»— молитву св. Бернарда къ Матери Божіей. Она проникнута такимъ благоговѣніемъ, въ которомъ ярко отражается пламенно любящая и горячо вѣрующая душа Данте:

— «О Дѣва Мать, дщерь твоего-же Сына!
Смиренная, Ты выше твари всей,
Предвѣчнаго Совѣта цѣль едина!
«Ты еси та, что естество людей
Такъ вознесла, что жизнь подавшей дѣвѣ
Не возгнушался жизнь пріять отъ ней.
«Любовь въ твоемъ такъ воспылала чревѣ,
Что дивный жаръ ея раскрылъ цвѣтокъ
Въ семъ вѣчномъ мірѣ, здѣсь на райскомъ древѣ.
«На небѣ Ты полуденной истокъ
Намъ благости, а долу—до могилы
Для смертныхъ Ты живой надеждъ потокъ.
«Владычица, такой полна Ты силы,
Что кто ждетъ благъ безъ помощи твоей,
Тотъ мнитъ летѣть желаньями безкрылый.
«Не только всѣхъ молящихъ ты людей
Помощница, но часто и моленье
Ты упреждаешь благостью своей.
«Въ Тебѣ любовь, въ Тебѣ благоволенье,
Въ Тебѣ могущество, въ Тебѣ одна
Достойная часть Божьяго творенья.
«Сей смертный мужъ, вознесшійся со дна
Вселенной всей къ сему небесъ селенью

И духовъ жизнь всю видѣвшій сполна,
«Днесь молитъ Тя, да дашь подъ сею сѣнью
Ты мощь ему, чтобъ выше возносилъ
Онъ очеса къ послѣднему спасенью.
«Я-жъ, что во вѣкъ такъ жарко не просилъ
Себѣ тѣхъ благъ, какъ днесь ему, шлю паки
Къ тебѣ мольбы (о! не лиши ихъ силъ!):
«Разсѣй своей молитвой смертны мраки
Послѣдніе съ очей его, да зритъ
И высшаго блаженства здѣсь онъ знаки.
«Еще-жъ молю Царицу, что̀ творитъ
Все, что̀ восхощетъ, — да по созерцаньи
Свое стремленье здравымъ сохранитъ.
«Земнымъ страстямъ поставь свои въ немъ грани,
Зри Беатриче, зри, какъ свѣтлый хоръ,
Молясь со мной Тебѣ, слагаютъ длани».
И палъ очей, Творцу пріятныхъ, взоръ
Къ молящему, явивъ мнѣ, какъ сердечный
Молитвы гласъ благой въ полетѣ скоръ.

Мнѣ слѣдовало-бы теперь остановиться на комментаріяхъ Мина къ «Божественной Комедіи». Комментаріи эти не представляютъ, въ общемъ, самостоятельнаго труда, но это тщательно, съ толкомъ, если можно такъ выразиться, со вкусомъ сдѣланный сводъ изъ обширной Дантовской литературы. Впрочемъ въ настоящее время едва ли возможны какіе либо другіе комментаріи, кромѣ сводныхъ. О комментаріи Мина Scartazzini говоритъ, что, примыкая, преимущественно, къ нѣмецкимъ знатокамъ Данте, Минъ не оставляетъ безъ вниманія комментаріевъ итальянскихъ и французскихъ, и что, вообще, этотъ комментарій не боится сравненій съ тѣми, которые въ Италіи обычно служатъ пособіемъ лицамъ, изучающимъ Данте. Это мнѣніе Scartazzini основано на изученіи комментарія Мина къ «Аду» въ первомъ изданіи и, конечно, отзывъ знаменитаго изслѣдователя Данте былъ бы еще

болѣе лестнымъ, если-бы онъ имѣлъ въ рукахъ комментарій, приложенный къ послѣднему изданію.

Сводя все сказанное о переводѣ «Божественной Комедіи» Мина, я нахожу, что трудъ этотъ вполнѣ достоинъ Пушкинской преміи. Переводчикъ обогащаетъ отечественную литературу вѣрной передачей одного изъ величайшихъ, всемірныхъ произведеній поэтическаго творчества. Сохраняя стихотворную форму подлинника, переводчикъ, съ мастерствомъ выходитъ изъ затрудненій, которыя на каждомъ шагу создаетъ подлинникъ, не только по богатству и трудности внутренняго содержанія, но и по чисто внѣшнимъ даннымъ, каковы: большая длина русскихъ словъ, сравнительно съ итальянскими, и относительная бѣдность русскихъ риѳмъ. Эти достоинства пріобрѣтаютъ особую важность и значеніе, если принять во вниманіе, что переводъ Мина почти одинокъ въ русской литературѣ. Можно сказать, что Минъ не имѣлъ предшественниковъ, а, слѣдовательно, не могъ прибѣгать къ критическому пріему, не могъ провѣрять ихъ другими и долженъ былъ пролагать себѣ пути, полагаясь исключительно на свои собственныя силы. Тотъ фактъ, что на премію представленъ переводъ сравнительно давно умершаго автора, не долженъ-бы, казалось, служить поводомъ къ отказу отъ присужденія преміи, ибо въ концѣ концовъ награждается не столько авторъ, сколько цѣнный вкладъ въ отечественную литературу, и я считалъ-бы вполнѣ справедливымъ отмѣтить значеніе этого вклада присужденіемъ полной Пушкинской преміи.

II.

Полное собраніе сочиненій **Генриха Ибсена.** *Переводъ съ датско-норвежскаго* **А.** *и* **П. Ганзенъ.** *Томы 3, 4, 5, 6 и 7.*

А.

Подъ правила о Пушкинскихъ преміяхъ въ этихъ пяти томахъ подходятъ, какъ написанныя и переведенныя стихами, только три пьесы: «*Перъ Гюнтъ*», «*Брандъ*» и «*Комедія Любви*».

«Перъ Гюнтъ» и «Брандъ» переведены сообразно подлиннику, бѣлыми стихами. Въ первомъ употреблены размѣры: пятистопный ямбъ (иногда встрѣчается и шестистопный), хорей, анапестъ, дактиль, амфибрахій (всѣ съ различнымъ количествомъ стопъ). Рифмованные стихи встрѣчаются только въ одномъ мѣстѣ (Хоръ и пѣсня Анитры въ шатрѣ арабскаго вождя). — Въ «Брандѣ» размѣры: пятистопный (съ попадающимся иногда шестистопнымъ) ямбъ, и во многихъ сценахъ трехстопный дактиль, при чемъ онъ иногда — по крайней мѣрѣ въ русскомъ переводѣ — совсѣмъ не подходитъ къ сюжету; такъ напр. въ стран. 403 и слѣд., 438 и слѣд. Рифмованныхъ стиховъ довольно много; такъ на стран. 326 цѣлая тирада, 330 — окончаніе монолога, 361 — средина монолога, 378 — цѣлый монологъ, и др.

Бѣлый ямбическій стихъ въ обѣихъ пьесахъ такой, какой обыкновенно употребляютъ русскіе переводчики, даже изъ числа лучшихъ, — т. е. безъ строгаго соблюденія законовъ стихосложенія, обусловливающихъ ту необходимую музыкальность, превосходнымъ образцемъ которой служитъ бѣлый стихъ Пушкина, и съ тѣмъ пріемомъ, благодаря которому этотъ бѣлый стихъ въ большинствѣ случаевъ подходитъ скорѣе къ хорошей «метрической прозѣ». Тѣмъ не менѣе въ переводѣ А. и П. Ганзенъ встрѣчается много бѣлыхъ стиховъ вполнѣ удовлетворительныхъ, и переводъ вообще — за исключеніями, образцы которыхъ приведены ниже — читается довольно легко и передаетъ (особенно въ «Брандѣ») часто очень туманно высказанныя мысли автора до-

вольно ясно. Какъ на тяжелые, неправильные въ стихотворномъ и грамматическомъ отношеніи и т. п. стихи можно указать для примѣра на слѣдующіе:

«Ингридъ страсть къ тебѣ какъ льнула».
«Обжогся. Съ тѣхъ поръ съ нимъ и не въ ладахъ мы».
«А! это новый домъ дѣда».
«Точь въ точь какъ наши; посмѣй они лишь».
«Нельзя мнѣ сюда не навѣдаться было».
«Неслись по горамъ, по доламъ мы».
«И требованія свои мнѣ далъ».
«И такъ оттачиваете вы ваши...»
«Каково мнѣ въ жизни вообще пришлось».
«Я шпоры героя у себя въ рукахъ считалъ» (*т. е. я считалъ, что шпоры героя у меня въ рукахъ*).
«Свое мужское проявляя *я*».
«Тебѣ, само собой, замѣть себѣ».
«Нѣтъ, гдѣ же видѣлъ я когда-то что-то — Похожее на чучело вотъ это?»
«Лозунги тѣ-мы, которые ты — Провозгласить былъ бы долженъ».
«Богъ мой, Онъ буря тамъ, гдѣ вѣтеръ твой (*т. е. гдѣ твой богъ-вѣтеръ*).
«Святыня «я» его—его призванье».
«Прочь же, долой тѣхъ, кто насъ ослѣпилъ!»
«...вопреки старинной нашей — Пословицѣ: завязанное нá спѣхъ — Скоренько и развяжется, какъ нá смѣхъ».
«Послушаетесь разума призыва».
И т. п.

Встрѣчаются и весьма тяжелые періоды; напримѣръ: «Но нѣчто есть, что̀ существуетъ вѣчно — Несотворенный духъ, попавшій въ рабство — Весною первой бытія, обрѣтшій — Свободу вновь, когда отъ плоти мостъ — Онъ къ своему источнику, мостъ вѣры — Несокрушимой смѣло перебросилъ».

Переводъ пьесы «Комедія Любви», сдѣланный риѳмованнымъ стихомъ и такъ называемымъ «грибоѣдовскимъ» размѣромъ, нельзя не признать, относительно внѣшней формы, вполнѣ неудовлетворительнымъ: риѳма для переводчиковъ очевидно представляетъ камень преткновенія, избранный размѣръ тоже весьма затруднителенъ, чѣмъ и обусловливается почти сплошное присутствіе тяжеловѣсныхъ, неудобочитаемыхъ стиховъ. Вотъ нѣсколько образцовъ діалога дѣйствующихъ лицъ:

«...Вы такъ глядите на меня?
— Да, вотъ она,
Черта, что̀ не даетъ достать до дна
Озеръ глубокихъ—глазъ ея, играетъ въ прятки
Съ лукавымъ эльфомъ смѣха въ уголкахъ у рта».

« . . . . Гдѣ процвѣтаетъ
Лишь дама, женщина же увядаетъ,
А я послѣднюю (*т. е. женщину*) одну лишь въ васъ люблю».

« . . . . О, что̀ за сила
Въ тебѣ, что уцѣлѣть отъ урагана могъ,
Валившаго вокругъ тебя другихъ всѣхъ съ ногъ!»

«И чтобъ свободно обращаться тутъ,
Должна любовь пройти тяжелую дорогу
Черезъ Сибирь формальностей, гдѣ-бъ ей не могъ
Вреда нанесть морской соленый вѣтерокъ;
А по пути набрать должна стараться
Отъ пастора и кистера, друзей, родныхъ
И чорта въ ступѣ—грамотъ пропускныхъ,
О вольной же, что̀ Богъ ей далъ, не заикаться».

А вы шагайте-ка себѣ съ своей любовью,
Отречься отъ которой, не сморгнувши бровью,
Могли вы даже раньше, чѣмъ пропѣлъ пѣтухъ».
И т. п.

Что касается до трудности для переводчиковъ справляться съ риѳмою, то лучшимъ свидѣтельствомъ въ этомъ отношеніи служитъ нерѣдкое употребленіе рядомъ нѣсколькихъ словъ съ одинаковыми, риѳмующими между собою окончаніями. Напримѣръ: «День я — заключенья — мгновенье — провидѣнья — стѣсненье». Или: «Орошенье — лишенье — отношенье». Или: «мечты — хрипоты — суеты — и ты...» и т. п.

Благозвучіе стиха часто нарушается неудачнымъ чередованіемъ стиховъ съ мужскими и женскими окончаніями: мужскіе слѣдуютъ непосредственно за мужскими (не риѳмуя), женскіе за женскими (тоже не риѳмуя). Напримѣръ:

«Да чѣмъ тебѣ оно не полюбилось? (*сриѳмуетъ съ предшествующимъ «удивилось»*)
Вѣдь это слово намъ надежды окрыляетъ!»

«И такъ всю жизнь. Да и за ней-то есть
Иль нѣтъ конечный путь — Богъ вѣсть!
Послушать васъ, возьметъ невольно страхъ».

«Мой Стюверъ эксцентриченъ безъ того.
Скорѣе надо отозвать его.
Поди сюда, мой милый!..
Я сейчасъ».

«Вы знаете, я вѣрю всей душою:
Тому, кто не владѣетъ даромъ пѣснопѣнья...»
И т. п.

Не смотря однако на вышеуказанные недостатки, (къ которымъ можно присоединить нѣсколько неправильностей языка и неправильныхъ удареній), переводъ А. и П. Ганзенъ, въ виду несомнѣнной трудности справляться съ такимъ авторомъ, какъ Ибсенъ, представляется трудомъ серьезнымъ и исполненнымъ добросовѣстно. Указанное же другимъ рецензентомъ важное достоинство—близость перевода къ подлиннику, увеличиваетъ цѣнность этой работы и даетъ ей полное право на присужденіе *почетнаго отзыва.*

Петръ Вейнбергъ.

Б.

Представляя свой критическій отзывъ на переводы гг. *А.* и *П. Гансеновъ,* помѣщенные въ изданіи «*Полное собраніе сочиненій Генриха Ибсена*», *томы II—VIII,* считаю не лишнимъ подчеркнуть, что отзывъ касается, согласно съ предложеніемъ Разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ, исключительно «точности передачи датско-норвежскаго подлинника». Не берусь судить о томъ, насколько удачна техника переводчиковъ (напр., когда они передаютъ норвежскіе титулы «fru», «fröken» и под.—ср. нѣм. Frau, Fräulein и под.—въ норвежской формѣ: «фру», «фрекенъ» и т. д.); еще менѣе, конечно, о томъ, насколько передача удовлетворяетъ русскихъ читаталей съ ихъ русской точки зрѣнія (напр., стиль, гдѣ таковой избранъ, по примѣру Ибсена, для характеристики языка старшей исторической эпохи; или эстетическое достоинство метрическихъ и риѳмированныхъ частей передачи). О такихъ сторонахъ перевода можетъ судить лишь русскій. Если кое-какія замѣтки въ моемъ отзывѣ случайно касаются подобныхъ вопросовъ, то это дѣлается лишь вскользь и условно, съ просьбой не обращать на нихъ большого вниманія.

Тѣ требованія, которыя можно предъявлять къ переводчикамъ по части точности передачи, конечно, довольно различны, смотря по роду передаваемаго сочиненія, а также по роду самой

передачи. Это надо имѣть въ виду и при обсуждаемой передачѣ разныхъ работъ Ибсена.

Въ отношеніи прозаической передачи такихъ прозаическихъ произведеній, какъ письма Ибсена или его позднѣйшія драмы, относящіяся къ нашему времени, требованіе совершенной, даже почти буквальной точности вполнѣ естественно. Наоборотъ, при передачѣ тѣхъ драмъ его, которыя, хотя написаны и прозой, но имѣютъ сюжеты не изъ современной жизни, и въ которыхъ это отражается на стилѣ и языкѣ произведенія, уже нельзя настаивать на соблюденіи такой буквальной точности. Наконецъ, при передачѣ стиховъ стихами нужно предоставить переводчику довольно широкую свободу: главныя мысли подлинника, конечно, должны быть ему святы и неприкосновенны; вмѣстѣ съ этимъ главныя метафоры и выраженія, которыя въ подлинникѣ обусловливаютъ тѣ чувства, тѣ настроенія, которыя имѣлъ или хотѣлъ вызывать авторъ, останутся у хорошаго переводчика по возможности нетронутыми; но дальше этого требованія строгой точности при такого рода переводахъ, по моему, не могутъ итти; въ болѣе мелкихъ чертахъ и линіяхъ нужно предоставить переводчику двигаться довольно свободно, по чутью и умѣлости.

Я предполагаю, что эти общія положенія извѣстны всѣмъ, въ особенности тѣмъ, кто личнымъ опытомъ знакомъ съ трудомъ переводчика; тѣмъ не менѣе я считалъ правильнымъ предпослать замѣтку о нихъ, чтобы не было недоразумѣній насчетъ исходной точки или, скорѣе, исходныхъ точекъ моего критическаго отзыва. Многое въ немъ построено на субъективной оцѣнкѣ—иначе и не можетъ быть.

Чтобы мои критическія замѣтки не ввели никого въ заблужденіе, я хочу предпослать имъ слѣдующее: переводы гг. Ганзеновъ, въ общей суммѣ, со стороны точности передачи, по моему мнѣнію — безусловно хорошая работа, заслуживающая у земляковъ великаго драматурга и хвалы и искренней благодарности. Моя критика относится большею частью лишь къ мелкимъ под-

робностямъ, и эти критическія замѣтки, безъ которыхъ отзывъ не былъ бы отзывомъ, не колеблютъ высказаннаго сейчасъ общаго моего мнѣнія.

Начинаю съ т. VIII, содержащаго «*Статьи; Рѣчи; Письма*». По совѣщанію съ норвежскимъ редакторомъ изданія писемъ Ибсена, г. Котъ, я не нашелъ нужнымъ сравнивать весь томъ съ норвежскимъ подлинникомъ; стиль Ибсена въ этихъ текстахъ, особенно въ его письмахъ, представляетъ вообще мало интереснаго. За то я разсмотрѣлъ подробнѣе группу писемъ, которая особенно цѣнна въ разныхъ отношеніяхъ: письма къ Бьерисону.

О русской передачѣ прежде всего подчеркнемъ, что она не слѣдуетъ подлиннику «дипломатарнымъ» образомъ. Она пропускаетъ отрывки, которые переводчики вѣроятно считаютъ не имѣющими цѣнности для русскихъ читателей (напр., с. 130, послѣ словъ ...«на путешествіе по горамъ Сабиніи»; с. 143, послѣ выраженія «изъ газетъ не узнаешь самого главнаго — настроенія»; с. 386, послѣ словъ ...«о наградахъ и субсидіяхъ имъ самимъ»). Иногда, наоборотъ, она вставляетъ слова, чтобы объяснить положеніе для русскихъ читателей, но безъ того, чтобы напр. помощью [ ] обозначить вставку (напр., с. 128, слова «у датчанъ» въ выраженіи «взятое у датчанъ при Дюббёлѣ»; слова «съ Сѣвера» въ выраженіи ...«ожидали подкрѣпленія съ Сѣвера и все-таки»...).

Но помимо этихъ, намѣренно предпринятыхъ маленькихъ перемѣнъ текста, я отмѣтилъ въ просмотрѣнной группѣ писемъ не такъ мало выраженій, отношеніе которыхъ къ подлиннику вызываетъ критику.

Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не вполнѣ удачная передача легко извиняется недостаточнымъ знакомствомъ съ нашимъ норвежскимъ государственнымъ устройствомъ. Такъ, мы находимъ на с. 398 выраженіе «государственный совѣтъ» на мѣстѣ норв. «statsrådet»; но это обозначаетъ «министерство» (въ значеніи совѣта или комитета министровъ, подъ предсѣдательствомъ образовавшаго министерство министра-президента, безъ участія дру-

гихъ чиновныхъ или частныхъ лицъ). Тамъ же (а также с. 248) употребляется выраженіе «департаментъ вѣроисповѣданій» за норвежское «kirkedepartement»; но «department» у насъ значитъ (отдѣльное) министерство; «kirkedepartementet», ср. «das Kultusministerium», — «министерство духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія» [1]).

Но этого извиненія мы уже не имѣемъ въ другихъ случаяхъ не вполнѣ удачной или мѣткой передачи словъ подлинника. Привожу нѣкоторые изъ тѣхъ примѣровъ, которые сильнѣе другихъ бросаются въ глаза.

С. 123. «...отлично могу себѣ представить, что подобнаго рода сомнѣнія ни въ какомъ отношеніи не могли послужить на пользу нашимъ отношеніямъ». — На мѣстѣ «нашимъ отношеніямъ» подлинникъ имѣетъ слова «sagens gang» (ходу дѣла).

С. 124. «... (мнѣ недостаетъ иллюзій и прежде всего) личнаго индивидуальнаго впечатлѣнія, которое должно быть присуще художнику и выражаться въ его произведеніи».—По моему, это не передаетъ вполнѣ словъ подлинника «det personlige og individuelle udtryk såvel i kunstverket som hos kunstneren» (der persönliche und individuelle Ausdruck sowohl im Kunstwerk wie bei dem Künstler [2]).

С. 125. «... Микель Анджело, Бернини и его школа мнѣ гораздо понятнѣе...»; — слóва «гораздо» нѣтъ въ подл. Ср. с. 135 «...теперь же меня очень стѣсняетъ мой долгъ консулу Браво...»; — «очень» не нахожу въ подлинникѣ. Насчетъ этихъ и под. примѣровъ указываю на общее замѣчаніе на стр. 55—57 моего отзыва.

С. 126. «...ни разу не позволило ему хотя словомъ намек-

1) Подъ эту категорію можно поставить, если она не просто опечатка, передачу шведской фамиліи Blanche—«Бланшъ»— въ формѣ Бланхе или Бланке.

2) По легко понятнымъ причинамъ нерѣдко прибѣгаю къ нѣмецкому языку въ своей критикѣ. Но прошу помнить, что я не нѣмецъ, и считаться съ моей передачей лишь условнымъ образомъ: она большею частью — только дословный переводъ, для объясненія приведенныхъ норвежскихъ словъ.

нуть на мое зависимое отъ него положеніе...».—Стóитъ сравнить эти слова съ подл.: ...dog aldrig har tilladt ham med et ord at antyde, at han betragter mig som sin eiendem på reisen... (...ihm jedoch niemals erlaubt hat auch mit einem Worte anzudeuten, dass er mich während der Reise als sein Edeigenthum betrachte...), — видно, что смыслъ Ибсена хотя и переданъ, но блѣдно и, по моему, съ искаженіемъ особаго въ этомъ случаѣ стиля автора. Подобное отмѣчено не разъ.

С. 126. «...Надѣюсь скоро услышать отъ тебя кое-что и насчетъ театральныхъ твоихъ дѣлъ». — Подл. имѣетъ лишь «om theatersagen» (von der Theatersache), никакого «твоихъ».

С. 128. «... — мы (т. е. сѣверяне) все-таки останемся жить, какъ нація».—Подл. говоритъ «som nationer» (мн. ч.: какъ націи), чего не слѣдуетъ перемѣнять.

С. 142. «...и прошу тебя помочь мнѣ выяснить это дѣло...»; — Подл. говоритъ ...til at få sagen fremmet (die Sache zu fördern, или под.).

С. 159. «...помнишь, какъ два года тому назадъ пытались оказать давленіе на тебя...». — Подл. говоритъ немного больше: ...forsögte på at benytte mig for at tvinge dig... (versuchten, mich dazu zu benutzen, dich zu nötigen (zwingen) ...).

С. 159. «...Это обѣщаніе дается...».—Подл. собственно говоритъ «erklœring» (Erklärung).

С. 183. «...это знакъ милости Божіей...» — Ср. подл. «Der re en Guds hjœlp z tilskikkelse deri» (es liegt eine Hilfe und Fügundeg Gottes darin).

С. 185. «...Та партія, чья газета обнаружила явную несправедливость ко мнѣ...». — Ср. подл.: «hvis blad har åbnet sig for uretfœrdighed mod mig» (deren Blatt sich für Ungerechtigkeit gegen mich geöffnet hat).

Какъ сказано, я выбралъ только нѣсколько примѣровъ, для характеристики такихъ мѣстъ, гдѣ переводчики могли бы, по моему, безъ ущерба отнестись внимательнѣе къ словамъ подлинника. Число этихъ примѣровъ я могъ бы значительно увеличить

даже изъ той небольшой группы писемъ, къ которой я присмотрѣлся поближе. А если сопоставить ихъ съ тѣмъ, чего мы касались выше, т. е. что тамъ и сямъ сдѣланы сокращенія текста, то я считаю нужнымъ высказать мнѣніе, что передача писемъ Ибсена принадлежитъ, по отношенію къ точности, къ болѣе слабымъ сторонамъ труда переводчиковъ, даже есть, можетъ быть, его слабѣйшая часть.

Несомнѣнно, переводчики и въ обсуждаемомъ восьмомъ томѣ представили *вообще* хорошую работу. Для обыкновеннаго читателя, для не слишкомъ спеціальныхъ литературныхъ занятій, для пониманія развитія Ибсена, русская передача писемъ въ переводѣ гг. Гансеновъ представляетъ, конечно, вполнѣ достаточное пособіе. Но она не совсѣмъ свободна отъ погрѣшностей и ненужныхъ измѣненій подлинника, на которыя долженъ обратить извѣстное вниманіе тотъ, кто желалъ бы познакомиться особенно близко съ образомъ выраженія Ибсена въ письмахъ, или добивался бы тѣхъ, и въ подробностяхъ вполнѣ обезпеченныхъ, знаній, которыя нужны, напр., изслѣдователю-спеціалисту.

Перехожу къ тѣмъ драмамъ Ибсена, сюжетъ которыхъ принадлежитъ не современной жизни, а древнѣйшимъ историческимъ эпохамъ. «Богатырскій курганъ» и «Олафъ Лиліекрансъ» я оставилъ въ сторонѣ, какъ менѣе интересныя, за то подробнѣе разсмотрѣлъ прочія.

«*Пиръ въ Сольхаугѣ*» (т. II) не вызываетъ многихъ замѣчаній. Для нѣкоторыхъ изъ тѣхъ особыхъ выраженій, которыя употреблены подъ вліяніемъ «романтическаго» стиля драмы, не удалось, можетъ быть, найти вполнѣ соотвѣтствующія слова въ русской передачѣ (напр., с. 199, «œrbar ungmö»—благородная дѣвица; с. 188 «prud» — ловкій; с. 169 «gjœv» — благородный); но объ этомъ можно спорить, и я во всякомъ случаѣ не берусь отыскать тѣхъ русскихъ словъ, которыя были бы, можетъ быть, удачнѣе. Лишь объ употребляемомъ за «hövisk kvinde» выраженіи «благочестивая женщина» можно, пожалуй, прямо сказать, что оно неправильно, хотя и оно не причиняетъ большого

вреда. Можно дальше сказать, что переводъ норв. «huldre» — сверхъестественныя существа нашихъ народныхъ сказокъ, собственно «скрытыя существа» — черезъ «дріада» для меня, какъ норвежца, плохо согласуется съ общимъ тономъ драмы; но, можетъ быть, и не легко найти лучшаго.—Какъ видно, эти замѣтки незначительны; также не вредитъ особенно, что на с. 213 двѣ короткихъ реплики по ошибкѣ перемѣнили мѣсто, а именно:

Эрикъ. Это неумышленно, могу поклясться.
Гудмундъ. Кнутъ, Кнутъ,—что ты надѣлалъ!

Норвежскій подлинникъ этой драмы представляетъ смѣсь стиховъ и прозы. Это давало переводчикамъ основаніе пользоваться для передачи и части длинныхъ метрическихъ пассажей подлинника прозой. Передача тогда, конечно, слѣдуетъ словамъ и выраженіямъ подлинника ближе, чѣмъ тамъ, гдѣ переводчики пользуются метрической формой. Но и о метрическихъ частяхъ перевода можно сказать, что вообще нельзя жаловаться на слишкомъ крупныя отступленія отъ содержанія подлинника. Въ этомъ отношеніи замѣчаются, конечно, разныя степени. Не вполнѣ удовлетворительными по отношенію къ точности я отмѣтилъ: строфу на с. 170, стихи с. 190, начало стиховъ с. 193; другія мѣста хотя и довольно свободны въ передачѣ, но остаются настолько въ рамкѣ подлинника, что не сто́итъ ихъ критиковать. Но есть мѣста, гдѣ переводчики удаляются пожалуй слишкомъ сильно отъ подлинника. Такъ, въ строфѣ с. 191—192: Гости (поютъ ...)

Пусть струны звенятъ! Подъ ихъ звонъ
Забудемъ усталость и сонъ!
До дна осушаемъ мы чары!
Цѣлуются, кружатся пары!
Вся ночь на пролетъ
Въ весельи пройдетъ!

Ср. съ четырьмя послѣдними строками слова Ибсена:

Hvor lystigt at trine på tilje!
Den jomfru brœnder så skœr som et blod
Det er sig den smådreng, bold og god,
Han favner den vœne lilje!

Это по-нѣмецки можно передать приблизительно:

Wie lustig ist doch den Tanzboden treten!
Die Jungzfer brennt so roth wie Blut
Das Knablein, tapfer (muthig) und gut
Umarmet die herrliche Lilie!

Едва ли нужно было уходить такъ далеко отъ словъ и мыслей поэта; невольно заключаю это, сравнивая, напр., съ тѣмъ, какъ хорошо согласуются съ подлинникомъ строфы на с. 193. Значительныя отклоненія можно упомянуть и на с. 208 (вверху) и др.

Но не буду подчеркивать такія, впрочемъ и не многочисленныя, мѣста. Въ критикѣ слѣдуетъ ихъ упомянуть, но при общей оцѣнкѣ они почти исчезаютъ. Передачу обсуждаемой драмы слѣдуетъ, по моему, считать, по отношенію къ точности, вообще хорошей.

Къ передачѣ драмы «*Фру Ингеръ изъ Эстрота*» (т. II) можно, какъ и къ предшествующей, сдѣлать нѣкоторыя замѣтки насчетъ подробностей. Находимъ нѣсколько мелкихъ неточностей, хотя и неважныхъ.

С. 65. «Финнъ (входитъ изъ дверей направо...)» — вм. налѣво.

С. 69. Элина (продолжая). «Вотъ почему вы въ эту ночь оставляете» и т. д. — Подл. имѣетъ «ved nattetid (въ ночную пору, ночью или под.)

С. 70. Фру Ингеръ. «...Большинство членовъ совѣта того мнѣнія...». — Подл.: «skal vœre af den mening» (soll der Meinung sein).

С. 72. Элина. «...и вы бросаете волкамъ своихъ дѣтей одно за другимъ». — Подл.: «eders dötre« (своихъ дочерей).

С. 76. Олафъ Скактавль. «...Сына моего... убили на

моихъ глазахъ. . .». — Подл. не говоритъ такъ, но «slog de ihjel for mig som en hund» (haben sie mir wie einen Hund getötet).

С. 77. Олафъ Скактавль. «. . .Вы вели свой родъ отъ древнѣйшихъ родовъ Норвегіи. . .». — Подл. въ моемъ изданіи имѣетъ «de œdleste» (edelsten, а не ältesten)

С. 81. Нильсъ Люкке. «. . .Онъ здѣсь?. . . Ты узналъ его? Видѣлъ его?» — Подл. имѣетъ «vilde du kunne gjenkjende ham» (würdest du ihn erkennen können?).

С. 81. Нильсъ Люкке. «. . .Я хочу спросить—можно ли выбраться изъ Эстрота, если» и т. д. — Выпало «useet» (ungesehen).

С. 97. «. . .а на груди моей увядшій букетъ, который бросила къ моимъ ногамъ молодая дѣвушка. . .». — Вм. послѣднихъ двухъ словъ подл. говоритъ «en kvinde» (женщина).

С. 107. Нильсъ Стенсенъ (со смѣхомъ). «Графъ Стуре? Вы думаете, я. . .» и т. д. — Подл. говоритъ «J også», т. е. *И* вы думаете. . .

С. 138. Элина. «. . .Теперь я вѣдь понимаю, какъ высоко ты стоишь надъ всѣми. . .». — Подл. имѣетъ «sigter» (цѣлишь).

С. 141. Нильсъ Люкке. «Могильный склепъ. . .! (Про себя). Все равно; *его* необходимо спасти». — Слово «его» въ передачѣ отличено курсивомъ; подлинникъ не подчеркиваетъ его.

Я могъ бы прибавить еще нѣсколько примѣровъ, но ограничусь этими.

Можно, далѣе, указать на отдѣльные случаи, въ которыхъ русскій переводъ едва ли согласуется вполнѣ съ общимъ стилемъ подлинника или норвежскими условіями жизни. Напр., на сс. 82, 83 и 110 слово «ryttere» передается «кавалеристы» — едва ли удачно для этой драмы и ея времени: лучше «всадники», которое находимъ въ другихъ мѣстахъ. С. 68, «родовые замки» за наше «gårde» для меня звучитъ не такъ хорошо (можетъ быть «вотчины» лучше?). — Иногда избраны, по моему, болѣе блѣдныя слова въ сравненіи съ подлинникомъ. Такъ, напр., с. 61: Элина. «Вотъ оно! Такъ и есть! Клянусь, такъ и есть!» — гдѣ «клянусь» соотвѣтствуетъ «ja ved Kristi kors» (ja, bei dem Kreuze Christi). С. 130:

Олафъ Скактавль. «Вполнѣ. Пусть будетъ по вашему»... Ср. подл.: «Lad det voves, som I vil» (Lass es gewagt werden, wie Ihr wollet).—Въ одномъ выраженіи на с. 80 (ср. также с. 105), «на третій вечеръ послѣ обѣдни Мартынова дня», передающемъ «Mortensmesse», слово «обѣдни» ненужно и даже неправильно: наше «Mortensmesse» просто—Мартыновъ день.—С. 112, въ репликѣ Нильсъ Стенсена «. . .Да, да, канцлеръ Педеръ куетъ желѣзо, пока горячо» — избрана поговорка, которая не соотвѣтствуетъ поговоркѣ подл-а: «har mange jern i ilden», т. е. занимается заразъ многими дѣлами.

Но все это, какъ мы видимъ, лишь незначительныя подробности, которыя не въ состояніи поколебать общаго моего мнѣнія, что переводъ обсуждаемой драмы вообще по точности передачи очень хорошъ. Норвежскій діалогъ, прозаическій и не напыщенный, получилъ, насколько я могу судить, соотвѣтствующую форму.

Лишь одна черта передачи вызываетъ у меня общую критическую замѣтку. Эта черта поразила меня сначала при пересмотрѣ обсуждаемаго перевода, я поэтому и упомяну ее здѣсь, тѣмъ болѣе, что она проявляется въ «Фру Ингеръ изъ Эстрота» въ довольно значительномъ числѣ случаевъ; но примѣры ея — отдѣльные или нѣсколько — встрѣчаются чуть ли не во всѣхъ переводахъ, такъ что ее нужно характеризовать, по моему мнѣнію, какъ маленькую психологическую «слабость», или, скажемъ, хоть склонность переводчиковъ. Если сравнить изъ названной драмы, напр., с. 137: Фру Ингеръ. . . «Развѣ предки мои не властвовали здѣсь какъ короли» и т. д., съ подлинникомъ, то послѣдній, по крайней мѣрѣ въ томъ изданіи, которымъ я пользовался, не имѣетъ «здѣсь». Также не нахожу въ своемъ изданіи подл-а словъ «къ тебѣ» въ репликѣ Элины с. 140: . . .«я всегда вернусь назадъ къ тебѣ, въ свою клѣтку». С. 56, Финнъ говоритъ: «Лезвія нѣтъ — сточено»; подл. имѣетъ лишь первую часть (Eggen er borte, т. е. лезвія нѣтъ). Ср. его слѣдующую реплику: «Безъ рукоятки. Не за что взяться»; подл. опять имѣетъ лишь первую часть.

Такіе случаи можно указать въ не совсѣмъ маломъ числѣ, и я нахожу, что въ иныхъ мѣстахъ переводчики рискуютъ придавать ими выраженіямъ оттѣненіе, не *совсѣмъ* соотвѣтствующее подлиннику. Въ вышеназванной драмѣ я, напр., отмѣтилъ реплику Бьерна на стр. 59: «Да, въ тѣ времена и вы были свѣтлая, веселая», съ «и», котораго нѣтъ въ моемъ изданіи подлинника. С. 144, Нильсъ Стенсенъ въ переводѣ говоритъ: «Много падали подберете вы на дорогѣ...», между тѣмъ какъ подл. имѣетъ «Aadslerne vil I finde langs veien» (die Aeser werdet Ihr längs dem Wege finden). С. 139, въ репликѣ Нильса Люкке, находимъ «...что жизнь этого юнкера мнѣ дороже тысячъ другихъ»,— между тѣмъ какъ мой подл. говоритъ «er mig tusinder værd» (ist mir viele Tausende werth); прибавленное «другихъ» перемѣняетъ здѣсь тотъ смыслъ, который подлинникъ имѣетъ для моего глаза: именно тысячъ — не жизней, но денегъ.

Я, конечно, далекъ отъ того, чтобы осуждать каждое маленькое прибавленіе къ словамъ, которыя находятся въ моемъ изданіи подлинника, или даже, чтобы ставить всѣ «добавочныя слова» въ одну и ту же категорію. Несомнѣнно, многія такія прибавки просто технически необходимы въ русской передачѣ; въ другихъ случаяхъ считаю вѣроятнымъ, что разныя изданія подл. не вполнѣ сходны, — обстоятельство, которое я не считалъ нужнымъ разслѣдывать. Однако не могу отказаться отъ высказаннаго мнѣнія, что переводчики въ рядѣ этихъ маленькихъ добавленій обнаруживаютъ небольшую слабость, о которой справедливый отзывъ долженъ упомянуть.

Такія добавленія могутъ въ иныхъ случаяхъ довести до извѣстнаго — шутникъ сказалъ бы «женскаго» — гиперболизма, который не вполнѣ согласуется съ трезвымъ образомъ выраженія Ибсена; какъ примѣры, можно указать на упомянутые выше, стр. 49, изъ перевода писемъ обороты: «Микель Анджело, Бернини и его школа мнѣ гораздо понятнѣе»; «...теперь же меня очень стѣсняетъ мой долгъ консулу Браво»,—въ которыхъ слова́ «гораздо» и «очень» относятся на счетъ переводчиковъ.

Мы видѣли и увидимъ, что въ другихъ случаяхъ можно спросить, представляетъ ли данное такимъ образомъ пополненіе въ сущности именно то, что подразумѣвалъ авторъ. Я во всякомъ случаѣ подчеркну, что такія пополненія, даже тамъ, гдѣ они, можетъ быть, прямо и не вредятъ, но и не нужны, легко представляются для соотечественника Ибсена маленькимъ недостаткомъ «благоговѣнія» передъ мѣткой сжатостью языка великаго драматурга: Ибсенъ для насъ, такъ сказать,—синонимъ сжатаго стиля. Не говорю ужъ о томъ, что «объясненія» или «улучшенія», хотя бы и невинныя, иногда идутъ въ разрѣзъ съ техникой, которая, какъ извѣстно, часто нарочно предоставляетъ читателямъ или слушателямъ самимъ пополнить высказанное.

Послѣ этой общей замѣтки перехожу къ знаменитой исторической драмѣ «Kongsemnerne», переданной, подъ нѣсколько измѣненнымъ титуломъ «*Борьба за престолъ*», въ т. III. Переводъ этотъ не вызываетъ много замѣчаній съ моей стороны.

Опечатка на с. 154 можетъ ввести въ заблужденіе, обозначая Скальда Ятгейръ ирландцемъ вм. исландца.—Другая опечатка или описка, с. 194, «на Рюэнѣ воздвигается женскій монастырь», вм. «на Рейнѣ», также можетъ вызвать недоразумѣніе: Рейнъ лежитъ около Нидаросъ (Трондгьемъ), но «Рюэнскія горы»—мѣстность около Осло, нынѣ въ Христіаніи (ср. въ самомъ переводѣ на с. 202).—С. 259, Король Скуле. «Пусть всѣ мои люди соберутся на о с т р о в ъ . . .»: послѣднее слово стоитъ вм. норв. собст. имени «Ören» (Эре), мѣстности при Нидаросъ.

Кстати, насчетъ названій: не знаю, почему имя Андресъ, с. 174, ударяется—е́съ; сколько я знаю, мы, норвежцы, сказали бы А́ндресъ. «Гейтенскій мостъ» (с. 249) намъ звучитъ нѣсколько ѳантастично вм. нашего «Gjeitebroen». Упоминаю это лишь потому, что переводчики вообще постарались передать русскимъ читателямъ наши собственныя имена въ точной ихъ формѣ; потому и можно также упомянуть, что переводчики свидѣтельствуютъ свое *датское* пониманіе названій формой

«Экебьергъ» (с. 248 и др.) вм. нашего «Экебергъ» или даже «Экебэргъ»[1]).

Какъ видимъ, это все мелочи, не имѣющія особеннаго значенія. Незначительны также: описка на с. 245 «на пути *въ* Іерусалимъ» вм. *изъ* Іерусалима, и пара мелкихъ пропусковъ. Больше вниманія обращаютъ на себя слѣдующія отмѣтки:

С. 158. Сигурдъ Риббунгъ. «...Мой дѣдъ, Магнусъ Эрлингссёнъ, былъ король...».—Сравнивъ съ словами подлинника—«мой дѣдъ (моимъ дѣдомъ?) былъ король Магнусъ Эрлингссёнъ», находимъ, что передача перемѣнила смыслъ настолько, что слѣдующее предложеніе (въ репликѣ Гокона) дѣлается для наблюдательнаго читателя не логическимъ.

Сс. 244 и 247, переводчики произвели нѣкоторую перемѣну въ оборотахъ подлинника, по моему, безъ необходимости и не безусловно удачно. С. 244, Ингебьоргъ говоритъ: «Забывать—право мужа», между тѣмъ какъ подл. выражается «det var din ret» (das war dein Recht). Ниже, на той-же стр., она говоритъ: «Беречь воспоминанія — счастье женщины», — опять оборотъ общій, вм. «det var min lykke» (das warmein Glück). Также и с. 247, мы находимъ: Ингебьоргъ (про себя). «... — вотъ сага женщины», — а подл. говоритъ «det blev min saga» (вотъ моя сага).

---

1) Кстати, не могу воздержаться отъ маленькой замѣтки «шовинистическаго» характера. На нѣкоторыхъ томахъ читаемъ: «переводъ съ *датскаго*». Полагаю, что такая, обидная намъ, норвежцамъ, ошибка вкралась не по винѣ переводчиковъ. На прочихъ томахъ стоитъ: «переводъ съ датско-норвежскаго». Но и это не по вкусу норвежца. Не слѣдуетъ датчанамъ усвоять себѣ никакой части Ибсена. Спеціалистамъ извѣстно, что языкъ образованныхъ норвежцевъ развился подъ сильнымъ вліяніемъ датскаго и стоитъ очень близко къ нему, особенно въ сохраняемомъ до сихъ поръ правописаніи, и вообще въ книжномъ образѣ выраженія. Но произношеніе расходится такъ сильно, что датчанину и въ голову не придетъ считать насъ, говорящихъ своимъ «датсконорвежскимъ» языкомъ, «датчанами» или какою-то націей между датской и «чисто» норвежской. Называютъ насъ и языкъ нашъ норвежскими, безъ лишнихъ украшеній съ лингвистическаго круга зрѣнія. А Ибсенъ, какъ можетъ быть никто другой, именно содѣйствовалъ выпарыванію и *книжнаго* норвежскаго языка изъ датскаго. Языкъ его, какъ и вся его личность и его произведенія, — норвежскій. Отчего не сказать тогда: «переводъ съ норвежскаго»?

С. 190, переводчики также, вольно или невольно, перемѣнили нѣсколько смыслъ. Ярлъ Скуле говоритъ: «...но вы, священники, окружали короля» и т. д.—вм. подл. «I, prest...», т. е. «Вы, священникъ!...» Это обращено къ одному лицу, Ивару Бодде, что видно и изъ слѣдующихъ далѣе репликъ.

Наконецъ укажу на репл. Короля Скуле, с. 266: «Я голоденъ! Гложи тутъ волкъ трупъ моей матери—я бы схватился съ нимъ изъ-за этой пищи». Мое изд. подлинника говоритъ: «Jeg er sulten, syg, syg; jeg ser döde mœnds skygger» (ich bin hungrig, krank, krank; ich sehe toter Männer Schatten). Передача, по моему, не соотвѣтствуетъ не только словамъ подлинника, но и характеру лица, въ уста котораго реплика вложена.

При переводѣ нѣкоторыхъ титуловъ даннаго времени можно спросить, нашли ли переводчики дѣйствительно подходящія слова. Когда «lagmand» (163) переводится «мужъ закона», то невольно спрашиваю, получается ли здѣсь для русскихъ понятіе того (высшаго) королевскаго судьи и т. д., чѣмъ былъ въ то время названное чиновное лицо.

Но хотя, такимъ образомъ, два-три оборота пожалуй отступаютъ отъ подлинника или не вполнѣ точно передаютъ его смыслъ, я однако нахожу, что этотъ переводъ, въ отношеніи точности, передаетъ знаменитую драму Ибсена не только хорошо, но отлично; не боюсь назвать его въ этомъ отношеніи образцовымъ.

Особенно крупныя требованія къ переводчикамъ поставила во многихъ отношеніяхъ трагедія «*Воители въ Гельгеландѣ*» (т. II). Поэтъ въ этой драмѣ, какъ извѣстно, мастерски пользуется стилемъ древнихъ исландскихъ сагъ; чтобы характеръ этого стиля вполнѣ отразился на переводѣ, нужно въ языкѣ перевода отыскать подобный же древній стиль, съ такимъ-же общимъ тономъ языка, если таковой въ немъ выработанъ.

Нечего поэтому удивляться, если мнѣ кажется, что чудныя выраженія Ибсена, съ ихъ характеристическимъ порядкомъ словъ и другими особенностями, въ русской передачѣ нерѣдко блѣднѣютъ и теряютъ особый свой цвѣтъ. Возьмемъ маленькій, легко

понятный примѣръ. Въ рядѣ выраженій подлинникъ употребляетъ для отрицанія, по примѣру сагъ, слово «мало», что придаетъ отрицанію особый оттѣнокъ; такъ, с. 336 «jeg vidste lidet» (дословно «ich wusste wenig»), 381 «lidet værdig», 384 «lidet hæderlig» и др. — «мало достойный», «мало честный» и под. Когда это передается обыкновеннымъ отрицаніемъ «не», тогда смыслъ автора, конечно, спасенъ, но стиль его, по моему, невольно блѣднѣетъ. Такимъ образомъ появляются выраженія, въ которыхъ внѣшняя форма въ передачѣ какъ будто усилена, между тѣмъ какъ въ сущности внутренняя ихъ сила ослаблена, если сообразиться съ психологическимъ характеромъ лицъ драмы; какъ примѣръ, возьмемъ с. 336, выраженіе Сигурда—«at sagen må drives sterkt, ifald det trænges om» (прибл. dass die Sache mit Kraft getrieben werden muss, falls nöthig wird) — въ передачѣ: «надо добиться своего во что бы ни стало».

Крупныя трудности причиняютъ, далѣе, техническіе, особенно древніе юридическіе термины. Когда, напр., «skoggangsmand» с. 333 переводится «лѣсной бродяга», то выраженіе теряетъ особое юридическое значеніе «geächtet»: вполнѣ и навсегда лишенный защиты законовъ. Выраженіе с. 336 — Сигурдъ... «далеко залеталъ я со своими викингами» — въ сущности обходитъ техническое понятіе словъ подлинника «vidt for jeg i viking», хотя перемѣна здѣсь не причиняетъ большого вреда.

Въ поговорочныхъ оборотахъ, такъ сильно напоминающихъ стиль древнихъ сагъ, переводъ иногда также имѣетъ недочеты. Какъ примѣръ, можно привести одно мѣсто на с. 339: Гуннаръ. «Ты правъ; и ошибки юности долженъ исправить зрѣлый мужъ...». Ср. подл.: «Du kommer med ret og skjel: har svenden flænget, får manden flikke».

Переводъ этой драмы поэтому вызвалъ у меня не мало вопросовъ и замѣтокъ. Считаю правильнымъ привести главныя изъ нихъ—но многія лишь какъ вопросы, удачны ли переводчики въ своей передачѣ; пусть читатели моего отзыва сами судятъ: субъективная оцѣнка не у всѣхъ одинакова.

Въ спискѣ лицъ, с. 332, норв. «bonde» передается «бондъ»; понятно ли это безъ маленькаго объясненія?

С. 335. Эрнульфъ. «...Пять зимъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Сигурдъ Могучій и Гуннаръ Ленникъ мирно пристали на своихъ ладьяхъ» и т. д.—Подл. говоритъ «havde fredland», техническое выраженіе, къ которому можно бы, можетъ быть, подойти поближе? (По нѣм. дословно «hatten Friedensland»).

С. 335, «ransböder» переводится «вѣно»; — удачно ли это? Рѣчь идетъ не о «Mitgift» или «Brautkauf», но на этомъ мѣстѣ о пенѣ за преступленіе; ср. с. 342, гдѣ «bod» передается «выкупъ», — не легко, конечно, найти всюду подходящее слово.

С. 338. Эрнульфъ. «Если ты примешь мои условія—миръ не будетъ нарушенъ». — Подл. имѣетъ «vil du, som jeg, så...», нѣм. дословно «willst du, wie ich, dann...». Какъ видно, это выраженіе *можетъ* имѣть данное ему въ русской передачѣ значеніе, но ближе лежитъ, по моему, другое, а именно приблизительно: «если ты питаешь такое-же желаніе, какъ я, то...».

С. 338. «Гуннаръ (останавливается при видѣ собравшихся). Эрнульфъ» и т. д. Послѣ «останавливается» выпали слова подл. «forundret og uviss» — удивленный и нерѣшительный.

С. 339. Эрнульфъ. «Твои люди угнали его скотъ, и надо возмѣстить ему потерю. Гуннаръ. А за убійство полагается вира...». — Ср. здѣсь подл. «For ran må bödes» — «For drab ligeså» (прибл. «Für Raub ist zu büssen» — «Für Todtschlag ebenso»). Ибсенъ, какъ видно, выражается въ мѣткихъ, краткихъ общихъ словахъ, что теряется въ передачѣ.

С. 340. «Йордисъ (останавливается въ нѣкоторомъ разстояніи). Какъ видно, силы наши равны». — Подл. говоритъ, во первыхъ: «останавливается у входа» (ved indgangen), а далѣе: «Mandssterke mödes vi her, som det synes»; это обозначаетъ, что на обѣихъ сторонахъ крупныя военныя силы — а не то, что эти силы равны, какъ переводчики, повидимому, поняли.

С. 341. Эрнульфъ. «Передъ твоимъ приходомъ заключенъ миръ...». — Здѣсь выпущено «så halvveis» (so halbwegs).

С. 342. «Йордисъ (съ силой). Такъ мы вызываемъ тебя со всѣми твоими на бой». — По моему это не соотвѣтствуетъ вполнѣ словамъ подлинника «Så trodser vi dig og dine» (Dann bieten wir dir und den deinigen Trotz).

С. 344. Передъ репликой Сигурда: «Быть можетъ; но вотъ что я скажу» и т. д. выпало med rolig fasthed — «съ спокойной твердостью» или под.

С. 346. Коре. «Йордисъ лишила меня мира...». Спрашивается, соотвѣтствуетъ ли это техническому выраженію подлинника: «har sagt mig fredlös»?

С. 348. Гуннаръ. «...Теперь я пойду готовить пиръ. Миръ вамъ» и т. д.—Послѣ словъ «Миръ вамъ» недостаетъ выраженія подлинника «så længe» (bis dahin, пока).

С. 357. Въ репл. Йордисъ находимъ: «...могучія женщины, которыхъ жизнь не укротила, какъ тебя и меня». Подлинникъ, по моему, говоритъ немного иначе: «de sterke kvinder, der ikke fristed livet tamt, som du og jeg» (прибл. «могучія женщины, которыя не вели кроткой жизни, подобной твоей и моей»).

С. 359. «Пиръ, гдѣ много пьютъ» (Гуннаръ) для меня не звучитъ вполнѣ удовлетворительно за «drikkelag» (Trinkgelage).

С. 361. Когда Торольфъ выражается: «Тогда Йокулю ...пришлось бы сѣсть еще ниже», то это удаляется нѣсколько отъ словъ подлинника «bænkas langt nede» («weit unten», не «noch weiter unten»).

С. 362. Выр. «Гуннаръ (вполголоса, поговоривъ съ Торольфомъ)...» представляетъ маленькую неточность (вм. поговоривъ вполголоса съ Т.).

С. 364. Послѣ словъ Йордиса: «...Презрѣннымъ негодяемъ будешь ты слыть отнынѣ!» выпущено «если». По моему, это немало измѣняетъ выраженіе.

С. 373. Длинная реплика Гуннара, по моему, удаляется нѣсколько отъ подл.: «Душа у тебя гордая, — за это я больше всего и люблю тебя. Ты внушаешь какой-то чарующій страхъ. ...Мнѣ сдается, ты могла бы увлечь меня на злодѣяніе, и мнѣ

казалось бы, что такъ и должно быть, разъ ты этого требуешь». Ср.: Dit sind er stolt og sterkt; der er de tider, da jeg fast ræddes for dig; men, selsomt, — derved er det mest, at jeg har dig så kjær; der står en koglende skræk af dig, — det bæres mig for, at du kunde lokke mig til udåd, og at det vilde tykkes mig vel gjört, alt det, du kræved (прибл.: Душа у тебя гордая и сильная; есть времена, когда почти боюсь тебя; но странно, потому именно больше всего я тебя такъ люблю; ты внушаешь какой-то чарующій страхъ, — мнѣ сдается, ты могла бы увлечь меня на злодѣяніе и т. д.).

С. 374. «Мѣха» не вполнѣ то, что въ подл. «Pell» (ср. «поволока»).

С. 374. Йордисъ. «...пѣть тебѣ веселыя пѣсни» и т. д. Подл. имѣетъ «fagre kvad»; fager: красивый.

С. 375. Йордисъ. «...узнать, откуда эти двое витязей» и т. д. Подл. говоритъ не «откуда», но «hvi» (warum, не woher).

С. 380. Когда (старый) вождь употребляется за «landnamsmand», то оно передаетъ лишь отчасти это техническое выраженіе (переселенецъ — въ Исландію — изъ первыхъ, которые заняли и распредѣлили всю землю тамъ подъ свои имѣнія).

С. 381. Сигурдъ. «...оттого и повѣдалъ тебѣ все». Ср. подл. «derfor måtte jeg tale nu» (deshalb musste ich jetzt reden).

С. 381. Сигурдъ. «Злосчастную нить спряла норна для насъ обоихъ» — метафора подл. звучитъ немного иначе: Et usaligt spind har nornen spundet om os to» (прибл. «злосчастною нитью норна обвила насъ съ тобою»).

С. 385. Слова Сигурда (внизу) «Она всему причина» не передаютъ особенно точно подл. «hun har mest del i min færd». Усиленіе внѣшней формы фразы въ передачѣ въ сущности ослабило внутреннюю ея силу; ср. замѣтку на стр. 60.

С. 387. Выраженіе «странствовать по морямъ» лишь условно передаетъ терминъ «fare i leding».

С. 388. Эрнульфъ. «...я хочу остаться здѣсь съ моими сыновьями» не передаетъ точно подл. «Jeg vil til mine sönner»

(Ich will zu meinen Söhnen или под.); потому и слѣдующія далѣе выраженія перевода не звучатъ мнѣ такъ естественно, какъ въ подлинникѣ.

С. 389—91. Знаменитая «Драпа Эрнульфа» въ переводѣ, по моему, по внѣшней формѣ пріятна, но содержаніе ея пострадало: не одна изъ лучшихъ метафоръ, напоминающихъ стиль древнихъ сагъ и скальдовъ, исчезла или же поблѣднѣла. Какъ примѣръ, можно указать на выраженіе передачи «я родился скальдомъ, — нѣтъ завиднѣй доли», въ сравненіи съ подл. «Tidlig fik jo Örnulf Suttungs mjöd at drikke» (Рано вѣдь Эрнульфъ пилъ мёду Суттунга, или под.).

С. 391. По моему, блѣдна и врядъ-ли точна передача: Дагни. «Да, надъ моремъ словно проносится буря»; — ср. подл.: Jo, der går et sælsomt uveir over havet (ja, ein seltsames Gewitter jagt über dem Meer).

С. 395. Сигурдъ. «Стой! своими заклинаніями ты навлекла бѣду на свою голову...» — Подл. собственно говоритъ больше: Din trolddomskunst har været dig overmægtig; den har и т. д. (Deine Zauberkunst ist dir übermächtig gewesen; sie hat и т. д.).

С. 396. Дагни говоритъ (внизу): «...но знаю, что лукъ ея здѣсь»; въ подл.: «at hendes bue har været her» (что лукъ ея былъ); — ср. соотвѣтствіе такого отвѣта съ вопросомъ Гуннара «Йордисъ была здѣсь?».

С. 397. «Всѣ въ ужасѣ сбиваются въ кучу». — Я понимаю слова подл. «farer forfærdede sammen» скорѣе какъ «вздрагиваютъ въ ужасѣ».

Какъ нарочныя добавленія, «объясненія» или «улучшенія» (ср. выше, стр. 55—57), укажу на слѣдующія отмѣтки:

С. 340. Йордисъ. «Если такъ, ты не будешь стоять за Коре и предашь его во власть моего мужа». — Въ подл. нахожу лишь «da vil du ikke negte at give Kåre i min husbonds vold» (ты не откажешься предать Коре во власть моего мужа).

С. 346. Коре. «...найду, чѣмъ поразить ее въ самое сердце!» — Подл. говоритъ лишь «чѣмъ поразить ее».

С. 349. Эрнульфъ. «Сдамся? Да, не будь въ домѣ Гуннара женщинъ... Или знай я, чѣмъ донять ее!...».—Сло́ва «или» я не нашелъ въ подл. и не нахожу его оправданнымъ.

С. 351. Сигурдъ. «...изъ за него могутъ поплатиться жизнью многіе доблестные мужи».—Въ подл. нѣтъ этого «доблестные», но можетъ быть, что оно здѣсь необходимо въ русской передачѣ.

С. 379. Слова̀ Йордисъ «Что же ты намѣренъ сдѣлать для этого» измѣняютъ немного слова̀ подл.: «Hvad vil du» (Was willst du?).

С. 382. Йордисъ. «...—я принадлежала Гуннару».—Хотя и таковъ смыслъ даннаго мѣста, но въ подл. сказано: «я принадлежала другому».

С. 384. Сигурдъ. «...прежде, сдавалось мнѣ, ты была великодушнѣе».—Подл. здѣсь употребляетъ положительную степень, а не сравнительную, что, по моему, даетъ нѣсколько иной смыслъ.

С. 386. «Сигурдъ (бросивъ прощальный взглядъ на Йордисъ)...» и ниже «Йордисъ (послѣ краткой паузы» и т. д.); въ подл. не нахожу ни «прощальный», ни «краткой».

С. 397 (внизу). Эрнульфъ. «...И не скоро забудутъ нашъ бранный походъ въ Гельгеландъ».—Послѣднихъ двухъ словъ нѣтъ въ подл., и они, по моему, представляютъ ненужное прибавленіе.

Къ приведеннымъ замѣткамъ можно было бы добавить еще нѣсколько, но для общей характеристики считаю это лишнимъ, хотя сравненіе именно этого перевода съ подлинникомъ наиболѣе интересно. Слѣдуетъ подчеркнуть, что хотя передача даетъ поводъ къ замѣткамъ и вопросамъ, особенно насчетъ техническихъ подробностей, но едва ли можно указать мѣста̀, гдѣ переводчики провинились въ настоящихъ недоразумѣніяхъ или болѣе крупныхъ отступленіяхъ отъ подлинника. При такой дѣйствительно трудной задачѣ, какъ переводъ обсуждаемой драмы, считаю это не малой заслугой. Въ отношеніи точности передачи и этотъ переводъ, по моему, отличается вообще какъ работа, за которую соотечественники Ибсена должны быть благодарными.

Крупное драматическое произведеніе «*Кесарь и Галилеянинъ*» (т. IV) далеко не представляетъ такихъ трудностей. Переводчики слѣдовали подлиннику вообще образцовымъ образомъ, и тѣ немногочисленныя замѣтки, которыя передача вызываетъ съ моей стороны, какъ увидимъ, вообще незначительны.

Подъ категоріей «прибавленій» (ср. стр. 55—57, со сдѣланными тамъ оговорками) отмѣчу слѣдующее:

С. 411. Юліянъ. «Руки императора бѣлы, прохладны и чисты». — Послѣдняго прилагательнаго нѣтъ въ моемъ изданіи подлинника.

С. 440. Юліянъ. «... — не хотѣлъ ли онъ укрыться отъ карающей власти императора». — «Карающей» прибавлено въ передачѣ, и, соображаясь съ окружающимъ, можно спросить себя: безсомнѣнно ли, что Ибсенъ имѣетъ въ виду именно эту мысль?

С. 446. (Юліянъ, вверху). «Не льстилъ мнѣ при нашей первой встрѣчѣ въ Константинополѣ»; — «первой» представляетъ по моему подлиннику прибавку,—можетъ быть невинную, но едва ли и нужную.

С. 452. (Юліянъ). «...По слухамъ, молода и прекрасна ...Богатѣйшая наслѣдница» и т. д. — По подл. «богатая» было бы достаточно.

С. 462. Юліянъ. «Мнѣ не вѣрить счастливымъ предзнаменованіямъ, когда они частью уже сбылись?...» — «Частью» не нахожу въ своемъ подлинникѣ.

С. 467. Когда Максимъ говоритъ: «Вѣнчай розами чело! Пей искрометное вино!», то это расширяетъ краткое выраженіе подлинника, который говоритъ лишь «Roser i håret, perlende vin!», что и въ переводѣ, нѣсколькими строками ниже, передается: «Вѣнокъ изъ розъ! Искрометное вино!».

С. 476. Леонтій. «Ее посылаетъ тебѣ твой высокій родственникъ, императоръ...».

С. 488. Елена. «...а я тутъ старѣю, вяну въ глуши...»— «Вяну въ глуши» не нахожу въ своемъ подлинникѣ.

С. 524. (Максимъ) «...гдѣ его, вѣрно, и пожрали львы?...» Мое изд. подлинника просто говоритъ «гдѣ его пожрали львы».

С. 534. «...пристань, убранная цвѣтами и коврами»;—имѣю въ подл. лишь коврами.

С. 555. Евнапій. «Увы! Я самъ былъ однимъ изъ первыхъ...» — Мое изд. подлинника говоритъ просто «я самъ былъ первымъ».

С. 581. Юліанъ. «...если вы съ вашимъ галилейскимъ упорствомъ...»—Подл. не имѣетъ «вашимъ», но прибавка, повидимому, не вредитъ.

С. 586. «Оба шествія почти столкнулись въ сумятицѣ».—Не нахожу основанія добавить это «почти».

С. 627. Юліанъ. «Да, все это внѣ насъ и выше насъ!» и т. д. — Послѣднихъ словъ не нахожу въ своемъ изд. подлинника.

С. 648. Юліанъ. «Не написано ли: воздай кесарево кесарю, а Божіе Богу?»... — Послѣдней части нѣтъ въ подлинникѣ, и это прибавленіе является на данномъ мѣстѣ, по моему, даже неудачнымъ.

С. 658. Максимъ. «...Радуйся, братъ мой! Тебѣ нечего бояться въ этой войнѣ, — ты неуязвимъ!» — Мое изд. подлинника имѣетъ лишь «ты неуязвимъ въ этомъ бою (войнѣ?)».

С. 662. Голоса. «Безуміе поразило его! У него разсудокъ помутился!» — Мое изд. говоритъ лишь первыя слова.

Съ другой стороны, можно кое-гдѣ указывать въ переводѣ случаи потери какого-нибудь слова или выраженія, вообще однако безъ особеннаго значенія. Привожу нѣсколько примѣровъ.

С. 451. Передъ словами Юліана «О мистикѣ?» выпало levende (т. е. живо).

С. 465. (Юліанъ) «...поддерживать его слабыя руки, дабы онѣ оставались заклинающе воздѣтыми къ небу?» — Выпало «hist ved den röde havbugt» (dort, am Rothen Meerbusen).

С. 505. Саллюстій. «...вся площадь полна солдатами».—Вып. «truende» (drohender Soldaten).

С. 514. Саллюстій. «...Ты еще нашелъ его засунутымъ подъ

твоей палаткой» и т. д. — Подл. добавляетъ «en morgen underveis til Lutetia» (eines Morgens unterwegs nach Lutetia).

С. 533. «...съ декабря 361 г. до конца 363 г. по Р. Хр.» — Ср. въ подл. «до конца іюня 363...».

С. 566. Юліанъ. «...Константинополь не по душѣ мнѣ» и т. д. — Подл. говоритъ «er mig höilig imod» (очень не по душѣ).

С. 580. «Юліанъ (Евнапію). Узналъ ты кого-нибудь» и т. д. — Передъ «Евнапію» выпало «Ti!» (Молчи!).

С. 585. Юліанъ. «...Не знаю, что могло бы обрадовать» и т. д. — «Не знаю» сокращено вмѣсто подл. «Ikke ved jeg i hast at nœvne den ting, som . . .» (nicht weiss ich in der Eile das zu nennen, was . . . или под.).

С. 653. «. . . Іовіанъ въ сопровожденіи человѣка въ персидской одеждѣ». — Вып. «uden våben» (ohne Waffen).

С. 681. «Невита уходитъ со своей свитой направо. Битва все болѣе. . .» — Передъ «Битва и т. д.» выпало «Keiser Julian, Anatolios og nogle af hustropperne bliver tilbage» (Kaiser J., Anatolios und einige der Haustruppen bleiben zurück).

С. 685. «. . . входитъ Амміанъ съ мечомъ императора». — Вып.: «и щитомъ».

Какъ видно, незначительность выпусковъ скорѣе подчеркиваетъ общую точность передачи. Добавляю, для полноты, еще нѣсколько замѣтокъ по поводу выраженій, въ которыхъ переводъ могъ бы, безъ вреда, быть поближе къ подлиннику.

Ибсенъ часто, подражая классическому стилю, употребляетъ «мой Юліанъ», «мой Либаній» и под.; это «мой» переводъ то оставляетъ, то выпускаетъ, для чего я не вижу основаній.

С. 415. Юліанъ употребляетъ выраженіе «молніеносные боги», не вполнѣ соотвѣтствующее словамъ подл.: «ildnende guder» («воспламеняющіе», въ переносномъ значеніи).

С. 416. Агаѳонъ. «...Строители сказали»... — «Строители» соотвѣтствовало бы норв. «byggefolkene», но подл. говоритъ «byfolkene», горожане.

С. 420 и др. Передача употребляетъ «въ короткихъ плащахъ» вмѣсто подл. «opkiltrede» (aufgeschürzt).

С. 426, внизу. Философъ и Юліянъ употребляютъ выр. «божественное начало» — «det guddomsbårne»; послѣднее не скорѣе ли — «богорожденное»?

С. 458. Евѳерій. «Онъ призвалъ меня... и былъ необычайно радостенъ» и т. д. — Подл. говоритъ «повидимому былъ».

С. 462 (Юліянъ, вверху). «Тогда-то я исполнился великаго освобождающаго духа — позналъ истину». — Подл. оттѣняетъ немного иначе «da fatted jeg den store, forlösende erkjendelse» (Dann habe ich die grosse, erlösende Erkenntniss gefasst).

С. 463. (Юліянъ) «...тріумфальное шествіе по всѣмъ городамъ, лежащимъ на пути»; — мое изд. подлинника говоритъ лишь «gjennem landene», «durch die Länder».

С. 465. Вмѣсто выраженія Юліяна (мало) «вѣры въ чудесную силу откровенія» подл. собственно говоритъ «til det vidunderliges åbenbarings magt» — въ силу откровенія Чудеснаго, или под.

С. 469. Я не знаю, передаютъ ли собственно вопросы Юліана «что это за путь свободы?» и «что это за царство?» вполнѣ слова подлинника «hvad er frihedens vei», «hvad er riget» (Was ist der Weg der Freiheit, Was ist das Reich).

С. 482 и 514. Переводъ измѣняетъ классическое Mediolanum въ Миланъ—вѣроятно просто «lapsus»; ср. «Аргенторатъ» с. 483.

С. 512. Саллюстій. «...что императоръ поспѣшно бѣжалъ въ Антіохію»; — ср. подл. «skal være flygtet (soll geflohen sein)».

С. 512. Юліанъ. «...Констанцій ...видѣлъ насъ мысленно у воротъ Константинополя»; — подл. говоритъ Рима.

С. 519. Юліанъ. «...О, эта воинствующая воля!..» — Ср. подл.: «O, denne viljens våbenförhed» (прибл. O diese Waffenfähigkeit des Willens).

С. 525 (вверху, Юліанъ). «...Максимъ, не далеко, кажется, то время, когда одинъ я буду серьезно относиться къ дѣлу».—Подл. говоритъ: «Det er ikke langt fra, at jeg står alene

i alvoret» (es ist nicht weit davon, dass ich in dem Ernste allein da stehe), — по моему, совсѣмъ иной смыслъ.

С. 579 (Григорій). «. . .между страхомъ человѣческимъ и страхомъ Божіимъ». — Подл. дѣлаетъ различіе и вм. «страхомъ Б.» имѣетъ «lydighed under Gud» (досл. «покорность Богу»).

С. 585 (Юліанъ). «...Не стоитъ ли тамъ его великолѣпное изображеніе...». — Подл. говоритъ «den herliges billede» — das Bild des Herrlichen.

С. 625. Юліанъ. «...Галилеянинъ живъ, говорю я, какъ ни правы были іудеи и римляне, воображая, что убили Его». — Ср. подл. «hvor grundig end jöder og romere bildte sig ind, at de havde dömt ham» (wie gründlich auch Juden und Römer sich einbildeten, dass sie ihn geurtheilt hatten).

С. 634. Юліанъ. «Мы не смѣемъ съ полной увѣренностью считать себя такимъ исключеніемъ» и т. д. — Ср. подл. «Vi tör ikke med sikkerhed bygge på en sådan undtagelse» (auf einer solchen Ausnahme bauen).

С. 651. Невита. «Плохія вѣсти изъ восточныхъ провинцій» и т. д. — Подл. имѣетъ изъ «западныхъ».

С. 679. Орнвасій. «Враги окружили нашъ лагерь» и т. д. — Подл.: Fienden er i leiren (der Feind ist im Lager).

С. 690. Василій. «Нѣтъ . . .но мнѣ вдругъ стало ясно» и т. д. — Выраженіе, по моему, очень блѣдное въ сравненіи съ подл.: «men stort og strålende går det op for mig, at. . .» (дословно aber gross und strahlend geht es mir auf, dass. . .).

Перехожу къ драмамъ: «*Комедія любви*», «*Брандъ*» и «*Перъ Гюнтъ*» (двѣ первыя въ т. III, послѣдняя въ т. IV). Эти драмы составляютъ особую группу. по метрической формѣ какъ въ подлинникѣ, такъ и въ переводѣ: переводъ «Комедіи любви» сохраняетъ также риому.

Передача этихъ трехъ драмъ, по моему, особенно интересна. Любовь переводчиковъ къ своей задачѣ выступаетъ здѣсь въ очень выгодномъ освѣщеніи. Не берусь, какъ уже сказано, су-

дить о достоинствахъ поэзіи съ русской точки зрѣнія; но передача, разсмотрѣнная въ отношеніи къ точности, представляла много случаевъ восхищаться извѣстнымъ богатствомъ русскаго языка и его гибкостью въ умѣлой рукѣ.

Конечно, не всѣ выраженія, не всѣ періоды или части драмъ соотвѣтствуютъ подлиннику въ равной степени. Нерѣдко переводъ кое-что сокращаетъ (особенно, пожалуй, въ началѣ драмы «Перъ Гюнтъ»); иногда накопленныя, параллельно идущія выраженія и метафоры Ибсена облегчаютъ это, а пожалуй и привлекаютъ къ тому. Однако не нахожу, чтобы это гдѣ-нибудь особенно замѣтнымъ образомъ уменьшило цѣну текста. Поэтому не считаю нужнымъ останавливаться на освѣщеніи этого факта примѣрами, т. е. параллелизаціей болѣе крупныхъ отрывковъ. Довольствуюсь замѣтками вродѣ раньше приведенныхъ.

Въ «Комедіи любви» переводчики выпустили — очевидно нарочно, но не знаю, почему — часть объяснительныхъ примѣчаній драматурга.

Такъ, с. 35, передъ репликой Фалька: «О, Боже, какъ тебя благословлять» и т. д., выпущено med næsten barnlig glæde (т. е. mit fast kindlicher Freude). — С. 48. «. . . Фалькъ остается въ саду одинъ; въ домѣ» и т. д.; передъ «въ домѣ...» вып. «det er nu fuldkommen aften» (es ist jetzt ganz Abend). — С. 55, въ репл. Фалька, между строками «Я васъ, пожалуй, только насмѣшилъ» и «Теперь я вижу самъ, что черезъ край хватилъ» выпущено: holder inde, som for at vente på svar (т. е. останавливается, какъ бы ожидая отвѣта). — С. 58, передъ репл. Гульдстада «Ну что-жъ, дай Богъ» и т. д. вып. leende (т. е. смѣясь). — С. 70, передъ репл. Линда «Ну да, вѣдь не твоимъ» и т. д. вып. med et anströg af forlegenhed og ærgrelse (т. е. mit einem Anstrich von Verlegenheit und Verdruss). — С. 72, передъ репл. Фрёкенъ Шэре «Вашъ судъ и приговоръ и т. д.» вып. viser mod Anna, som står længre inde i haven (т. е. указываетъ на Анну, которая стоитъ подальше въ саду). — С. 73, передъ словами Стромана «Такъ вотъ къ чему клоню» и т. д. вып. nikker til ham og vender

sig atter til Anna (прибл. — киваетъ ему и опять обращается къ Аннѣ). — С. 75, въ репл. Стромана, между строками «Итакъ, въ сей радостный и сладко грустный часъ» и «Мой юный другъ, мы ждемъ...» вып. vender sig til Lind (т. е. обращается къ Линду).— С. 78, передъ словами Фалька «Съ пятокъ» и т. д. вып. med et galant buk (т. е. mit einer galanten Verbeugung). — С. 83, передъ репл. Стромана «Да, въ странахъ. . .» вып. reiser sig (т. е. встаетъ).—С. 92, передъ словами Стювера «Невозможно» и т. д. вып. nœrmer sig (т. е. приближается). — С. 96, передъ словами Свангильдъ «А если мы падемъ. . .» вып. nepре hörlig (т. е. едва слышно). — С. 108, въ репл. Стромана, между словами «Не буду спорить» и «да, бываю я порою корыстенъ...» выпущено griber Falks arm og tilföier dœmpet, men med stigende styrke (т. е. greift den Arm Falks und fügt gedämpft, aber mit steigender Stärke hinzu). — С. 129, передъ репл. Свангильдъ «Ахъ, надолго хватитъ!» и т. д. вып. smerteligt («съ болью?»).

С. 32. Передъ репликой Свангильдъ «О, да, нашъ вѣкъ — не вѣкъ геройскихъ дѣлъ» и т. д. выпущенъ цѣлый маленькій отрывокъ подлинника; это, по моему, не причиняетъ замѣтнаго вреда, но о немъ слѣдуетъ упомянуть.

Прочія мои замѣтки къ этой комедіи немногочисленны и вообще неважны.

С. 35. Переводъ говоритъ: «Солнце въ теченіе слѣдующей сцены садится, ландшафтъ погружается въ сумерки».—Въ моемъ изд. подлинника говорится: «Во время предыдущей сцены солнце закатилось, и ландшафтъ погрузился въ сумерки».

С. 37. Фалькъ. . . .«Ты — жрецъ любви свободной на часъ». . . Это не соотвѣтствуетъ высказанному Ибсеномъ «Som elskovs friprest». . ., гдѣ «свободный» (fri) относится не къ «любви», но къ «prest». Выраженіе «свободная любовь» имѣло и имѣетъ у насъ такое особое значеніе, что переводчики едва ли не знаютъ объ этомъ; у Ибсена это выраженіе на данномъ мѣстѣ было бы страннымъ. «Friprest» нужно понимать какъ священникъ (жрецъ), который проповѣдуетъ «слово Божье» или вообще

свою религію «свободно», не въ «государственной церкви» съ ея формами, — здѣсь, такимъ образомъ, скажемъ: «не связанный обыкновенными предразсудками» или под. — Ср. къ данной замѣткѣ с. 133: Фалькъ. «Прощай!—Но въ честь любви свободной, вѣчной...» (Подл.: «Guds fagre kjœrlighed», прибл. «die holde Liebe Gottes»). Выбранное переводчиками выраженіе во всякомъ случаѣ звучитъ для норвежскихъ ушей неудачно; но, можетъ быть, я сужу неправильно о данномъ *русскомъ* выраженіи?

С. 38. Реплика Фалька: «Теперь уже не уйти ему отъ жалкой доли» — по моему, слишкомъ вялая передача словъ подлинника: Der går han til sin ungdoms nederlag (дословно: вотъ онъ идетъ къ пораженію своихъ юныхъ лѣтъ).

С. 75. Гульдстадъ. «... А вы бы, Линдъ, намъ поподробнѣй разсказали, что̀ чувствуетъ влюбленный, ставшій женихомъ». — Это, по моему, собственно не смыслъ подлинника: «hvordan man sig som nyforlovet elsker skikker» (wie man sich — schickt).

С. 89. Не знаю, передаетъ ли выр. «Лже-пророки будничные» вполнѣ норвежское «I lögnens dagligdagsprofeter» — «Вы будничные пророки лжи»?

Еще менѣе такихъ замѣтокъ вызываетъ у меня переводъ «Перъ Гюнтъ», не смотря на то, что эта драма представляетъ много трудностей разнаго рода.

Можно спросить, отчего переводчики, которые вообще стараются передать имена и фамиліи въ оригинальной ихъ формѣ, употребляютъ (с. 29 и др.) форму «Джонъ» вм. норвежскаго Йонъ (John). — Можно указать на пару незначительныхъ прибавленій: с. 69 ...увлекаютъ Пера Гюнта [въ гору]; с. 177 ...Костюмъ на немъ полуморской—[не промокаемая] куртка... Съ другой стороны, выпущено нѣсколько незначительныхъ же словъ (с. 22: Налѣво мельница, вып. старая; с. 211: Голосъ (издалека), вм. Голосъ Oze...). — Можно, наконецъ, указать пару мелочей, которыя какъ будто не поняты вполнѣ правильно

(с. 106: Сольвейгъ все стоитъ въ полуотворенныхъ дверяхъ избушки; ср. подл. «den åbne halvdör»: дверь въ такихъ избушкахъ у насъ часто раздѣляется на *верхнюю* и *нижнюю* половину; выр. подлинника обозначаетъ, что верхняя половина вполнѣ отворена; с. 144: сельское кладбище, расположенное на высокомъ плоскогорьи — не вполнѣ соотвѣтствуетъ подл.: kirkegård i en höitliggende fjeldbygd, Friedhof in einem hochgelegenen Gebirgs-Kirchspiel или под.). Такое выраженіе, какъ с. 33 (Oze) . . . «Охъ, ну какъ тутъ слезъ не лить? Бѣдный Перъ мой безталанный!» — удаляется, пожалуй, слишкомъ сильно отъ мѣткой фразы подлинника «spildt er stunden, spildt er heldet» (verloren die Stunde, verloren das Glück, или под.).

Но, очевидно, это лишь мелочи, безъ особеннаго значенія; онѣ изчезаютъ при сравненіи съ тою умѣлостью, которую переводчики выказываютъ, по моему мнѣнію, вообще въ отличной по части точности работѣ.

Съ особымъ любопытствомъ соотечественникъ Ибсена будетъ обращаться къ переводу третьей драмы этой группы, знаменитаго произведенія «Брандъ». Общее свое мнѣніе я уже высказалъ раньше; можно добавить лишь нѣсколько словъ. Переводъ слѣдуетъ подлиннику вообще отличнымъ образомъ. Иныя изъ богатыхъ метафоръ потеряны или же нѣсколько блѣднѣютъ, но этого, конечно, трудно вполнѣ избѣжать, а большинство оборотовъ драматурга передано, по моему, весьма удовлетворительно. Есть такія мѣста, гдѣ переводъ настолько удаляется отъ подлинника, что можно спросить себя, нельзя ли найти болѣе соотвѣтствующія слова (напр., послѣдняя реплика Бранда на стр. 347, гдѣ не такъ легко узнаешь подлинникъ): но это лишь очень рѣдко, и не трудно за то указать примѣры дѣйствительно элегантной, по моему, умѣлости переводчиковъ (пѣсня с. 310—311, реплики матери 359—60, доктора с. 371 и др.). Самою затруднительною была, очевидно, конечная часть драмы, съ длинными, глубокомысленными репликами Бранда; слѣды этого замѣтны въ передачѣ (напр., с. 486, 488, 505 сл.); но, хотя и считаю правильнымъ

указать на это, оно однакоже не можетъ измѣнить общаго моего впечатлѣнія.

Не безъинтересны, можетъ быть, слѣдующія замѣтки или, скорѣе, вопросы.

С. 307. Брандъ. «Вернись! Ты мертвъ, хотя и живъ...»— Ср. выр. подлинника «dit liv er dödens vei» (dein Leben ist der Weg des Todes): не нахожу передачу вполнѣ удачной.

С. 417. Въ репл. Фогта: «Какой-же толкъ настаивать, однако, что вещь бѣла, какъ снѣгъ, когда толпа воинтъ: она черна, черна, какъ смоль?» теряется острота автора... «hvidt som brœen, når mœngden råber sort som sneen», т. е. ...бѣла какъ глетчеръ, когда толпа воитъ: черна какъ снѣгъ.

С. 427. Такимъ же образомъ исчезаетъ острота и собственный смыслъ драматурга въ словахъ Фогта: «При этомъ освѣщеніи двойномъ отъ снѣга и луны...». — Ср. въ подл. «af nyfaldt sne og nyets måne» (прибл. — отъ новаго снѣга и новой луны).

С. 487. Какъ примѣръ, изъ послѣдней части драмы съ ея трудностями возьмемъ хоть слѣдующій:

«Вѣрить вѣдь надобно всею душой».

Это, по моему, звучитъ почти банально въ сравненіи съ подл.: «Troen eies kun af sjœle» (прибл. «den Glauben besitzen nur *Seelen*»). Если прочесть и слѣдующія за упомянутымъ выраженіемъ фразы драматурга, то выходитъ, что переводъ не особенно удаченъ. Но повторяю, что неудивительно, если встрѣчаются такіе случаи въ концѣ драмы, которая представляетъ крупныя трудности для перевода.

Остается сказать о драмахъ Ибсена въ прозаической формѣ, съ сюжетомъ изъ нашего времени, отъ «Союзъ молодежи» въ т. IV включительно до «Когда мы, мертвецы, пробуждаемся» въ т. VII.

Со стороны языка эти драмы не представляютъ особыхъ трудностей; ихъ языкъ — обыкновенный разговорный языкъ образованныхъ норвежцевъ. За то иногда не такъ легко вполнѣ

передать блестящій, меткій и сжатый стиль автора. Можно сдѣлать по этому поводу, а иногда и въ другихъ отношеніяхъ, нѣсколько маленькихъ замѣчаній. Отмѣченная уже раньше общая черта переводовъ: склонность къ небольшимъ объяснительнымъ прибавленіямъ, по моему мнѣнію не всегда нужнымъ, выступаетъ кое-гдѣ и въ этой группѣ переводовъ. Но приводимыя мною замѣчанія большею частью, какъ увидимъ, не важны; передача въ этихъ переводахъ по отношенію къ точности, по моему, вообще хороша, а частью пожалуй образцовая.

Для болѣе справедливой оцѣнки я сравнилъ два перевода данной группы съ другими русскими переводами, а именно съ драмами «Врагъ народа (Докторъ Штокманъ)», пер. съ норвежскаго[1]) Н. Мировичъ (изд. Скирмунта, Москва 1901), и «Привидѣнія» въ переводѣ К. Бальмонта (Москва, Рихтеръ, 1894). Сравненіе двухъ переводовъ драмы «Врагъ народа» показываетъ, что хотя переводъ Мировича — работа съ не малыми достоинствами и, исключая отдѣльныя менѣе значительныя ошибки, вообще довольно удовлетворительная, но переводъ гг. Гансеновъ стоитъ значительно выше, такъ какъ онъ и избѣгаетъ упомянутыхъ ошибокъ и вообще примыкаетъ ближе, точнѣе къ подлиннику. А сравненіе двухъ переводовъ драмы «Привидѣнія» выставляетъ заслуги передачи гг. Гансеновъ въ еще болѣе яркомъ освѣщеніи: переводъ Бальмонта — очень слабая работа, со многими ошибками, неточностями, неудачными мѣстами, между тѣмъ какъ переводъ гг. Гансеновъ, по отношенію къ точности, какъ уже сказано — работа отличная.

Я могъ бы ограничить свой отзывъ объ этой группѣ переводовъ высказаннымъ общимъ мнѣніемъ. Но, можетъ быть, нѣкоторыя замѣтки насчетъ деталей къ отдѣльнымъ драмамъ будутъ не лишены интереса для освѣщенія моего пониманія и критическаго мѣрила, а въ иныхъ мѣстахъ и для исправленія мелкихъ

---

1) Съ англійскаго? По нѣкоторымъ признакамъ я былъ бы склоненъ заключить такъ.

недоразумѣній. Чтобы отзывъ не сталъ черезъ мѣру длиннымъ, выбираю лишь самыя важныя изъ своихъ замѣтокъ.

«Союзъ молодежи», т. IV, 254 и сл.

С. 254 «Мадамъ Рундгольмъ»; — характеристическая фамилія подлинника звучитъ Рундгольменъ. — Вм. «Люннестадъ» я бы предпочелъ «Люндестадъ».

Изъ категоріи «прибавленій» отмѣчу на стр.:

271: Фьельбо. «...Тебя, конечно, выбрали [единогласно]?»...

275: Стенсгоръ. «...Вотъ это-то [между прочимъ] и заставило меня уѣхать изъ Христіаніи».

300: Люннестадъ. ...«мнѣ, чтобы предложить васъ въ свои преемники и [для вида] немножко проэкзаменовать васъ»...

Считаю эти «улучшенія» совсѣмъ неумѣстными.

С. 258 (вверху). Монсенъ... «За благія намѣренія!» — Въ этомъ выраженіи теряется оригинальность словъ подлинника «Et löftets bœger», ср. извѣстный обрядъ древнихъ норвежцевъ при «священномъ обѣщаніи».

С. 258 (внизу). Стенсгоръ... «И вы пользуетесь симпатіями» ... — Подл. говоритъ «og et parti har de allerede» (und eine Partei haben Sie schon).

С. 260. Выраженіе Гейре «при откупахъ» не передаетъ норв. «licens-tiden», хотя, можетъ быть, особенно и не вредитъ смыслу.

С. 267. Стенсгоръ. «Братья и сестры! вокругъ насъ» и т. д. — Выпущено послѣ «Братья и сестры» норв. «i Freidighed» (прибл. «Братья и сестры по неустрашимости»).

С. 268. Стенсгоръ. «...Заключимъ союзъ! Тогда денежный мѣшокъ перестанетъ царить здѣсь!» — Зачѣмъ измѣнять слова подл.: «Денежный мѣшокъ пересталъ...»!?

С. 271 (Фьельбо, внизу). «Демагогъ» — лучше бы оставить выраженіе подл. «folkehövding» (вождь народа) съ его ироніей.

С. 272 (вверху, Фьельбо)... «Какія выгодныя общественныя должности?»... — Подл. говоритъ «tillidshverv»; tillid — «довѣріе», а не «выгода».

С. 274. Фьельбо. «Послушай Стенсгоръ. . . — другъ ли тебѣ Монсенъ? Стенсгоръ. Монсенъ радушно открылъ» и т. д. — Подл. говоритъ въ первой репл. презрительно «Mons Monsen», во второй почтительно «proprietœr Monsen». Передача, такимъ образомъ, вышла «гладкой», примѣры чего можно было бы привести и изъ другихъ мѣстъ.

С. 283. «Люнестадъ съ Рингдалемъ приходятъ въ садъ». . . Вып.: samtalende, разговаривая.

С. 289. Вышло недоразумѣніе въ репл. Гейре: «... — сплавить этого господина собственника изъ стортинга». — Подл. «at skikke hr. proprietarius'en afgårde som storthing smand» значитъ, наоборотъ, «сплавить. . . въ стортингъ».

С. 293. Фьельбо. «...изъ этого ничего не выйдетъ!», а также Стенсгоръ: «...Увидишь, что выйдетъ!»—не соотвѣтствуютъ выр. подл. «det går aldeles ikke an» и «det går an» (невозможно, или под).

С. 302 (вверху, Эрикъ). «...но мнѣ показалось...» — Подл. говоритъ «men jeg hörte ganske bestemt, at». . . (aber ich hörte ganz bestimmt, dass. . .).

С. 320. Камергеръ. «. . . Мое имя! Какъ поручителя вдобавокъ?» — Вм. послѣдняго слова подл. имѣетъ «altså» (значитъ).

С. 321. Монсенъ. «Узнаетъ же меня теперь этотъ порядочный кругъ!» — Подл. говоритъ не такъ, а «Ja nu skal jeg drage det gode selskab ned» (ja, jetzt werde ich die gute Gesellschaft herunterziehen).

С. 324. Сельма. «...Ничего я не хочу дѣлать!» — Не понимаю этого слова: подл. говоритъ «Jngenting vil jeg bœre» (Nichts will ich tragen).

С. 354. Нахожу, что переводъ отклоняется ненужнымъ образомъ отъ подл.: «Люнестадъ. Вы еще надѣетесь? Стенсгоръ. И еще какъ!» — Подл.: «Har De håb» (Haben Sie Hoffnung)— «Et tredobbelt» (Eine dreifache).

С. 362. Входятъ гости и т. д. — Подл. обозначаетъ гостей поближе, называя ихъ «bygdemœnd»: прибл. — крестьяне-гости, люди изъ прихода или под.

Замѣтки къ очень удовлетворительному вообще переводу относятся, какъ видимъ, главнымъ образомъ, къ первой его части.

«*Столпы общества*» (V, 12 и сл.).

Ситуація перваго дѣйствія передается не вполнѣ правильно на стр. 13. Вм. «по правую Фру Руммель» подл. говоритъ «потомъ Ф. Р.»; вм. «дальше, направо отъ Бетти» лишь «на право отъ Б...».

Изъ категоріи прибавленій отмѣтимъ:

С. 14. Крапъ. «...Въ прошедшую субботу [например ъ] вы говорили, будто новыя машины» и т. д.

С. 16. Рерлундъ. «...что мужъ вашъ былъ [только] орудіемъ высшей воли»...

С. 47. Лона. «Ты [и] на это ухаешь?».

С. 81. Аунэ. «Вы мнѣ дали [слишкомъ] короткій срокъ, г. консулъ». — «Слишкомъ», по моему, сильно перемѣняетъ высказанное ловкое выраженіе.

С. 91. Руммель. «...Затѣмъ Сандстадъ скажетъ нѣсколько словъ о [должномъ] единеніи между различными слоями общества».

На стр. 29 прибавленіе ведетъ къ гиперболизму: Руммель. «...и шла бы прямо въ разрѣзъ съ [самыми] существенными интересами города».

С. 14. Выраженіе Крапа «Вы такъ располагаете своимъ досугомъ, что народъ дѣлается негоднымъ въ рабочее время» — не соотвѣтствуетъ подлиннику: «De må ikke bruge...» (т. е. не слѣдуетъ вамъ располагать своимъ досугомъ для того, чтобы дѣлать народъ негоднымъ... или под.).

С. 20. Гильмаръ... «Такіе они всѣ громогласные»... по моему, преувеличиваетъ слова подл.: «de er lidt höiröstede derinde» (говорятъ нѣсколько громко, или под.).

С. 25. Фру Руммель. «...и вмѣстѣ съ тѣмъ такой скромный, нравственный».—«Скромный» стоитъ на мѣстѣ «anstœndig», но не передаетъ его (Ср. нѣм. «anständig», насчетъ «моральнаго поведенія»).

С. 26. Послѣ словъ Дины «Нѣтъ, благодарю, мнѣ не хо-

чется» выпущено Hun sætter sig med sit sytöi (т. е. садится съ своей работой).

С. 63. Берникъ. «. . .пріобрѣталъ эти права своею дѣятельностью на пользу общества». — Передъ словами «своею дѣятельностью» выпало немаловажное «ved min vandel og»... (т. е. своимъ поведеніемъ, образомъ жизни и. . .).

С. 67. Іоганъ (говоритъ Бернику вполголоса). «Карстенъ, завтра мы поговоримъ съ тобой». — Переводъ здѣсь теряетъ то противоположеніе, что Іоганъ, раньше употреблявшій къ своему другу юности имя «Карстенъ», въ этой репл. переходитъ къ фамиліи, Берникъ, чтобы обозначить, что онъ теперь считаетъ его чужимъ.

С. 68. Крапъ. «Совершенно исправлено, то есть, — съ виду. Заново». — Передъ словомъ «заново» выпущено немаловажное «Forhudet» (verhäutet, обшито мѣдью?).

С. 70. Въ репл. Гильмара «Побѣда, говорятъ, была блистательная» и т. д. передъ словомъ «Замѣчательно» вып. «Omtrent som en fransk razzia mod Kabylerne» (ungefähr wie eine französische Razzia gegen die Kabylen).

С. 77. Лона. «...люди, которые дѣйствовали болѣе безкорыстно...» — Ср. подл. «mere åbent», т. е. болѣе открыто.

С. 87. Іоганъ. «Чтобы отомстить вамъ всѣмъ; уничтожить васъ!»—Подл. здѣсь имѣетъ, на мѣсто «васъ», «så mange jeg kan af jer»: сколько могу изъ васъ.

Переводчики ошибочно обозначаютъ (с. 40 и др.) «Индіанку» пароходомъ: нѣтъ сомнѣнія, что «корабль» (skib) подлинника—парусный. Ср. хоть с. 41, гдѣ вм. ««Индіанка» должна быть спущена» подл. имѣетъ «gå under seil» (seil = парусъ) — выраженіе, которое удачнѣе можно перевести, какъ въ иномъ мѣстѣ: «готова къ отплытію», или под.

Есть и въ этомъ переводѣ мѣста, которыя вышли блѣдными по сравненію съ подлинникомъ, хотя ихъ и не много. Затруднителенъ бывалъ, повидимому, иногда языкъ Лоны, съ его бойкими играми словъ и остротами, сразу отмѣчающій ея характеръ и

личность, ея «американскій» образъ мысли. Такъ, на стр. 47, «желѣзнодорожникъ» не передаетъ собственно ея остроумнаго «banebryder» (Bahnbrecher); на стр. 36 ...«молодца — первый сортъ» портитъ забавную игру подлинника «som har vasket sig» — ср. слѣд. реплики съ продолженіемъ мысли этого выраженія.

Весьма мало замѣчаній съ моей стороны вызываетъ «*Кукольный домъ*» (V, 127 сл.).

Какъ въ прошлой драмѣ Лона, такъ здѣсь Ранкъ характеризуется особымъ жаргономъ, а именно врачебнымъ, при томъ тонкимъ, мѣткимъ. Переводъ въ этомъ отношеніи вообще слѣдуетъ повидимому подлиннику, но есть мѣста, которыя не вполнѣ точны; такъ, напр., с. 146: ...«Такъ, вѣрно, и пріѣхали въ городъ отдохнуть, погостить» — ср. ироническое выраженіе подлинника «for at hvile Dem ud i alle gjœstebudene» (um Sich bei allen den Gastmählern auszuruhen, или под.).

Какъ примѣръ «прибавленій» укажу на стр. 204 (вверху): Гельмеръ. «...Пусть все это будетъ для меня только [дурнымъ] сномъ»... — Подл. говоритъ лишь «bare en dröm», т. е. «только сномъ»; не могу сказать, чтобы понятіе «дурной» было необходимымъ въ данной связи: можетъ быть, что оно вовсе и не лежитъ въ мысли Ибсена! — Далѣе, на стр. 172, нахожу выр. Ранка ...«Гельмеръ со своими изысканными вкусами, утонченными чувствами питаетъ»... излишне обстоятельной передачей словъ подлинника (Helmer har) «i sin fine natur» (in seiner feinen Natur).

Прочія замѣтки незначительны. С. 153, слова Норы ...«что я имѣю какое-нибудь особенное вліяніе на моего мужа» не *вполнѣ* точно передаютъ подл.: «nogen sådan indflydelse» (такое вліяніе).—С. 196—197, «пугливая птица» мнѣ звучитъ странно вм. spögefugl (Spassvogel — шутница?). — С. 205. Гельмеръ. «...Ахъ ты не знаешь сердца мужа, Нора»;—подл. имѣетъ «en virkelig mands hjertelag» (т. е. eines wirklichen Mannes). — С. 208. Нора. «А я... развѣ я гожусь воспитывать дѣтей?» —

Подл. имѣетъ «какъ я подготовлена...». — С. 207, послѣдняя часть первой длинной реплики Норы пожалуй слишкомъ сильно распространяетъ выр. подлинника; стóитъ сравнить ...«Меня поили, кормили, одѣвали, а мое дѣло было развлекать, забавлять тебя, Торвальдъ. Вотъ въ чемъ проходила моя жизнь. Ты такъ устроилъ» и т. д. съ норв. текстомъ «Jeg har levet af at gjöre kunster jor dig, Torvald. Men du vilde jo ha'e det så» (прибл. «Ich habe davon gelebt, dir Künste — «штуки» — zu machen, Torwald. Aber du wolltest es ja so haben).

«*Привидѣнія*» (V, 232 и сл.).

Изъ категоріи «прибавленій» отмѣтимъ: С. 247 (Мандерсъ)... «то и долженъ теперь опасаться, что [наиболѣе] ревностные граждане прежде всего обрушатся на меня»... — С. 254. Мандерсъ. «Такъ вы говорите о незаконныхъ связяхъ. О такъ называемыхъ «дикихъ» бракахъ, — въ духѣ дикихъ, первобытныхъ народовъ?» Послѣдняго объясняющаго выраженія не нахожу въ своемъ подлинникѣ; нужно-ли и удачно-ли оно? — С. 270. Фру Альвингъ. «И не будь я [къ тому же] такой жалкой трусихой» и т. д. — С. 290. Въ репл. Фру Альвингъ «Даже, когда ты здѣсь, у меня?» и отвѣтѣ Освальда «Даже здѣсь, дома...» слово «даже» представляетъ, повидимому, прибавленіе къ выраженію Ибсена: «Ikke, når du er hos mig?» (Nicht, wenn du bei mir bist?) — «Ikke, når jeg er hjemme»... (Nicht, wenn ich zu Hause bin); хотя въ этомъ случаѣ можно спорить. — С. 298. Фру Альвингъ ...«Ты дѣйствительно [серьезно] боленъ, мой дорогой». — О небольшой перемѣнѣ въ томъ же направленіи можно было бы, наконецъ, говорить на стр. 259, въ репл. Фру Альвингъ: «...Но теперь и мнѣ хочется поговорить съ вами такъ же откровенно, какъ вы сейчасъ со мной»; — ср. подл. ...tale lidt med Dem, ligesom De har talt til mig (поговорить немного съ вами, какъ вы говорили мнѣ, или под.).

Обороты пастора Мандерса иногда, пожалуй, теряютъ кое-что изъ того «пасторскаго» тона, который характеризуетъ ихъ. Какъ примѣръ, укажу на с. 249: «...Это самая симпатичная

черта въ Яковѣ Энгстрандѣ, что» и т. д.; — ср. подл. «Det er det elskelige ved Jakob Engstrand»... Такъ и с. 257: «...какимъ я былъ для васъ въ самую критическую минуту вашей жизни»; — слово «критическую» лишь блѣдно передаетъ подл. «forvildede» (досл. «обезумѣвшую»). — Но вообще тонъ пастора отмѣченъ, повидимому, хорошо.

С. 269. Выраженіе Фру Альвингъ «...отецъ твой былъ человѣкъ, погрязшій въ порокахъ...» говоритъ не то, что подл. «et forfaldent menneske» (ein dem Trunk ergebener Mensch).

С. 270. Мандерсъ говоритъ: «...Но, насколько я могу судить, отецъ представляется ему въ идеальномъ свѣтѣ». — Подл. имѣетъ: Men så meget har jeg kunnet skjönne, at hans far и т. д., т. е. Aber so viel habe ich verstehen können, dass sein Vater... (Вѣроятно перев. невольно перемѣнили порядокъ словъ «har» и «jeg» въ подл.; тогда именно выходитъ то, что они сказали).

С. 272. Фру Альвингъ: «...— все расползлось по швамъ. И я увидала, что̀ это была за непрочная работа»; — это выходитъ изъ рамки метафоры; ср. подл. «Og så skjönte jeg, at det var maskinsöm» (Und dann verstand ich, dass es Maschinennaht war).

С. 289. Освальдъ. «...и узналъ, что она приняла мои слова въ серьезъ, и только все и мечтала объ этомъ...» — Мой подл. говоритъ «обо мнѣ».

С. 298. При словахъ Фру Альвингъ «...Ты весь потный» можно спросить, это ли собственно мысль автора, который говоритъ «du er ganske våd» (du bist ganz nass). Вѣроятно, однако, переводчики правы.

Въ драмѣ «*Врагъ народа*» (V, 324 сл.) мнѣ кажется, что жаргонъ, характеризующій старика Мортенъ Кійль, не повсюду нашелъ вполнѣ соотвѣтствующую передачу. Указываю на с. 423—425: ...«Сегодня у васъ вдоволь этого самаго кислороду, о которомъ вы» и т. д. (423); — подл. вм. «кислороду» имѣетъ комическое выраженіе «det sure stoffet» «это кислое вещество», или под. ...«Я хочу жить и умереть человѣкомъ чис-

тымъ» (424) — ср. въ подл. опять комическое «renslig», т. е. опрятнымъ или чистоплотнымъ. Также и слѣдующее «Вы обѣлите меня, Стокманъ» врядъ ли вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько комически-двусмысленное выраженіе подлинника: «De skal gjöre mig ren, Stokman». Менѣе важна маленькая перемѣна въ словахъ того-же лица на с. 425: ...«только слушайтесь разумныхъ совѣтовъ жены» — вм. «совѣтовъ разумной жены».

Нѣкоторыя добавленія и связанныя съ ними преувеличенія попадаются и здѣсь. Такъ:

С. 355. Докторъ Стокманъ. «...Открытіе мое совсѣмъ его захватило. Оказывается, оно имѣетъ куда болѣе широкое [общественное] значеніе, чѣмъ»...

С. 370. «Аслаксенъ ([входитъ] изъ типографіи). Долой» и т. д. Это лишнее «входитъ» придаетъ другой смыслъ, чѣмъ имѣютъ слова подлинника.

С. 404 (внизу, Стокманъ): «...Какая, напримѣръ, [огромная] разница между» и т. д.

С. 407. Стокманъ. «...Но, чортъ возьми, если бы ученіе «Народнаго Вѣстника» [насчетъ гибельности культуры] надо было принимать въ серьезъ»...

С. 417 (вверху, Стокманъ): «...увидите, что [это пресловутое] общественное мнѣніе»...

С. 419. Бургомистръ. «...Намъ [крайне] прискорбно, но, откровенно говоря»...

С. 428. Говстадъ. «...Но «Народный Вѣстникъ» не окрѣпъ еще» и т. д. — Слово «еще» представляетъ добавленіе къ смыслу подлинника, говорящаго лишь «står på svage födder» (steht auf schwachen Füssen).

С. 433. Стокманъ. «И отлично: приведите мнѣ парочку, другую. [Попытка не пытка], — попробую разокъ взяться за простыхъ псовъ».:.

Изъ прочихъ замѣтокъ приведемъ слѣдующія:

С. 352 (внизу). Выраженіе Аслаксена «Никакой оппозиціи противъ лицъ, отъ которыхъ мы такъ зависимъ» нѣсколько

измѣняетъ подл. «folk, som står os så tœt ind på livet» (прибл. Leute, die uns so nahe auf den Leib gerückt sind).

С. 357. Въ выр. Бургомистра «...для удаленія упомянутыхъ нечистотъ» и т. д. подл. на мѣстѣ «упомянутыхъ» имѣетъ гораздо болѣе характеристическое для языка этого лица «postulerede» (postuliert).

С. 363. Бургомистръ. «Я тебѣ это запрещаю... я — твое высшее начальство; а разъ я тебѣ что-либо запрещаю» и т. д. Вм. «что-либо» подл. говоритъ «это»; передача, по моему, измѣняетъ смыслъ.

С. 365. Стокманъ. «...Ты въ своемъ умѣ? Чтобы мы тутъ промышляли всякой дрянью да гнилью!»... — Подл. говоритъ просто: мы тутъ промышляемъ и т. д.; не вижу необходимости перемѣны.

На той-же стр. Стокманъ говоритъ «...ощетиниться на него... показать ему зубы...» — Подл. говоритъ: ...на нихъ, ...имъ, — множ. число.

С. 373. Аслаксенъ. «...На этомъ редакторскомъ мѣстѣ сидѣлъ до васъ Стенсгоръ». — Передъ «Стенсгоръ» выпущенъ титулъ «stiftamtmand» (губернаторъ или под.), который, по моему, здѣсь не лишній для пониманія смысла.

С. 376. Говстадъ. «...Увидавъ такой разсказъ въ «подвальныхъ этажахъ» и т. д. — Подл. передъ «разсказъ» имѣетъ еще «moralsk». — С. 404, передъ репл. Стокмана «Да будьте же разумнѣе!» и т. д. выпущено Da stöjen har lagt sig lidt (т. е. Nachdem sich der Lärm etwas gelegt hat). — Также выпало, с. 427, передъ репл. Аслаксена «Какъ видно, дѣлаются» и т. д. — smiler (съ улыбкой).

С. 405 (Стокманъ). «...Или взять собакъ, съ которыми мы, люди, такъ сжились»... — Соотвѣтствуетъ ли это выр. подлинника: «som vi mennesker er så overmåde nœr i slegt med», т. е. — съ которыми мы въ такомъ близкомъ родствѣ?

С. 429. Такимъ же образомъ спрашиваю, передается ли собственно смыслъ подлинника въ словахъ Стокмана: «...Не забудьте,

съ насъ, богачей, взятки гладки?» — Подл. говоритъ «Mynten sidder ikke lös hos rige folk, må De huske på», т. е. — богачи вѣдь не охотно отдаютъ свои деньги.

С. 432. Стокманъ. «...что я не знаю ни одного свободнаго и благороднаго человѣка, который бы продолжалъ мое дѣло»...— Подл. собственно говоритъ: ...человѣка настолько свободнаго и благороднаго, что...

«*Дикая утка*» (VI, 20 сл.).

Въ спискѣ лицъ Мольвикъ обозначается «кандидатомъ богословія»; — подл. говоритъ «forhenværende theolog» (gewesener Theolog или theol. studirender), что, по моему, имѣетъ немного иное значеніе.

Изъ категоріи «прибавленій» отмѣтимъ:

С. 36. Верле. «. . .Но съ [такими] болѣзненными, экзальтированными особами не сговоришь».

С. 62. Яльмаръ. . . .«У него могучія плечи. . . [довольно] сильныя, во всякомъ случаѣ» и т. д. — Добавленіе это звучитъ въ устахъ Яльмара почти смѣшно; подл. употребляетъ вм. «могучія» собственно «широкія (brede), а тогда выраженіе «сильныя во всякомъ случаѣ» хорошо и безъ «довольно».

С. 73. Яльмаръ. «. . .если вспомнить, что въ нее попалъ [цѣлый] зарядъ дроби». . .

С. 104. Грегерсъ. «Яльмаръ, тебѣ разставляютъ [новыя] сѣти».

Маленькое преувеличеніе можно видѣть, *можетъ быть*, въ выраженіи Яльмара, с. 25 и 26: «огромное несчастье» на мѣстѣ «stor (gross) ulykke» подлинника.

С. 28. Яльмаръ (встаетъ). «Не правда-ли?» и т. д. Вып. при «встаетъ» слово «fornöiet» (vergnügt).— С. 30, въ репл. Рыхлаго Господина «. . .токайское слѣдуетъ считать полезнымъ для желудка?» вып. передъ «полезнымъ» «forholdsvis» (относительно).— С. 38, послѣ словъ Верле «. . .Женщина въ подобныхъ условіяхъ. . . легко можетъ попасть въ ложное положеніе» подл. до-

бавляетъ «ligeoverfor verden» (gegenüber der Welt или под.); но можетъ быть, что это излишне въ русскомъ переводѣ. — С. 39, можно спросить, передаетъ ли собственно слово «любовь» (Грегерсъ. «...заговорятъ, что вотъ-де сынъ на крыльяхъ любви прилетѣлъ къ помолвкѣ старика отца») удачнымъ образомъ слово подл. «pieteten».—С. 49. Яльмаръ. «. . . Да вотъ эти приготовленія. . .»; подл. говоритъ «forbedringer» (усовершенствованія).— С. 62. Выр. Яльмара. . . «Развѣ не унизительно. . ., что его сѣдовласый старикъ-отецъ получаетъ какія-то подачки?» собственно обходитъ слова подл. «gå som et skumpelskud» («wie ein Auswurf gehen»). — На той-же стр., въ описаніи дѣйствія третьяго, вып. «det er morgen» (es ist Morgen). — Слова Реллинга, с. 82, «съ вашими неумѣренными «идеальными требованіями въ заднемъ карманѣ» нѣсколько измѣняютъ подл., въ которомъ нѣтъ слова «неумѣренными», но послѣ «идеальными требованіями» за то стоитъ «uafkortet» («несокращенными» или под.). — С. 83. Грегерсъ. «. . . когда ты разставлялъ сѣти лейтенанту Экдалю»... Подл. имѣетъ «когда разставляли сѣти» и т. д. — С. 108. Грегерсъ. «И теперь молитесь за дикую утку?» Выпало «også» (также).

Эти замѣчанія, какъ мы видимъ, вообще ничтожны: по точности передачи настоящая драма стоитъ, по моему, на первомъ мѣстѣ.

«*Росмерсгольмъ*» (VI, 148 сл.) вызываетъ нѣсколько больше замѣтокъ. Особенно, пожалуй, по части «прибавленій»:

С. 154. Кролль. «Честь вамъ и хвала, что вы вспоминаете о ней съ [такимъ участіемъ и] снисхожденіемъ».

С. 171. Росмеръ. «. . . чтобы создать въ странѣ истинное [здоровое] народовластіе».

С. 181. Росмеръ. «. . . Къ ней вѣдь перешла вся библіотека [ея пріемнаго отца] доктора».

С. 189. Мортенсгоръ. «. . . принести движенію и самому дѣлу духовнаго освобожденія страны посильную пользу». — Ср. слова подл.: . . «at være både retningen og bevægelsen så nyttig,

som De på nogen måde vœre kan» (. . . sowohl der Richtung wie der Bewegung so nützlich sein, wie Sie überhaupt sein können).

С. 197. Ребекка. «. . . Благородныхъ людей».

Росмеръ. «Счастливыхъ и радостныхъ». — Въ подл. не нахожу «счастливыхъ».

С. 198. Росмеръ. «Да. Проносясь во мракѣ. . . въ [ночной] тишинѣ». — Нужна ли прибавка «ночной»? Также можно спросить насчетъ добавленнаго «независимымъ» на стр. 199, въ репл. Ребекки: «Будь вполнѣ свободнымъ, [независимымъ], Росмеръ».

С. 209. Росмеръ. «. . . Задачу эту мнѣ, вѣрно, никогда не удастся рѣшить. Не мнѣ браться за это». — Подл. говоритъ просто «Не мнѣ».

С. 210. Росмеръ. «Ну, хорошо. Ты и такъ со мной [вездѣ]».

С. 228. Ребекка. «. . . Я лишилась [силы и] способности дѣйствовать» . . .

Въ этой связи можно указать также на довольно измѣненное мѣсто на с. 219: Ребекка. «Я хотѣла, чтобы мы съ тобой рука объ руку вышли на новый путь — путь свободы. И пошли бы этимъ путемъ дальше. Все дальше и дальше, до крайнихъ предѣловъ».— Ср. съ этимъ краткія и не вполнѣ соотвѣтствующія слова подлинника: «Jeg vilde, at vi to skulde gå sammen fremad i frihed. Altid videre. Altid yderligere frem». (Ich wollte, dass wir zwei in Freiheit zusammen vorwärts gehen sollten. Immer weiter. Immerfort nach vorne).

Недоразумѣніе видимъ на с. 189, въ репл. Мортенсгора «...я взялъ за правило не опираться ни на что и ни на кого...» — Ср. подл. «aldrig at stötte noget eller nogen, som. . .» (nichts und niemand zu stützen, welcher. . .).—Можно указать также мѣста, гдѣ передача, вообще хорошая и мѣткая, затруднялась въ переводѣ оригинальныхъ выраженій Ибсена; какъ примѣръ, укажу на с. 153: Ребекка. «...Конечно, пусто какъ-то стало безъ нея...»;— ср. подл. «En stor tomhed er der jo efter hende»; или напр. с. 234, Брендель: «Педеръ Мортенсгоръ всемогущъ»; — ср. подл. «Peder Mortensgaard hor almœgtighedsevnen i sig» («Allmachts-

fähigkeit» или подл.). Но подобныхъ мѣстъ не много, а также и такихъ мелкихъ неточностей, какъ, напр., с. 150: Ребекка. «Онъ и вчера тамъ прошелъ» — вм. «iforgårs» (vorgestern).

За то можно указать случаи, гдѣ переводъ могъ бы, пожалуй, примыкать поближе къ смыслу подлинника. Такъ: с. 156, Росмеръ. «...Поэтому мы и вспоминаемъ о Беатѣ съ такимъ мягкимъ, кроткимъ чувствомъ». — Ср. подл. «derfor så synes jeg, der er noget mildt og blödti det at tœnke på Beate nu» (deshalb finde ich, es liegt etwas mildes und weiches darin, an Beate jetzt zu denken).

С. 160. Ребекка. «...что у самаго господина Росмера выработался болѣе широкій взглядъ на жизнь, чѣмъ прежде».— Ср. подл. ...at herr Rosmer er kommet til at se på tingene i livet ned åbnere öine end för (т. е. mit öffeneren Augen als früher zu betrachten); оттѣнокъ здѣсь, по моему, нѣсколько иной.

С. 166. Въ репл. Бренделя «Извѣстны ли присутствующимъ болѣе или менѣе подробно мои... творенія», по моему, теряется острота автора, вм. «присутствующимъ» имѣющаго «almenheden her» («здѣшней публикѣ» или под.).

С. 181. Росмеръ. «...Причиной всему были ея разстроенные нервы»... — Подл. имѣетъ собственно: ея разстроенные «мозговые» нервы.

С. 181. Кролль. «...что бѣдная, измученная Беата покончила съ собой...» — Подл. имѣетъ еще: экзальтированная.

С. 188. Не преувеличено ли выраженіе Мортенсгора: «Это будетъ огромной, важной новостью...» на мѣстѣ «stor» (gross) въ подл.?

С. 192. Мортенсгоръ. «...что не знаетъ ни про какія такія дѣла въ Росмерсгольмѣ...» — Подл. говоритъ... «at hun ikke kjender til noget syndigt forhold på R.» (dass sie von einem sündigen Verhältnisse in R. nichts wisse).

С. 200. Росмеръ. «Ты будешь моей женой... единственной,— какой у меня еще не было». — Говорятъ ли эти слова вполнѣ то же самое, что подл.: «du skal vœre for mig den eneste hustru,

jeg nogensinde har havt» (du sollst mir das einzige Eheweib sein, das ich je gehabt habe)?

С. 212. Кролль. «Я полагалъ, что человѣкъ освободившійся отъ такъ называемыхъ предрасудковъ»...—Ср. подл. «en såkaldt frigjort mand», гдѣ «såkaldt», «такъ называемый», относится къ другому понятію; не лучше ли: «такъ называемый свободомыслящій человѣкъ» (ср. что «frigjort» передается, с. 214, — свободомыслящій)?

Въ драмѣ «*Дочь моря*» (VI, 252 сл.) отмѣчены нѣкоторыя мѣста, относительно которыхъ можно спросить, нашли ли переводчики *вполнѣ* соотвѣтствующія выраженія (ср. въ прошлой драмѣ). Считаю возможнымъ обойти ихъ, для краткости.

Какъ общее замѣчаніе, скажу, что немного вульгарный образъ выраженія, который въ подл. характеризуетъ Люнгстранда, пожалуй не всегда находитъ себѣ соотвѣтствующее оттѣненіе въ переводѣ.

Переводчики, которые, какъ сказано, стараются передать и имена, фамиліи и т. д. въ точной формѣ, не обратили вниманія на разницу имени Гильде (подл.) отъ Гильда (перев.); то же самое въ «Строитель Сольнесъ»; но понятно, что это совершенно не имѣетъ значенія.

Изъ категоріи «прибавленій» отмѣчу:

С. 266. Эллида. «Ну, да, понимаю. . . [съ этой точки зрѣнія]. А вамъ съ тѣхъ поръ» и т. д.

С. 271. Люнгстрандъ. «Да. Утонулъ во время плаванія. И вотъ—такая странность—онъ [какъ будто] все таки вернулся».

С. 291. Эллида. «. . .И [никогда] не смотритъ на меня, только стоитъ тутъ».

С. 335. Болетта. «Связываетъ? Нѣтъ! Арнгольмъ: [Никто и] ничто?» — Подл. имѣетъ лишь «ничто».

С. 342. Люнгстрандъ. «Англійскій пароходъ! И [уже] у самой пристани!».

С. 348. «Эллида (хватаясь за голову и [неподвижно] глядя въ упоръ на Вангеля)». . .

С. 348. Неизвѣстный. «...Отнынѣ вы для меня не что иное какъ воспоминаніе о пережитомъ крушеніи». — Подл. говоритъ просто: ...какъ пережитое крушеніе.

Не вполнѣ правильно поняты слова Арнгольма на стр. 262: «Она часто бывала въ гостяхъ у пастора. Главнымъ же образомъ я встрѣчался съ нею, когда самъ заходилъ на маякъ» и т. д. — Ср. подл. «Og jeg traf hende også for det meste, når jeg var ude i fyrtårnet... (Кромѣ того я обыкновенно встрѣчался съ нею, когда заходилъ на маякъ...).

С. 289. Выр. Эллиды «Никого я не любила, кромѣ тебя» — не совсѣмъ точно; подл. говоритъ въ настоящемъ времени: «люблю».

С. 292. Послѣ словъ Эллиды: «...я-то это отлично замѣчала» — выпущено «selv om du ikke så det» (wenn auch du es nicht gesehen hast).

С. 295 и 316. Находимъ «характеръ» (у папы нѣтъ настоящаго характера, и под.) за норв. «fremfœrd»; послѣднее скорѣе — иниціатива, предпріимчивость.

С. 301. «Неизвѣстный (невозмутимо)...»; подл. здѣсь еще прибавляетъ «og uden at svare», т. е. и не отвѣчая на ея слова.

С. 327. Неточно выр. Эллиды: «...Я знаю только, что онъ вызываетъ во мнѣ это смѣшанное чувство...»; — ср. «at han for mig er den grufulde» (dass er fur mich der grauenvolle ist).

Какъ видно, дѣйствительныхъ недоразумѣній я вовсе не нашелъ.

Въ «*Гедда Габлеръ*» (VI, 360 сл.) отмѣчу, что характеризующая Йоргена Тесмана, именно своею стереотипичностью, поговорка или фраза «tœnk det» передается разными выраженіями: «подумай(те»), «каково», «представьте», «скажи на милость», «а»; по моему, — техническая ошибка.

Обойдя тѣ, впрочемъ немногія мѣста, гдѣ можно спросить, нельзя ли подойти поближе къ словамъ подлинника, укажу лишь на маленькое недоразумѣніе (или же измѣненіе) на стр. 372: Тесманъ... «Теперь это не такъ замѣтно въ этомъ платьѣ. Но я

имѣю основанія...». Вмѣсто послѣдняго подл. говоритъ «Men jeg, som har anledning til at...», т. е. «Но я, у котораго есть случаи...», на что Гедда отвѣчаетъ: «Ахъ, нѣтъ у тебя никакихъ случаевъ» (а не основаній, какъ въ переводѣ). — На стр. 440 теряется очень цѣнная игра словъ: Тесманъ. ...«Но то, что ты такъ любишь меня», — подл. «Men at du brœnder for mig» (досл. «Aber dass du für mich brennst»); ср. предшествующую реплику Гедды, содержащую также «brennen»; но, можетъ быть, невозможно найти вполнѣ подходящей передачи. — Ошибочно, по моему, на стр. 379 выр. Гедды: ...«Такъ вспомнимъ старину»...; ср. подл.: «derfor vil vi vore fortrolige som i gamle dage» (deshalb wollen wir wie in alter Zeit vertraut sein). — На с. 447 переводъ обходитъ слова подл.: Браккъ. «...Тутъ замѣшалось еще кое-что похуже». Ср. норв. «Der er kommet noget til, noget som går ind under det gemene» (Etwas ist hinzugekommen, etwas, was unter das Gemeinen hingehört).

Примѣры «прибавленій» встрѣчаются иногда и здѣсь. Такъ, на стр. 376: Теа. «Да, вотъ какъ вышла его книга, ему ужъ и не сидѣлось на мѣстѣ; [все сюда рвался]». — С. 378: Гедда. «И напиши теплое, дружеское письмо. Да подлиннѣе, [— какъ слѣдуетъ]». — С. 381. «Теа ([удивленно] глядя на нее)». — С. 432. «Гедда (глядя передъ собой). Эта милая дурочка вздумала запустить лапку въ судьбу человѣка...» — Вм. «вздумала запустить» мой подл. говоритъ лишь «запустила.

«Строитель Сольнесъ» (VII, 22 сл).

Недоразумѣніе можетъ вызвать опечатка на стр. 79: Гильде. «...Такъ къ чему вамъ понадобились эти книги?» — вм. ...эти викинги? — С. 97, послѣ словъ Гильде. «...Этакій... настоящій воздушный замокъ?» выпала реплика: Сольнесъ: «Ja, et med grundmur under» («да, на каменномъ фундаментѣ», или под.). — С. 94. Гильде. «Что не смѣешь протянуть руку за собственнымъ счастьемъ... счастьемъ всей своей жизни!» и т. д. — Вм. послѣднихъ словъ подл. говоритъ ...«за собственною своею жизнью».

Въ послѣднемъ примѣрѣ, какъ видимъ, кое-что прибавлено. Есть и другіе примѣры этого. Такъ, с. 35: «Сольнесъ [(отрывисто)]. Нѣтъ. Ничего — съ моей стороны». — С. 57 (внизу). Сольнесъ. «А вамъ все-таки, значитъ пригодилась [хоть одна] дѣтская, Алина». — С. 82. Гильде. «[Надежду] увидать васъ [опять] великимъ». — С. 94, вверху. Сольнесъ. «...Тогда какъ я жить не могу безъ радости, [безъ счастья]».

Пропущены кое-гдѣ слова, хотя и не особенно важныя. Такъ, на с. 30, послѣ словъ Сольнеса «...Оставляете меня тутъ одного» подл. имѣетъ еще «med det alt sammen» (прибл.—«со всѣми заботами»).—На с. 68, въ послѣдней репл. Сольнеса, къ объяснительному «отрывисто» подл. прибавляетъ еще «и твердо».—С. 100, передъ словами Рагнара: «Какъ же, вѣрьте!» подл. вставляетъ hånlig. — С. 91, въ слова доктора... «Въ горномъ мундирѣ сегодня, фрёкенъ?» слѣдуетъ вставить «ogrå» (auch heute).

Но, какъ видно, это лишь незначительные недочеты; ихъ можно упускать изъ виду, какъ и тѣ немногія и не важныя мѣста, гдѣ представляется вопросъ, нельзя ли подойти немного поближе къ тексту подлинника.

Вопросы этого рода представляются иногда и въ переводѣ драмы «*Маленькій Эйольфъ*» (VII, 126 сл.); но вообще замѣтки мои по поводу такихъ мѣстъ, а также въ другихъ отношеніяхъ (пропуски, прибавленія и под.) здѣсь такъ незначительны, что врядъ ли стоитъ ихъ и приводить.

Нѣсколько больше значенія можно придавать инымъ изъ замѣтокъ къ переводу драмы «*Джонъ*[1]) *Габріель Боркманъ*» (VII, 208 сл.). Оригинальныя выраженія Ибсена, очевидно, иногда причиняли трудности и, по моему, поблѣднѣли или получили нѣсколько измѣненное оттѣненіе. Ср. напр. слова на верху с. 254 (Элла Боркманъ) ...«(неискупимый грѣхъ—это) умерщвленіе живой души въ человѣкѣ, души, способной любить» съ подл.: «at

1) Почему не Іонъ? Джонъ — форма англійская.

myrde kjœrlighedslivet i et menneske» (das Liebesleben in einem Menschen zu ermorden). Или слова Эллы Рентгеймъ, с. 256, «Ты умертвилъ во мнѣ всякое живое, радостное чувство» — съ подл. «Du fik al menneskeglœde til at dö i mig» (досл. du brachtest alle Menschenfreude in mir zum Sterben). — На стр. 266 Боркманъ «гнѣвно, порывисто» — блѣдно сравн. съ подл. i svulmende harme (т. е. in schwellendem Zorn или под.) — Стóитъ далѣе сравнить на стр. 280, Фру Боркманъ (холодно): «Такъ твое сердце богаче любовью, чѣмъ мое» — съ подл. «Så må du vœre rigere på kjœrlighedskraft, du end jeg» (прибл. Dann musst du mehr Liebeskraft als ich besitzen). — На стр. 289 опять видимъ «Ты убилъ душу живую въ женщинѣ», вм. «kjœrlighedslivet» (das Liebesleben), ср. прим. къ с. 254.

На стр. 258 реплика Боркмана: «Какъ? Я думалъ, что если ты такъ добиваешься вернуть себѣ Эргарта, то ужъ на всю жизнь?» по моему, ненужнымъ образомъ видоизмѣняетъ слова подлинника: «Jeg tœnkte, at det, du krœver, det krœver du til dine dages ende» (Ich dachte, dass was du verlangst, das verlangst du bis zum Ende deines Lebens).—На с. 271, въ выраженіи Эргарта: «Я не могу пожертвовать своей жизни въ искупленіе чужой жизни» переводчики вставили «пожертвовать» вм. «посвятить» и тѣмъ вызвали перемѣну смысла, хотя и незначительную. За то ошибку нахожу на стр. 246: Фольдаль. «...Конечно, въ сущности, ты имѣлъ бы право на удовлетвореніе, но...» — Подл. говоритъ «Opreisning måtte du jo have», что въ данной связи по моему обозначаетъ: «тебѣ бы вѣдь нужно было удовлетвореніе» или под.

Пропущено иногда слово; напр., с. 274, передъ словами Фру Боркманъ: «Мнѣ кажется, вы были уже неразрывно связаны...» — smiler (т. е. улыбается). Но вообще эти случаи незначительны.

За то обращаютъ вниманіе нѣкоторыя прибавленія. Такъ, с. 221. Фру Боркманъ. «...Эргарта она положительно изучила... [и поняла] на сквозь». — С. 249. Боркманъ. «Я пока еще не имѣю основаній считать свою жизнь загубленной». Подл. просто говоритъ «не считаю». — С. 257 (вверху) «...и вокругъ меня все

стало такъ голо, [мертво] какъ въ пустынѣ. [Сердце мое умерло]».— С. 267 (внизу). Фру Боркманъ. «Не [однѣми] собственными силами».— С. 273. Фру Боркманъ. «...Но это... это все-таки совершенно невозможно, [немыслимо]». — С. 283. Фольдаль. «...Принесъ его, [говорятъ], слуга»...—С. 285 (вверху, Фольдаль). «...Теперь она наглядится на бѣлый свѣтъ, [увидитъ всѣ чудеса], о чемъ когда-то я мечталъ».

Въ «*Когда мы, мертвецы, пробуждаемся*» (VII, 308 сл.) оригинальныя, живописныя выраженія Ибсена причинили переводчикамъ трудности, повидимому, еще въ большей степени, чѣмъ въ предыдущей драмѣ. Иныя изъ такихъ выраженій выходятъ, по моему, блѣдными, «безсочными», другія пожалуй не совсѣмъ точными, хотя и стоятъ они такъ близко къ словамъ или смыслу подлинника, что не вызываютъ недоразумѣнія, и что трудно ихъ критиковать. Нерѣдко, при томъ, эти оригинально звучащія выраженія Ибсена и намъ, его землякамъ, бываютъ нѣсколько туманны по смыслу, — неудивительно, что въ такихъ случаяхъ переводчикамъ бывало трудно представить вполнѣ подходящую или удовлетворительную передачу.

Если сравнить, напр., реплики на стр. 350 съ подлинникомъ, то можно указать въ выраженіяхъ и блѣдность, и не полную точность, и, наконецъ, передачу, о которой не знаемъ, соотвѣтствуетъ ли она вполнѣ смыслу, который и самъ не совсѣмъ ясенъ. Разграничить эти категоріи — не всегда легко, почему и оставляю большинство этихъ случаевъ въ сторонѣ. Можно только привести нѣсколько примѣровъ для освѣщенія сказаннаго. С. 347. Рубекъ. «...Ты вѣдь сама участвовала въ моемъ трудѣ съ такимъ увлеченіемъ... съ такимъ священнымъ восторгомъ». Если сравнить подчеркнутыя слова съ подл. «med tindrende lyst og höihelligt begjœr» (досл. «mit funkelnder Lust und hochheiligem Begehren»), то выходитъ, по моему, невольно итогъ: да, такъ и не такъ. — На стр. 330 Рубекъ говоритъ: ...«Но я весь отдался тогда своей задачѣ»...; подл. говоритъ болѣе живописно «jeg var

helt under min opgaves magt dengang» (досл. — я былъ тогда вполнѣ подъ властью своей задачи). — Что при трудности передачи можетъ выходить ошибка, показываетъ такой примѣръ, какъ с. 367 (внизу), когда Рубекъ говоритъ: ...«Такъ хочешь слѣдовать за мной, моя невѣста, принесшая мнѣ отпущеніе». Вм. послѣднихъ словъ подл. имѣетъ «du min benådelses brud» — досл. по нѣмецки «du meiner Begnadigung Braut»; но понимать, какъ перев., «benådelse» — Begnadigung — въ смыслѣ «отпущеніе» здѣсь просто невозможно: нужно взять «Begnadigung» въ смыслѣ «Gnade, die erwiesen wird»; ср., напр., «gudebenådet», т. е. получившій «отъ боговъ» особыя, высшія способности, или под.

Явныхъ недоразумѣній или ошибокъ, впрочемъ, исключая только что упомянутую, весьма трудно указать въ этомъ переводѣ; тѣ мелочи, которыя отмѣчены, — напр., с. 347, «Рубекъ (съ горькимъ смѣхомъ)» вм. просто «со смѣхомъ», считаю вообще лишнимъ указывать. Какъ общее замѣчаніе, можно сказать, что жаргонъ Ульфгейма, съ его сочными, весьма «вычеканенными» проклятіями и суровымъ цинизмомъ, могъ бы, по моему, мѣстами находить себѣ болѣе характеристическое выраженіе въ переводѣ. Но и это не особенно важно. А если считаться съ трудностями, которыя существуютъ въ подлинникѣ, не столько во внѣшней формѣ языка, сколько въ его содержаніи, въ смыслѣ и мысляхъ драматурга, то не боюсь назвать и этотъ переводъ, по отношенію къ точности, очень хорошей работой.

Этимъ оканчиваю свои замѣтки къ переводамъ послѣдней группы драмъ Ибсена. Если кто скажетъ, что критическихъ замѣчаній не такъ мало, то, во первыхъ, укажу на крупный объемъ этой группы; во вторыхъ, на то, что уже высказано мною не разъ при этихъ замѣткахъ, а именно, что многія изъ нихъ скорѣе вопросы, нельзя ли подойти еще немного ближе къ словамъ или смыслу подлинника, а не собственно порицаніе даннаго перевода; наконецъ, и на то, что̀ по отношенію къ точности передачи пожалуй важнѣе всего: какъ рѣдко выступаютъ между данными

замѣтками примѣры дѣйствительныхъ недоразумѣній или болѣе крупныхъ ошибокъ!

Итакъ, и переводы послѣдней группы ведутъ меня къ тому же заключенію, что и переводы прочихъ произведеній Ибсена въ обсуждаемомъ изданіи, — къ тому общему мнѣнію, которое я уже далъ въ началѣ своего отзыва: хотя, конечно, переводы эти даютъ кое-гдѣ поводъ къ критикѣ нѣкоторыхъ подробностей, хотя можно, пожалуй, на основаніи отмѣченныхъ отклоненій отъ подлинника, указать на нѣкоторую маленькую общую «слабость» у переводчиковъ, но въ общемъ переводы гг. Гансеновъ, по отношенію къ точности передачи, по моему мнѣнію — прекрасная работа.

Олафъ Брокъ.

Христіанія, въ Августѣ 1907 года.

IV.

„*Свѣточи Чехіи.* В. И. Крыжановской *(Рочестеръ; 344 стр. 8⁰)*“.

Этотъ историческій романъ излагаетъ трагическую судьбу двухъ чешскихъ дворянскихъ семей, тѣсно связанныхъ съ одной стороны съ королемъ чешскимъ Вячеславомъ III, братомъ императора Сигизмунда Люксамбургскаго, и съ другой съ двумя великими историческими дѣятелями Чехіи первой половины XV в. Яномъ Гусомъ и Іеронимомъ Пражскимъ, причемъ живо представлена ихъ дѣятельность въ Прагѣ и ихъ страданія и мученическія смерти въ Констанцѣ.

Авторъ съ любовью изучилъ состояніе Праги и Чехіи первой четверти XV в., въ славную эпоху зарожденія и развитія такъ называемаго Гуситства. Онъ довольно живо и удачно представилъ постепенное распространеніе въ Чехіи новаго религіознаго освободительнаго движенія, въ смыслѣ критики папства и католической іерархіи, распространенія богослуженія на народномъ языкѣ, чешскаго перевода библіи. Авторъ ярко изобразилъ глубокій упа-

докъ нравственности въ католическомъ духовенствѣ и особенно въ итальянскихъ прелатахъ, наѣзжавшихъ изъ Рима въ Чехію.

Всѣ эти стороны романа г-жи Крыжановской заставляютъ меня высказаться за почетный отзывъ. Слабыя стороны этого романа, можетъ быть, не столь существенныя, какъ его достоинства, тѣмъ не менѣе вредятъ его значенію. Форма художественнаго произведенія требуетъ внимательной отдѣлки, удачнаго расположенія отдѣльныхъ частей, чистоты и правильности языка. Главы и частные эпизоды недостаточно отдѣлены и разграничены, что̀ можно объяснить не иначе, какъ поспѣшностью. Другой недостатокъ романа — въ небрежности и въ недостаточной простотѣ и правильности языка. Нельзя одобрить и 3-хъ послѣднихъ страницъ Эпилога: надъ старою Прагою, въ роскошную іюльскую ночь. вымученно придуманы два явленія на небѣ — старца — изображающаго время — и княжны Любуши — «прекрасная и величественная женщина съ темными волосами и большими глазами, сіявшими умомъ и могучей волей». И затѣмъ идетъ разговоръ Любуши со старцемъ (Временемъ) о будущемъ Чехіи — собственно о побѣдахъ Жижкиныхъ... Все это слишкомъ отзывается риторикою, тѣмъ болѣе грустною, что пророчица Любуша многаго далекаго не предвидѣла и очевидно не предугадывала Бѣлогорской битвы и ея послѣдствій.

Нѣкоторая небрежность и неправильность языка можетъ быть объяснена тѣмъ, что первыя печатныя произведенія нашего автора — писаны на французскомъ языкѣ, а русскій романъ «Свѣточи Чехіи» появился въ печати нѣсколько лѣтъ спустя послѣ французскихъ произведеній нашего автора:

Романы изъ исторіи Египта:

La reine Hatasou. 7 fr.

Царица Хатасу (иллюстр. С. С. Соломко). 2 р. 75 к.

Le chancelier de fer de l'antique Egypte. 5 fr.

Изъ древне-римской исторіи:

In hoc signo vinces. 4 fr.

Herculanum .6 fr.
Épisode de la vie de Tibère. 3 fr. 50.

Романы изъ исторіи средн. вв.:

Nahéma 3 fr. 50 c.
L'Abbaye des Bénédictins. 6 fr.

Романы и разсказы бытовые и фантастическіе:

La vengeance du Juif. 6 fr.
La foine aux mariages. 4 fr.
Récits occultes. 3 fr. 50.

Есть еще только по-русски:

Съ неба на землю. 50 к.
На сосѣдней планетѣ. 1 р. 25 к.

V.

Пѣсни и разсказы. **Бориса Лазаревскаго.** *1903 г. Москва.*

Изъ четырнадцати разсказовъ г. Лазаревскаго не менѣе десяти слѣдуетъ признать содержательными и художественными по формѣ. Не задаваясь широкими нравоучительными или «обличительными» задачами, не притягивая своего повѣствованія къ «гражданскимъ мотивамъ», г. Лазаревскій тепло и просто, сжато (кромѣ довольно растянутой и отъ того менѣе прочихъ удачной повѣсти «Бѣдняки») и вмѣстѣ красиво разсказываетъ про молодость, про зарожденіе и развитіе перваго чувства любви, про житейскую прозу, обрывающую въ послѣднемъ одинъ лепестокъ за другимъ. Выхваченные имъ изъ пестрой ткани жизни отдѣланные куски полны правдивыхъ и яркихъ красокъ. На всемъ сборникѣ г. Лазаревскаго лежитъ печать несомнѣннаго дарованія, искренняго и здороваго чувства и умѣнья «словомъ твердо править» и держать въ рукахъ свою мысль, не давая ей расплываться въ неясныхъ очертаніяхъ или намекахъ — и не давая ей переступать за черту правдоподобности. — Повѣствованія его богаты, сверхъ того, оригинальными и продуманными опредѣленіями, — поэтиче-

скими картинами и вѣрными житейскими характеристиками, обличающими большую наблюдательность.

Такова, напр. въ разсказѣ «Любовь Константиновна», характеристика податного инспектора, какъ мужа, считающаго роскошью пойти въ театръ не на праздникахъ или купить книгу,— сердящагося на жену, когда она даритъ свои старыя платья прислугѣ, — собирающаго четвертушки бумаги, — не жалѣющаго денегъ только на обѣдъ, — сводящаго все къ тому, что въ жизни главное — здоровье и деньги, — говорящаго: «всѣ же иныя блага дадутся вамъ свыше», стараясь произнести это, какъ славянскій текстъ, негодующаго, когда ему замѣчаютъ, что такого текста въ священномъ писаніи нѣтъ — и пугающагося, узнавъ объ измѣнѣ жены, такимъ же страхомъ, какъ и въ томъ случаѣ, если бы у него украли любимый кожаный диванъ, на которомъ онъ привыкъ спать послѣ обѣда. — Таковы опредѣленія: *жизни*, условія и обстановка которой уже не могутъ быть измѣнены, но лживый и низменный смыслъ которыхъ вдругъ сталъ ясенъ, «*жизни похожей на сонъ и сонъ ужасный, похожій на летаргію*, — *когда человѣкъ просыпается, но уже послѣ погребенія, очнувшись уже въ могилѣ*», — или *жизни* «*ровной и скучной, какъ ходъ товаро-пассажирскаго поѣзда*», — или *жизни* несчастной, «когда приходитъ въ голову, что бороться съ нею не подъ силу, и потому не лучше ли самому выпустить себя въ тиражъ заблаговременно», — и когда «судьба точно пугается такого рѣшенія, *подобно ломовому извощику, который, замѣтивъ, что его кляча можетъ упасть и издохнуть, вдругъ перестаетъ её бить и начинаетъ изо всѣхъ силъ помогать ей самъ*...». Таково влагаемое въ уста героя одного изъ разсказовъ заявленіе, что онъ «всегда былъ убѣжденъ, что на свѣтѣ существуетъ непреодолимый законъ справедливости и что за каждую минуту счастія или наслажденія рано или поздно придется расплачиваться горемъ; — и это бы еще ничего: ну, справедливость такъ справедливость; — *но судьба никогда не требуетъ возвращенія взятаго у нея наслажденія въ такой же мѣрѣ, а всегда съ процентами, и съ какими процентами!*». — Таковы

наконецъ — одни изъ многихъ — поэтическія описанія моря ночью, когда «то подходитъ, то снова возвращается назадъ, по мелкимъ камешкамъ, волна, точно желая и не рѣшаясь о чемъ-то спросить!...»; или пѣсни кубанскихъ казаковъ — пластуновъ, въ разсказѣ «Сиренъ».

Къ лучшимъ изъ разсказовъ г. Лазаревскаго должны быть отнесены «Отъѣздъ» и «Сиренъ». *Первый* изъ нихъ — исторія столкновенія изящной чувственности скучающей богатой помѣщицы, вышедшей замужъ «по голосу разсудка», — съ чистотою непосредственной натуры грубоватаго студента, живущаго на «кондиціяхъ», — исторія сжатая, какъ въ фокусѣ, въ одномъ эпизодѣ, — сдѣлалъ бы честь всякому опытному и извѣстному писателю своею обдуманной работою и психологическою тонкостью. *Второй* — разсказъ о томъ, какъ влюбляется молодой товарищъ прокурора, ѣдущій на Кавказъ, въ сосѣдку по купэ прямого поѣзда — умную армянскую дѣвушку, — весь проникнутъ свѣтомъ и тепломъ, подкупая читателя своей жизненной правдивостью, чуждою всякой сочиненности. И вагонъ, и пассажиры, и прекрасныя картины бѣгущей мимо природы, и всѣ мимолетные этапы развивающагося чувства нарисованы съ такимъ искусствомъ и такъ полны тѣмъ, что французскіе критики называютъ «credibilité», что кажется, что самъ переживаешь все это и видишь этихъ людей.

Глубокой скорбью — безъ всякой, однако, дѣланной чувствительности — вѣетъ отъ разсказа «Счастье», въ которомъ человѣкъ цѣпляется сердцемъ за призраки счастья, безжалостно разбиваемые судьбою, заставляющею его пережить любимую жену и дочь, изъ за которыхъ пришлось перестрадать свыше мѣры, и отнимающую у него послѣднее достояніе мыслящаго человѣка — волю... Много истиннаго трагизма въ разсказѣ «Не выдержалъ», гдѣ матросъ, умирающій отъ скоротечной чахотки — вслѣдствіе простуды отъ долгаго пребыванія въ студеной водѣ во время побѣга съ вахты въ родное село, — весь горитъ надеждою и житейскими заботами, осуществляя «spes phtysicorum»; — ярко и выпукло нарисована картинка закулисныхъ нравовъ въ провинціальномъ

театрѣ и очерченъ паразитъ антрепренера, театральный критикъ мѣстной газеты — въ разсказѣ «Гейша»; — оригиналенъ образъ дѣвушки (въ «Докторѣ»), инстинктивно постигнувшей психику человѣка, способной видѣть съ двухъ-трехъ встрѣчъ каждаго насквозь — и безжалостной, какъ *вивисекторъ*, — быстро обдающей холодомъ того, въ которомъ для нея уже не остается ничего непонятнаго, подобно вивисектору, выбрасывающему послѣ своихъ изслѣдованій уже ненужный ему трупъ. Наконецъ — много тонкаго анализа и поэтическихъ мѣстъ въ «Элегіи», гдѣ, въ формѣ записной тетради, проводится мысль, что *душевно* женщина можетъ отдать себя только одинъ разъ и что первый, взявшій ея лучшія и самыя чистыя душевныя движенія, на всю жизнь будетъ ей ближе всѣхъ, какъ бы ни сложилась ея судьба...

Маленькіе недостатки разсказовъ — или, вѣрнѣе, языка г. Лазаревскаго тонутъ въ художественныхъ достоинствахъ его разсказовъ. Къ нимъ надо отнести нѣкоторый излишекъ звукоподражательныхъ словъ и нѣсколько неудачныхъ выраженій («холодно было и *въ* ноги» — вмѣсто «холодно было и ногамъ», — «мы долго *пресмыкались* по дорожкамъ сада», — «обложился *вдребезги* изорванными лекціями...»), а также одно, очевидно безсознательное, заимствованіе у Достоевскаго: «въ сущности, я ужасная скотина, и больше ничего. Выпилъ, поѣлъ и уже чувствую себя веселѣе. Весь, весь рѣшительно зависишь отъ того, сытъ ты или голоденъ, здоровъ или боленъ физически... Машина — и больше ничего... Стоитъ ли послѣ этого бояться смерти?» («Человѣкъ» — «Преступленіе и Наказаніе» — размышленія Раскольникова въ кабакѣ, предъ встрѣчей съ Мармеладовымъ...).

На основаніи изложеннаго, находя, что *почетный отзывъ* былъ бы не только справедливой оцѣнкой сборника г. Лазаревскаго, но и поощреніемъ послѣдняго къ дальнѣйшимъ трудамъ и къ приложенію своего несомнѣннаго таланта къ широкимъ темамъ, я имѣю честь предложить Императорской Академіи Наукъ почтить вышеупомянутый сборникъ Лазаревскаго почетнымъ отзывомъ.

Почетный Академикъ **А. Кони.**

VI.

Разсказы **Е. М. Милицыной:** *Веревка* (Русское Богатство, № 3, 1906 г.). *Ученый диспутъ* (Русское Богатство, 1906 г.). *Не по закону* (Русская Мысль, № 1, 1905 г.). *На путяхъ* (Русская Мысль, книга № 10, 1905 г.), представляютъ слабыя попытки построить на основѣ прежнихъ, хотя отрывочныхъ, но реальныхъ наблюденій крестьянской жизни, если не полную картину этой жизни, то хотя бы художественные эскизы. Самый замѣчательный въ этомъ отношеніи разсказъ «Веревка» даетъ своеобразно краткую, но довольно драматическую повѣсть о жизни одной крестьянской семьи. Разсказъ начинается какъ разъ смертью одного изъ братьевъ, которая побудила большинство семьи (двухъ братьевъ) дѣлиться съ третьимъ. Причина дѣлежа—грубый экономическій расчетъ, такъ какъ оставшаяся отъ умершаго брата вдова беременна на послѣднемъ мѣсяцѣ, и имъ хочется выдѣлить ей со свекровью только ихъ бабью часть, пока у нея не родился мальчикъ, которому пришлось бы отдать четвертую долю всего имущества. Примитивный экономическій расчетъ тяготѣетъ надъ семьею, давитъ чувство и мысль, и подъ гнетомъ этого расчета стонутъ и гибнутъ слабые. Такова тема, избранная авторомъ для этого разсказа и разработанная въ первой его половинѣ. «Въ дѣлежѣ, говоритъ авторъ, — доходятъ до каждой мелочи, высчитываютъ всѣ убытки, принесенные когда-либо кѣмъ изъ братьевъ или ихъ женъ общему хозяйству; припоминаютъ за всѣ годы совмѣстной жизни всѣхъ околѣвшихъ телятъ; ягнятъ, замерзшихъ по недосмотру бабъ; возстановляютъ старые счеты; крики и брань стоятъ въ избѣ съ ранняго утра до поздней ночи», . .» дѣлятъ скотину, хлѣбъ, перебираютъ послѣднее, что есть въ домѣ. Бабы кричатъ до хрипоты; вытаскиваютъ припрятанную другъ отъ друга шерсть и съ искаженными лицами уличаютъ одна другую въ утайкѣ «семейскаго». Обѣ вдовы поселились въ избѣ старшаго брата, и вотъ потянулась ихъ горькая жизнь въ новой вдовьей долѣ: хозяева тащили съ нихъ все имъ выдѣленное, одно

за другимъ, вымогательствуя нагло, грубо, безжалостно. Взяли хлѣбъ, продали на деньги, женили малолѣтняго и глупаго Никишку, который, чтобы поскорѣй покончить съ своимъ дѣтствомъ, послѣ свадьбы вскорѣ побилъ жену ни за что, ни про что. Послѣ битья жены Никишка долго ходилъ, понуривъ голову, и плакалъ, не зная отъ чего; а затѣмъ вскорѣ опять побилъ жену, «словно стараясь загладить этимъ свое малодушіе и свои слезы». Но вотъ у вдовы умершаго брата родился мальчикъ Егорушка, у нихъ вновь явилось право на жизнь и надежда на защиту ихъ судьбы, и вдовы съ удвоенной энергіей принялись работать на общее хозяйство. Но тѣмъ сильнѣе началось въ домѣ противъ нихъ гоненіе, и тѣмъ гуще вырастала враждебная среда, росшая изъ «всякихъ мелочей, пріобрѣтавшихъ теперь особое значеніе и цѣну». Вся жизнь вдовъ проходила теперь во враждебномъ молчаніи, въ напряженномъ вниманіи ко всѣмъ мелочамъ и въ нудныхъ, непрестанныхъ воспоминаніяхъ о прошедшемъ. Но тою же тяжелой нудной жизнью жилъ и хозяинъ семьи, на плечахъ обездоленныхъ родственниковъ построившій свое убогое благополучіе. «Калинъ, такъ звали старшаго брата — хозяина, проникся смысломъ суроваго закона крестьянской жизни: чтобы жить — нужно быть сильнымъ, а также умѣть ѣсть хлѣбъ съ золой, когда то придется. Такъ жили и раньше; такъ было всегда. Законъ этотъ всю жизнь и на всѣ лады показывалъ Калину превосходство сильнаго и все ничтожество, весь ужасъ положенія ослабѣвшаго. «Слаба душа у ерша, коли у него щетинка не стоитъ дыбомъ», говаривали ему еще его дѣдъ и отецъ». Однако, у автора, представитель этого суроваго закона является скорѣе слабымъ мечтателемъ, живущимъ также только въ мечтахъ и воспоминаніяхъ. Калинъ уже старикъ, онъ только лежитъ и думаетъ о томъ, какъ суровый законъ создаетъ на селѣ «богатѣевъ», какъ богатѣи обманываютъ бѣдныхъ людей и какъ бѣднымъ не хватаетъ «совѣсти» отказать богачамъ въ ихъ хищническихъ походахъ противъ общественнаго имущества и даже укорить ихъ въ насиліи, гнетѣ и издѣвательствѣ. Всѣ сочувствовали житейской мудрости богачей и въ силѣ надъ собою.

Ненависть къ богачамъ и къ кулакамъ умѣрялась въ деревнѣ «органическою близостью съ ними, не позволявшей доходить до заслуженнаго мщенія; рука не подпималась противъ собственныхъ принциповъ».

Но на этой драматической постановкѣ крестьянскаго быта и останавливается художественный опытъ автора, такъ точно, какъ въ современныхъ пьесахъ ихъ главный и въ то же время исключительный интересъ ограничивается завязкой, въ лучшемъ случаѣ первымъ актомъ. Дальше авторъ на ту же самую тему нанизываетъ лишь рядъ произвольно построенныхъ воспоминаній Калина и убогихъ расчетовъ обѣихъ вдовъ, а затѣмъ и вовсе оставляетъ свою драматическую тему и, воспользовавшись страдной порой и уборкою хлѣба, переходитъ къ привычнымъ ему этнографическимъ картинамъ сельской жизни, ничѣмъ не связаннымъ съ разсказомъ: говорится о появленіи калѣкъ въ кибиткахъ, о крестьянской милостынкѣ, о томъ, почему она дается; какъ милостынька яичкомъ равняется ста кускамъ хлѣба, такъ какъ за яичко прощается сто грѣховъ; приводится пѣніе слѣпцовъ, разсказывается о «выбиваніи» податей и даже эпизодически вводится исторія трагическаго конца крестьянскаго вора Васьки Талагая, написанная подъ яснымъ вліяніемъ Максима Горькаго.

Разсказъ «*Не по закону*» пользуется бытовымъ, или даже вѣрнѣе этнографическимъ эскизомъ крестьянскаго сватовства, правда, въ видѣ картинки съ натуры, чтобы на этомъ фонѣ выткать трогательную, хотя нѣсколько тенденціозную, тему. Будто бы все крестьянское село, очень большое, степное развлекается преслѣдованіемъ старческой четы, которая тридцать лѣтъ живетъ не вѣнчанною. Будто бы именно бабы съ особенной злобой накидываются на эту чету съ неистовой бранью, попреками и грубой руганью, и эта нелѣпая жестокость ихъ, по словамъ автора, будто бы выдаетъ ихъ несознаваемый «протестъ противъ насилія надъ ихъ собственной личностью, надъ тѣмъ, что законныя жены купленныя, и ихъ бьютъ, а есть жены свободныя, пользующіяся недоступнымъ счастьемъ, которыхъ жалѣютъ».

Разсказъ «*Ученый диспутъ*» представляетъ фотографическій снимокъ, правда, любительскій, но превосходный, словесныхъ состязаній въ чайной Комитета трезвости между начетчикомъ и молодымъ просвѣщеннымъ крестьяниномъ, въ присутствіи мужиковъ, напряженно слушающихъ и тоскливо размышляющихъ о томъ, что они слышатъ, чего они совершенно не понимаютъ. Диспутъ построенъ съ большимъ искусствомъ и, что еще лучше, съ большою правдивостью, но типы спорщиковъ: начетчика и крестьянъ, вступающихъ въ споръ, шаблонны, а молодого крестьянина—будто бы не только просвѣтившагося, но и прозрѣвшаго — неопредѣленъ. Такого рода типы являются тенденціозными гаданіями. Подборъ вопросовъ и темъ, вращающихся около житейской морали, высшей правды, взяты съ натуры, но авторъ напрасно придаетъ всѣмъ этимъ темамъ крайнюю важность ихъ въ глазахъ крестьянскаго люда: здѣсь — значительная доля того пустословія, какимъ нерѣдко отличаются крестьянскіе разговоры. Русскій мужикъ важнымъ дѣломъ считаетъ только ручную физическую работу, а разговоръ празднымъ развлеченіемъ — въ большинствѣ случаевъ. Авторъ разсказа приводитъ одно очень характерное мужицкое замѣчаніе о книгахъ: съ книгою въ рукахъ можно, конечно, просвѣтиться человѣку, но «съ ней надоть тоже осторожно». Слѣдуетъ такой любопытный апокрифъ: — «Такъ-то сказываютъ: была она у одного мужика, то-о-лстая такая. Читалъ онъ въ ней все и ничего не примѣчалъ. Только идетъ разъ Матушка Божія по селу и во всѣ избы заходитъ; а съ его избой поравнялась, и мимо прошла. Поднялъ онъ окошко и зоветъ: «Матушка Божія, что же ты ко мнѣ не зайдешь? У всѣхъ Ты была, а ко мнѣ не зайдешь».

— «Съ удовольствіемъ бы, говоритъ, и къ тебѣ зашла, да не могу».

— Отчего же такое?

— «А у тебя, говоритъ, книга въ дому есть, а въ ней два слова не такъ написаны». — Два-а слова не такъ, и то, вонъ дѣло какое; а другія-то и совсѣмъ пустяковыя бываютъ».

Апокрифъ этотъ, однако, то же не народнаго, а книжнаго

происхожденія, т. е. идетъ отъ тѣхъ же начетчиковъ, и авторъ напрасно видитъ въ немъ народные страхи, «воспитанные вѣковыми устоями». Да и вообще мудрено, оставаясь на реальной почвѣ, а не слѣдуя за освободительной тенденціей, видѣть въ словахъ молодого диспутанта какой-либо «призывъ къ иной жизни, рѣзкое осужденіе окутывающей крестьянскій міръ тьмы, безсильную борьбу съ деспотизмомъ семей, міроѣдами и неправдою сельской жизни».

Четвертый разсказъ взятъ уже не изъ крестьянскаго быта. Онъ называется «*На путяхъ*» и рисуетъ въ отдѣльныхъ картинкахъ жизнь желѣзнодорожнаго кондуктора и его семьи, поселенной въ большой каменной службѣ, на узловой станціи. Разсказъ можетъ назваться недурнымъ, хотя и въ него заложено желаніе нѣчто доказать и представить, какъ люди стараются «затушевать непріятную правду ложью и обманомъ иллюзій», кто во что гораздъ. Разсказъ недуренъ, потому что онъ сравнительно простъ, не вычуренъ и реаленъ, но онъ слабъ, потому что разведенъ водою фразистыхъ тенденцій. Жена помѣщичьяго сына, взятая изъ купеческой семьи, съ трудомъ привыкаетъ къ барству и благородству и отвыкаетъ отъ родного ей круга. Но почему она при этомъ «искала въ мужѣ спасенія своей личности», остается непонятнымъ, и почему ея запросы отъ жизни авторъ считаетъ «простыми»? врядъ ли авторъ даже подумалъ, что ему могутъ сдѣлать подобный вопросъ. Современный изуродованный языкъ также портитъ повѣсть: «Она оставалась одна безправная, оскорбленная, *опустошенная* (?) .... И ей страшно было потомъ это опустошеніе .... Затѣмъ опять приходили періоды и покрывали собою все...». По счастью, такія словесныя упражненія сравнительно рѣдки. Они, очевидно, не свои, а взяты на прокатъ изъ образцовъ современной беллетристики.

Мы уже имѣли случай испрашивать у Разряда Изящной Словесности почетнаго отзыва Академіи разсказамъ г-жи Милицыной, на предыдущемъ присужденіи премій имени Пушкина, и въ опытахъ, представленныхъ ею въ 1905 году, эти разсказы

заинтересовывали своею живой реальностью и тамъ мы находили «любовное внимательное погруженіе автора въ разные виды затянутаго, безнадежнаго горя русской народной жизни». Слабыя стороны этихъ разсказовъ были указаны и въ темахъ, и въ манерѣ рисовки, и въ излишней субъективности и тенденціозной окраскѣ; эти недостатки авторъ оказывается не въ силахъ побороть. Его разсказамъ, по прежнему, недостаетъ художественнаго замысла и художественной обработки. Возможно, однако, что авторъ со временемъ, какъ говорится, выпишется: первый, хотя бы небольшой, но истинно художественный, объективный разсказъ можетъ разомъ создать ему то, чего ему недостаетъ,—литературную личность. Но, съ другой стороны, нельзя не признать въ представленныхъ имъ опытахъ прежде всего крайне интересной литературной задачи. Большинство картинъ крестьянской жизни въ русской литературѣ, за исключеніемъ повѣстей Тургенева и разсказовъ Чехова, — представляютъ только декоративные эскизы. Авторъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ двухъ разсказовъ Чехова. Рисовка безысходной нужды и вызванной ею томительной злобы, дикаго пьянаго разгула, постояннаго крика вмѣсто разумной бесѣды, голода, угара и смрада, стыда и раздраженія сильныхъ и старшихъ, страха и печали слабыхъ и младшихъ, — все это передано и здѣсь реально и живо, хотя и поставлено въ видѣ опыта, въ видѣ какихъ-то принципіальныхъ вопросовъ. Конечно, принципіальныя объясненія автора ничего не объясняютъ и въ нихъ нѣтъ никакой нужды. Правдивое изображеніе крестьянской жизни возможно, конечно, только, когда оно выйдетъ изъ ея собственной среды, а не со стороны. Но эта задача сама по себѣ составляетъ положительную литературную заслугу и потому мы рѣшаемся испрашивать для автора присужденіе ему одной изъ премій имени Пушкина.

Н. Кондаковъ.

VII.

Tristia. — Изъ новѣйшей французской лирики. Переводъ **И. И. Тхоржевскаго.** *1906 годъ.*

Переводчику, по его словамъ, вѣтеръ принесъ издалека «оборванные, спутанные звуки — безкрылые, безъ силы и размаха, но грустно-хорошіе (прекрасные?), полные тоски и ласки». Эти звуки изложены И. И. Тхоржевскимъ на русскомъ языкѣ съ пожеланіемъ, чтобы вѣтеръ перелетный умчалъ ихъ дальше и они «навѣяли другимъ горечь и покой».

Едва-ли это послѣднее желаніе осуществится по отношенію къ большинству читателей Tristia. Можно даже думать, что они не согласятся со взглядомъ переводчика и вмѣсто горечи и покоя извлекутъ изъ многихъ его переводовъ эстетическое впечатлѣніе. Это слѣдуетъ предположить потому, что трудъ И. И. Тхоржевскаго отличается тѣми же достоинствами, которыя уже были указаны мною при разборѣ перевода «Стиховъ поэта» Гюйо. Выборъ произведеній Сюлли-Прюдома, Верлена, Метерлинка, Роденбаха, Анри де Ренье, Верхарна, Грега, Вьелье-Гриффена и Мореаса — сдѣланъ со вкусомъ; стихъ перевода сжатъ и гармониченъ и почти вездѣ, гдѣ мы имѣемъ передъ собою *переводъ*, соблюдены, несмотря на всю трудность, тотъ же размѣръ и расположеніе строфъ, какъ въ подлинникѣ. Отличительною чертою произведеній современныхъ французскихъ поэтовъ является печаль и притомъ по большей части *личнаго* характера. Французская душа, которая когда-то стремилась такъ много сдѣлать для человѣчества вообще и вѣру въ безсмертіе личности восторженно замѣняла вѣрой въ торжество идей, какъ будто устала и извѣрилась въ самой себѣ. Кругозоръ ея съузился, и несмотря на громкія и красивыя фразы о человѣчествѣ, вопросы *личнаго* счастья стали у французскихъ поэтовъ на первомъ планѣ. Въ послѣдней же области уже почти нѣтъ ни «музы, ласково поющей», ни «музы мести и печали», а

лишь мелочной и эгоистическій самоанализъ. Поэтому изъ стихотвореній большинства вышеназванныхъ поэтовъ часто звучитъ ужасъ предъ физическимъ уничтоженіемъ и скорбь о томъ, что матерьяльное наслажденіе такъ непрочно и кратковременно. Но, если содержаніе этихъ произведеній мало даетъ уму и сердцу читателя, если только онъ самъ не проникнутъ настроеніемъ унылаго личнаго разочарованія въ жизни, какъ «дарѣ напрасномъ, дарѣ случайномъ», то, съ другой стороны, форма, созвучія рифмъ, блескъ стиха, утонченная обдуманность выраженій доведены въ нихъ до крайней степени совершенства. Въ своемъ подлинномъ видѣ эти произведенія почти непередаваемы въ строгой точности.

Поэтому и переводы г. Тхоржевскаго должны быть, въ сущности, раздѣлены на *собственно-переводы* и *подражанія*. Къ лучшимъ принадлежатъ: «Росинки», «Одиночество», «Молчаніе и сумракъ лѣсовъ» — изъ Сюлли Прюдома; «Снѣгъ» — изъ Жоржа Роденбаха; «Южная осень» и «Встрѣча» изъ Грега и др... Нѣкоторыя изъ *подражаній* имѣютъ свойства переводовъ Беранже, сдѣланныхъ Курочкинымъ, т. е. иногда они лучше и сильнѣе подлинника. Таково подражаніе стихотворенію Сюлли Прюдома «Какъ солнца лучъ»...

Какъ солнца лучъ, — и бѣлый и прямой, —
Дробясь *внезапно* въ хрусталѣ граненомъ,
За нимъ играетъ радугой цвѣтной
И на экранъ ложится преломленнымъ,

Такъ, встрѣтясь съ жизнью, юная душа
И бѣлизну теряетъ, и дробится,
Но узнаетъ, страданіемъ дыша,
Какъ много въ ней чудесныхъ силъ таится!

И разноцвѣтно-яркой полосой
Невольныхъ пѣсенъ вспыхиваютъ краски, —
Одной души, надломленной судьбой,
Разсѣянныя жалобы и ласки!

Таковы «Цѣпи» того же Прюдома, «Эпилогъ» Роденбаха и стихотвореніе Фернанда Грега:

Слишкомъ много я плакалъ! Печали мои
Мнѣ чужими и легкими стали.
На призывъ ихъ былой, полный тайнъ и любви,
На ихъ шорохъ изъ мрака печали

Не откликнусь я сердцемъ; нѣтъ въ сердцѣ любви,
Нѣтъ въ глазахъ моихъ слезъ для печали.

Еле помнятся мнѣ, — смутно помнитъ душа
Тѣ печали, тѣ страстныя рѣчи, —
Словно давнія, давнія встрѣчи!
Я любилъ ихъ, быть можетъ, волненьемъ дыша;

Но теперь я не жду ихъ; закрылась душа;
Чужды ей эти позднія рѣчи...

Какъ примѣръ хорошихъ подражаній, которыхъ, однако, отнюдь нельзя назвать переводами, можно указать стихотвореніе Прюдома «Крылья»:

О, Небо! знаешь ты: *вѣдь* я ребенкомъ былъ,
Когда о крыльяхъ я молился, безразсудный!
Чѣмъ этотъ радостный, невинный дѣтскій пылъ
Могъ возмутить твой миръ, божественный и чудный?
Пускай я дерзокъ былъ: я рвался въ вышину,
Хотѣлъ тобой дышать, — да! но не ты-ль такъ нѣжно
Само, коварное, манило въ глубину,
За быстрой ласточкой, въ свой океанъ безбрежный?
Теперь измученъ я. Теперь мнѣ страшно ты,
Всѣмъ: — этой роскошью, безбрежностью, лучами...
Зачѣмъ же мстишь ты мнѣ за дѣтскія мечты?

И кто, злорадствуя, взростилъ мнѣ за плечами
Теперь — у дряхлаго, безсильнаго орла —
Два исполинскія, тяжелыя крыла?

Въ этомъ подражаніи не только вся вторая строфа принадлежитъ всецѣло г. Тхоржевскому, но и въ первой строфѣ въ подлинникѣ нѣтъ слова «вѣдь»; «безразсудствомъ» переведено «témérité», а выраженіе «triomphant» замѣнено словами «божественный и чудный». Въ третьей строфѣ въ подлинникѣ совсѣмъ нѣтъ «роскоши», «безбрежности», «лучей» и вмѣсто «дѣтскихъ мечтаній» говорится о *любви*. Наконецъ, въ четвертой строфѣ, гдѣ въ подлинникѣ упоминается объ «исполинскихъ крыльяхъ», стихъ «en m'accablant toujours» замѣненъ указаніемъ на «тяжелыя крылья дряхлаго безсильнаго орла». Нельзя не отмѣтить и въ *настоящихъ* переводахъ иногда прибавки эпитетовъ и прилагательныхъ, которыхъ въ сжатомъ и сильномъ подлинникѣ вовсе нѣтъ. Таково, напримѣръ, стихотвореніе Сюлли Прюдома «Прошлое».

Порою прошлому шепчу я малодушно:
«Проснись; несчастливъ я; дай вспомнить о быломъ».
И *геній* Прошлаго, разбуженный, послушно
Спросонокъ третъ глаза громаднымъ кулакомъ.

Потомъ, оправившись, стряхнувъ слѣды похмѣлья
Вчерашней оргіи, даетъ онъ руку мнѣ
И быстро мчитъ туда, на берега веселья,
Подъ небо юности, къ сверкающей волнѣ.

Засвѣтитъ онъ огни, виномъ наполнитъ чаши,
Цвѣтами обовьетъ корму гондолы нашей,
Разбудитъ ропотъ волнъ лихимъ весломъ гребца,

И обнялъ бы его! Но, вѣчно улыбаясь,
Глядитъ мой великанъ — и вижу, содрагаясь,
Я оловянную усмѣшку мертвеца...

Здѣсь переводчикъ «прошлое» называетъ «геніемъ прошлаго» и «великаномъ», который «третъ глаза громаднымъ кулакомъ», причемъ авторъ «содрагаясь, видитъ оловянную усмѣшку мертвеца»,

между тѣмъ какъ ни одного изъ этихъ словъ въ подлинникѣ нѣтъ. Такъ, въ подлинникѣ стихотворенія «Сталактиты» во «вздохъ (а не въ «вопль», какъ у переводчика) разростается шорохъ пустой», а въ «Молчаніи лѣсовъ» стихъ: «Признаніе любви звучитъ изъ этой тишины» переведенъ: «И рѣчь любви звенитъ, сливаясь съ тишиной». Наконецъ, можно отмѣтить одну неудачную въ смыслѣ размѣра строфу въ стихотвореніи: «Тѣла и души».

«Счастливое сердце, съ горячею кровью!
Какъ внятенъ твой радостный стукъ!
А какъ дышатъ страстью, какою любовью
Дарятъ насъ объятія рукъ!».

Несмотря на эти мелочные недостатки, нельзя не признать литературной заслуги за авторомъ Tristia. Обладая легкимъ и красивымъ стихомъ, онъ могъ бы выбрать у французскихъ поэтовъ послѣдняго времени неглубокія по мысли, красивыя лирическія вещицы, и вѣроятно, безъ труда познакомить съ ними русскую публику. Онъ избралъ однако другой путь и второй разъ передаетъ по-русски скорбныя думы французовъ, причемъ трудность передачи философской мысли усугубляется трудностью воспроизведенія сжатой и тонко разработанной формы. Въ общемъ Tristia даетъ ясное и вѣрное понятіе о мотивахъ печали у названныхъ поэтовъ, и представляя собою трудъ, исполненный съ талантомъ и любовью, заслуживаетъ, по моему мнѣнію, почетнаго отзыва отъ Академіи.

Почетный Академикъ **А. Кони.**

VIII.

Стихотворенія **Владиміра Жуковскаго,** *1893—1904. С.-Петербургъ. Изданіе А. С. Суворина. 1905.*

Въ книжкѣ 310 страницъ, и состоитъ она изъ шести отдѣловъ, озаглавленныхъ: Природа, Баллады и фантазіи, Любовь, думы и настроенія, Элегіи, Отдѣлъ V — безъ заглавія и «На евангельскія темы».

По прочтеніи книги незнакомаго стихотворца, въ умѣ возникаетъ обыкновенно вопросъ: заслуживаетъ ли авторъ лестнаго и завиднаго имени поэта? Въ наше время развелось неисчислимое количество стихотворцевъ, большей частью кропателей стиховъ, риѳмоплетовъ, изъ которыхъ лишь весьма и весьма немногіе имѣютъ законное право на высокое званіе поэта. Невольно вспоминается стихотвореніе Фета «Псевдопоэту»:

Молчи, поникни головою,
Какъ-бы представъ на страшный судъ,
Когда случайно предъ тобою
Любимца музъ упомянутъ!

Къ кому причислить г. Вл. Жуковскаго, къ поэтамъ, или только къ стихотворцамъ? Это вопросъ трудный и щекотливый, на который пріятнѣе всего было-бы отвѣтить скромнымъ молчаніемъ. Но Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, призванное присуждать преміи безсмертнаго имени Пушкина, ждетъ положительнаго отвѣта, и мы постараемся дать его по совѣсти.

Среди произведеній каждаго, даже выдающагося писателя, всегда встрѣчаются вещи посредственныя и болѣе или менѣе неудачныя; даже у классическихъ, всѣми признанныхъ поэтовъ можно найти піесы менѣе сильныя; конечно, чѣмъ выше поэтъ, тѣмъ рѣже попадаются у него слабыя произведенія.

Въ разсматриваемой книжкѣ мы насчитали всего около одной седьмой удачныхъ стихотвореній; остальныя лишены поэзіи и носятъ на себѣ печать посредственности, безцвѣтности, или страдаютъ неяснымъ выраженіемъ мысли, дѣланностью, искусственностью и другими недостатками. Изъ нихъ главнѣйшій — конечно отсутствіе поэзіи, которая одна даритъ созданію искусства его значеніе, жизнь и право на художественность; а стихотвореніе безъ поэзіи едва-ли имѣетъ какой-нибудь смыслъ. Таково наше глубокое убѣжденіе, а потому мы не рѣшились бы назвать г. Вл. Жуковскаго поэтомъ. Перечисляя недочеты его стихотвореній, укажемъ сперва тѣ, въ которыхъ недостаетъ поэзіи.

Авторъ въ Римѣ; въ стихотвореніи «Полдень» [1]) изображается крутая, сверкающая, какъ въ огнѣ, улица: упрямый осликъ подъ бременемъ двухъ тяжелыхъ корзинъ; мальчишка черноокій; въ риѳму къ послѣднему слову поставлены «зеленые финоки», но не мѣшало бы, хотя въ выноскѣ, пояснить это непонятное русскимъ слово. Грязная старуха со звякающими и блистающими поддѣльной позолотой браслетами на рукахъ; руки названы «старческими», что казалось бы и излишнимъ, такъ какъ другихъ рукъ у старухи быть не можетъ. Балконы рисуются чугуннымъ кружевомъ на узкой полосѣ голубой лазури;

Но полдня жгучаго удушливъароматъ,
Должно быть ранняя жаровня не погасла. —
И вотъ на мостовой дымится сизый чадъ
Перегорѣлаго оливковаго масла.

Въ одномъ мѣстѣ, на стр. 288, авторъ говоритъ:

...Мнѣ чувствовать дано
И риѳмами вѣнчать все то, что такъ прекрасно.

Полагаемъ, что въ стихотвореніи «Полдень» авторъ не оправдываетъ своего собственнаго признанія.

---

1) Стр. 276.

Въ стихотвореніи «Въ храмѣ св. Петра»[1]) описывается поклоненіе бронзовой статуѣ апостола, у которой, какъ извѣстно, отъ безчисленныхъ поцѣлуевъ паломниковъ стерты пальцы на ногѣ. Слѣпой нищій пропустилъ въ храмъ порывъ холоднаго вѣтра;

И мраморному льву чудеснаго Кановы
Изваяннаго сна покой уже не милъ.
И вотъ тогда старикъ хотѣлъ-бы жгучей вѣры:
Пусть хладную стопу согрѣетъ пламень устъ!
Но нищій у дверей не двигаетъ портьеры,
Прозябли мраморы, и храмъ безмолвный пустъ.

Фантазія, быть можетъ, смѣлая, но во всякомъ случаѣ не поэтичная.

Иногда одно неудачное слово можетъ испортить цѣлое не лишенное поэзіи стихотвореніе, какъ ложка дегтя бочку меда. Напр. на стр. 122:

Въ вечерній часъ, когда сбѣгутся тѣни
Въ твоемъ задумчивомъ саду,
Чтобъ предъ тобой склониться на колѣни,
Я, *крадучись*, приду.
Вечерняя звѣзда въ твои заглянетъ очи,
Роса на кудри упадетъ . . .
Весенняя любовь для этой первой ночи
Всѣ звѣзды съ неба соберетъ.

Все бы хорошо, но это «крадучись»! Такъ и видишь ползущаго на четвереанькахъ.

На стр. 198: два аиста улетѣли съ гнѣзда на югъ. Эльза, ласкаясь, сказала автору, что скоро уснетъ навсегда:

Но розы еще не поблекли,
Двѣ розы весны еще ждутъ:

1) Стр. 272.

У Эльзы на блѣдныхъ ланитахъ
Болѣзненно-ярко цвѣтутъ.

Вѣроятно, авторъ хотѣлъ изобразить чахоточный румянецъ. На дворѣ буря, береза обронила послѣдніе листья,

И тихо осыпались розы,
Имъ садъ за окномъ отвѣчалъ....
Я съ Эльзой такъ долго прощался,
Я всѣ лепестки сосчиталъ.

Тутъ ужъ никакъ не понять, кто прощался, и кто считалъ лепестки, садъ или самъ авторъ? Ужели считалъ кто-либо изъ нихъ лепестки на ланитахъ бѣдной Эльзы? Нѣтъ въ саду ни листьевъ, ни птицъ,

Но пышныя жаркія розы
Со мною, со мною вездѣ.

Такъ какъ розы уже осыпались, то надо предполагать, что рѣчь идетъ опять о чахоточномъ румянцѣ Эльзы.

Дано ли душѣ одинокой
Уйти отъ осенняго дня?

задаетъ себѣ праздный вопросъ авторъ и заключаетъ это, весьма сомнительнаго достоинства стихотвореніе возгласомъ:

Нѣтъ Эльзы, нѣтъ Эльзы любимой,
Поймите, поймите меня!

Мы охотно рады бы понять г. Вл. Жуковскаго, но въ правѣ требовать отъ него болѣе яснаго и опредѣленнаго изложенія мысли. Печаль автора вызываетъ въ читателѣ не сочувствіе его горю, а приводитъ въ смѣшливое настроеніе.

Не знаемъ, намѣренно ли, въ стремленіи къ оригинальности и въ поискахъ новыхъ путей, или по неумѣнію выражаться

просто и ясно, г. В. Жуковскій нерѣдко озадачиваетъ читателя выраженіями, надъ которыми приходится тщетно ломать голову, чтобы добраться до смысла.

На стр. 189 помѣщена такая «элегія»:

Паруса въ безбрежной дали —
Часть души моей:
Улетѣли отъ печали,
Отъ чужихъ людей.
Я стремлюсь отъ зла и горя
Всей душою вдаль,
Да боюсь: не хватитъ моря,
И души мнѣ жаль!

Во-первыхъ, почему это элегія? Во-вторыхъ, мы рѣшительно отказываемся разгадать таинственный смыслъ утвержденія автора, что паруса — часть его души, что ему не хватитъ моря, и что ему жаль души.

Въ другой «элегіи» на стр. 195, къ которой мы еще вернемся, говорится о смерти «любимой мечты». Лѣсные гномы приносятъ хрустальный гробъ и саванъ изъ вечерняго тумана; авторъ собирается отнести съ гномами этотъ гробъ туда, гдѣ тишина сберегаетъ молитвы для генія любви, разгадывая тайны невѣдомыхъ міровъ. Но еще наканунѣ «мечта» ласкала нѣжною рукою чело автора и, разгадывая уже не «невѣдомые міры», а ночь, они — неизвѣстно: авторъ и его «мечта», или авторъ и гномы — засидѣлись до разсвѣта и слушали, какъ падаетъ роса. Они собирали въ единую красу — красу поэзіи — лучшія біенія всѣхъ людскихъ отзывчивыхъ сердецъ, надѣясь создать обширный храмъ, куда сходились бы молиться, отрѣшась отъ міра, всѣ грустные. Но оказывается, что храмъ этотъ, еще не созданный, уже разрушенъ: «мечты» не стало....

Не продолжаемъ; и этого образчика довольно, чтобы убѣдиться, на сколько глубокомысленъ авторъ и какъ ясно излагаетъ онъ глубокія мысли.

Въ стихотвореніи «Двѣ весны» (стр. 40) чувствуется нѣкоторая поэзія, но оно испорчено непонятными оборотами рѣчи:

....На селѣ открыты двери храма,
И огни и ласки ѳиміама
Для того, кто умеръ и воскресъ....
И весна луговъ и нивъ цвѣтущихъ
Обнялась съ *весною неимущихъ* —
Съ вѣчной силою любви......

Что такое: *весна неимущихъ*?

Въ балладѣ «Мертвый рыцарь»[1]) опять туманность, оправдываемая развѣ только стихами:

Свидѣтелемъ измѣны —
Холодный исполинъ —
Туманъ ползетъ на стѣны
Изъ лѣса и долинъ.

Тамъ же встрѣчаются и такія удивительныя строки:

...Подъ спущеннымъ забраломъ
И въ латахъ онъ лежитъ.
Сквозь щели, тамъ гдѣ очи,
Съ иголками хвои,
Съ разсвѣта и до ночи
Вползаютъ муравьи.....

Въ балладѣ «Свѣтъ луны»[2]) находимъ не только «скалъ и льдовъ суровыхъ сплавы», но даже «каменныя травы»!!!

На стр. 67—69 русалки сулятъ кому-то, что онъ будетъ любимъ «изумрудными устами». До сихъ поръ мы знали, что устами можно цѣловать, но любить устами и притомъ «изумруд-

1) Стр. 61.
2) Стр. 64—66.

ными»?! Тамъ же «изъ червоннаго ствола каплетъ ладанъ чистый».

Неясенъ конецъ баллады на стр. 70—72. Слѣдующая за ней— «Король» [1]) не лишена поэзіи сѣвера, но и въ ней встрѣчаются причуды. Старикъ-король Эрикъ живетъ въ холодной странѣ,

Гдѣ золотомъ сосны горятъ,
Гдѣ скалы съ морскою волной говорятъ,
Въ *полночномъ сверкая огнѣ*.

Въ лѣсахъ этой страны находимъ мы «ароматную лѣнь».

Викингъ «правитъ свою на берегъ песчаный ладью». По-русски принято говорить: правитъ ладьею, а не ладью.

Сонетъ «Ни ревности, ни мукъ, ни дивныхъ сновидѣній» (стр. 91) былъ-бы совсѣмъ хорошъ, если-бъ. . . . можно было понять его. Со стороны формы онъ безукоризненъ, въ немъ нѣтъ ни одного не поэтичнаго выраженія, ничего колющаго ухо, а въ общемъ получается какой-то неудоборазумѣемый сумбуръ. Вотъ этотъ сонетъ:

Ни ревности, ни мукъ, ни дивныхъ сновидѣній:
Подумай, какъ любовь моя къ тебѣ чиста!
На крыльяхъ неземныхъ паритъ моя мечта;
Чѣмъ рѣже видимся, тѣмъ больше вдохновеній.
И видишь, я не гнусь подъ тяжестью креста!
На молодость и жизнь не смѣю бросить тѣни.
Все ближе къ небесамъ широкія ступени:
Ведетъ меня туда съ улыбкой красота.
Не требуй отъ меня любовной бурной дани:
Безмолвныхъ, жгучихъ ласкъ, объятій и лобзаній.
Въ нихъ холодъ сѣверной, задумчивой волны. . .
Свѣти моей душѣ! Проси любви безъ бури!. . .
Такъ звѣзды свѣтятъ мнѣ въ безоблачной лазури
Съ недосягаемой и чудной вышины.

---

1) Стр. 73.

Слѣдишь за мыслью автора, но она то бросается въ сторону, то ускользаетъ и прячется, смѣняясь новою мыслью, ничего общаго съ первой не имѣющей. Уже въ первой строкѣ одно за другимъ идутъ понятія, лишенныя логической между собою связи. «Ни ревности, ни мукъ»; далѣе ждешь чего-либо сроднаго этимъ чувствамъ, но неожиданно натыкаешься на «дивныя сновидѣнья». Любовь автора чиста,—прекрасно. Но оказывается, что чѣмъ рѣже онъ видится со своимъ предметомъ, тѣмъ чаще посѣщаетъ автора вдохновеніе. Признаніе откровенное, но едва-ли пріятное и лестное предмету его любви. Потомъ мы узнаемъ, что тяжесть креста, о которомъ пока не было и рѣчи, не заставляетъ автора согнуться. Это очень хорошо, но вовсе не вытекаетъ изъ предыдущаго. Авторъ чувствуетъ приближеніе къ небесамъ; это тоже очень хорошо, но мало понятно, ибо слова написаны въ 1893 году, а съ тѣхъ поръ прошло уже 12 лѣтъ. Затѣмъ авторъ обращается къ своему предмету съ просьбой не требовать отъ него жгучихъ и почему-то безмолвныхъ ласкъ, лобзаній и объятій и впадаетъ въ явное противорѣчіе, уподобляя ихъ холоду сѣвера и «задумчивой» волнѣ. Послѣднія три строки прекрасны и по содержанію и по поэтической формѣ, но не вяжутся со сказаннымъ ранѣе. Повидимому, авторъ не склоненъ къ жаркимъ и страстнымъ порывамъ любви, тогда какъ его предметъ требуетъ именно такихъ бурныхъ изліяній; но причемъ тутъ дивныя сновидѣнія, порождаемыя разлукой вдохновенія, тяжесть креста и ведущая къ небесамъ красота? Развѣ для риѳмы? Но имѣетъ ли она право являться смягчающимъ вину автора обстоятельствомъ?

Черезъ три страницы настроеніе автора мѣняется кореннымъ образомъ: на этотъ разъ онъ не только не утомленъ жгучими лобзаніями, но проситъ отдать ему весь ихъ ядъ, пока «звѣздой *жемчужною* не гаснетъ небосклонъ».

Прекрасно по мысли и чистотѣ настроенія стихотвореніе на стр. 123: «Да, я люблю ее за то, что не любимъ», но и въ немъ находимъ мы такіе малопонятные стихи:

Я собираю ей живые лепестки
Отъ ландышей мечты, отъ лилій созерцанья;
Изъ листьевъ золотыхъ угасшаго желанья
Свиваю свѣтлые вѣнки.

Въ слѣдующей строфѣ, прибѣгая къ удачному сравненію съ паломниками, когда они «встрѣчаютъ тишину и отдыхъ свой вечерній», когда «имъ звѣзды говорятъ свѣтлѣй и суевѣрнѣй», авторъ опять вредитъ своимъ паломникамъ слѣд. строками:

Ихъ жажда божества не смѣетъ обма́нуть;
Ихъ *мысль холодная зарею поклоненья*
Къ заоблачнымъ мірамъ давно привлечена.

На стр. 148 г. Вл. Жуковскій высказываетъ, что «любовь услада жизни», но гдѣ-то тамъ, въ его святой отчизнѣ она и глубже, и полнѣй, въ ней есть что-то міровое, она невинно-величава, въ ней часто скрытъ свѣтлый подвигъ, въ ней отрава невѣдомыхъ слезъ и

Она прощаетъ и *велитъ*(??).

Спрашивается: гдѣ же эта «святая отчизна» г. Жуковскаго, гдѣ это «тамъ»? Изъ стихотворенія не видно, чтобы оно было написано на чужбинѣ.

А здѣсь, продолжаетъ г. Жуковскій, любовь готова съ назойливою страстью торговать душою, смѣется счастью и ей кажется пошлымъ мечтать.

Ей надо скрыть разврата раны,
И вотъ чахоточную грудь
Цвѣтокъ украсилъ *ярко-пряный*,
И жгучимъ солнцемъ залитъ путь.

Гдѣ же это здѣсь? По всей вѣроятности автору хотѣлось указать на различіе любви деревенской и столичной. Но еще на

школьной скамьѣ, даже отъ подростковъ-учениковъ справедливо требуютъ яснаго и опредѣленнаго выраженія мысли; между тѣмъ послѣднее стихотвореніе написано всего лишь четыре года назадъ, когда его автору можно было предъявлять требованія болѣе строгія, чѣмъ школьнику.

И отчего понадобился г. Жуковскому цвѣтокъ, да еще «пряный» для прикрытія раны разврата? Очевидно только для риѳмы. А залитый солнцемъ путь одинаково служитъ любви какъ «тамъ, въ святой отчизнѣ», такъ и «здѣсь».

Чтобы покончить съ піесами мало оправдываемыми здравымъ смысломъ, приведемъ еще двѣ въ доказательство сказаннаго нами въ началѣ этой статьи о посредственности и неясности многихъ стихотвореній разсматриваемаго автора. Это стихотвореніе помѣщено на стр. 204 и принадлежитъ къ числу «элегій».

Я отравленъ одиночествомъ,
Стономъ осени больной;
Съ удручающимъ пророчествомъ
Ходятъ призраки за мной.
Надъ мечтой моей вчерашнею
Пѣсни грустныя поютъ,
Для нея надъ черной пашнею
Изъ тумановъ саванъ ткутъ.
И хоронятъ въ ночь безсонную,
Гдѣ-то тамъ, въ лѣсной глуши,
Гдѣ надъ *влагой озябленною*
Пожелтѣли камыши.
Съ ними, *съ призраками гибкими*
У каминнаго огня,
Наслаждаюсь я улыбками
Догорающаго дня;
Съ ними листьямъ опадающимъ
Я веду безумный счетъ,
Жду, что *въ сердцѣ умирающемъ*

Листъ послѣдній опадетъ.
Но за грезой бездыханною
Ухожу одинъ, одинъ....

Какъ не назвать этого стихотворенія весьма посредственнымъ, вымученнымъ и состоящимъ изъ набора безсмысленныхъ словъ? Отравленіе одиночествомъ, удручающее пророчество, похороны какой-то неизвѣстно о чемъ мечты, да еще вчерашней, ознобленная влага, гибкіе призраки, веденіе счета опадающимъ листьямъ, послѣдній листъ въ умирающемъ сердцѣ и бездыханная греза — все это развѣ не бредъ и притомъ вовсе не поэтичный? Но стихотвореніе заканчивается прекрасными строками, проникнутыми истинной поэзіей, достойными увѣнчать нѣчто несравненно лучшее приведеннаго; вотъ эти заключительныя строки:

Ухожу одинъ, одинъ
Въ смерть лѣсовъ благоуханную,
Въ холодъ молкнущихъ долинъ.

На стр. 111 авторъ съ кѣмъ-то, по всей вѣроятности со своимъ «предметомъ», ожидаетъ, чтобы солнце «вскинуло узоръ радуги», намѣреваясь бѣжать за выси горъ «по лентамъ надъ лугами» и посмотрѣть, сидятъ ли какія-то птицы «въ темнотѣ сырыхъ дубравъ и у моря безъ границы въ шелку высокихъ травъ». Онъ обѣщаетъ «предмету», довѣряясь блеску звѣздъ, собрать изъ большихъ, теплыхъ гнѣздъ лебяжьяго пуху.

Не овладѣетъ ли читателемъ недоумѣніе при чтеніи подобныхъ плоскихъ несообразностей?

II.

Одинъ изъ главныхъ недостатковъ г. Жуковскаго, это дѣланность и искусственность; онъ, по извѣстному выраженію Грибоѣдова, «ни слова въ простотѣ не скажетъ,—все съ ужимкой». На небѣ высыпали звѣзды,—г. Жуковскій говоритъ: «на небѣ

множится звѣзда»; вечеромъ наступила свѣжесть, — у г. Жуковскаго: «туманится прохлада» (стр. 12). Онъ «закованъ въ безмолвіи» (стр. 14); весенняя сырость на днѣ оврага названа «встревоженною влагой зимой покинутыхъ снѣговъ» (стр. 15). Въ описаніи грозы, когда темная туча застлала полъ-неба, находимъ у г. Жуковскаго, что «только даль еще свѣтла крестомъ и мельницей села» (стр. 16). Если въ передачѣ минутъ первыхъ ожиданій умѣстны «огненные взгляды» и «трепетныя руки», то не черезъ-чуръ ли смѣло упоминаніе о «дождѣ нѣжныхъ вопросовъ» и «ливнѣ обѣщаній» (стр. 18)? Автору хочется въ деревню:

Да, махнуть бы туда до осеннихъ путей,
Загорѣть до зимы, запылиться.
И гдѣ весь родился, для столичныхъ клѣтей
Хоть душою бы снова родиться (стр. 20).

Какъ ни привлекательна въ авторѣ тоска по деревнѣ, гдѣ онъ, очевидно, не скучаетъ, подобно Евгенію Онѣгину, довольно непонятно, какъ это «весь родившись» тамъ, хочетъ онъ снова душою родиться; не проще ли было-бы выразить желаніе возродиться? — Лѣтнимъ утромъ «цвѣты» у г. Жуковскаго, «до ночи отложивъ печали, образомъ душистымъ уносились къ Богу» (стр. 22). Удивительны «Лѣсныя озера» (стр. 27), «рожденныя какой-то силой» въ глухой тѣни бора; они, зеркальныя, блестятъ среди тишины; «лѣсные великаны смолу роняютъ имъ на грудь»; туча почему-то «бѣжитъ изъ грустной глубины»!

Лишь солнце ясное, играя,
Имъ въ очи смотритъ каждый день,
И ночь, *измѣны не питая*,
Съ зарей на нихъ наводитъ тѣнь.

Отъ лѣсныхъ озеръ перейдемъ къ свѣтопреставленію (стр. 60); когда земля, окончивъ долгій путь, упадетъ въ огневое объятіе и, блаженная, сольетъ ему на грудь все свое золото; когда льды,

моря и океаны въ одномъ дыханіи навсегда исчезнутъ, тогда г. Жуковскій собирается прилетѣть со своимъ предметомъ на «бракъ родной земли»,

Чтобъ молча догорѣть въ сіяньи наслажденій,
Разсѣявъ пепелъ свой въ хаосѣ міровомъ.

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 121) «у ногъ небесъ» земля падаетъ ницъ, и мы, пораженные изумленіемъ, узнаемъ, что и у неба есть ноги. На стр. 157 — новое откровеніе: солнце грѣетъ «устами лучей». Дальше—больше: на стр. 174 встрѣчаемъ «журчанье безгрѣшной скромности», а въ первомъ изъ стихотвореній на евангельскія темы — «мирру грѣха», которою богата Марія Магдалина, и опять «пряные цвѣты грѣха».

Поэтическій языкъ не обходится безъ уподобленій, образныхъ сравненій, метафоръ и одухотворенія безжизненныхъ предметовъ. Дѣло поэта найти грань, за которую художественное чутье не позволитъ переступить. Г. Жуковскій не въ достаточной степени обладаетъ этимъ чутьемъ и нерѣдко пересаливаетъ и озадачиваетъ. Намъ кажутся неудачными такія напр. сравненія: «весеннимъ сокомъ *забьется грудь березъ*» (стр. 129), или:

Уйдетъ причудница весна,
Лучамъ и грозамъ завѣщая
Поля, гдѣ сила золотая
Со стономъ падать будетъ ницъ
Передъ серпомъ усталыхъ жницъ (стр. 17),

или «мягкій лугъ росою тонкой вышить» (стр. 257). Въ очень плохомъ стихотвореніи «Я помню, былъ ландышъ приколотъ къ твоей расцвѣтавшей груди» находимъ такое гинекологическое выраженіе: «Цвѣтами земля разрѣшилась»; тамъ же: «Природы молились глаза, и съ жемчугомъ ливня смѣшалась сіявшая счастьемъ слеза» (стр. 146). Дыханье весны на стр. 151 названо «синимъ» (??). Въ поэмѣ «Грѣхъ» есть такое поразительное мѣсто:

. . . . . Двѣ звѣзды
Мелькнули въ воздухѣ лазурномъ,
Припавъ къ морскимъ вершинамъ бурнымъ
Намекомъ боли и вражды (стр. 223).

Въ той же поэмѣ читаемъ такіе стихи:

Лишь мѣсяцъ, жемчугъ закругливъ,
На міръ глядѣлъ холоднымъ взглядомъ (стр. 220).

Послѣ подобной смѣлости, чтобы не сказать дерзости, «янтарное тепло» (стр. 287) кажется слабой попыткой выйти изъ рамокъ общепринятыхъ выраженій. Вотъ говоритъ «хрустальными словами бѣжавшій узникъ безъ цѣпей, звенящій, блещущій ручей» (стр. 159).

Въ стихотвореніи «Морская пѣна» наше вниманіе невольно останавливаетъ на себѣ такая картина:

Хмурый валъ откатился назадъ въ океанъ,
Подняль къ небу могучія плечи
И, прорѣзавъ безбрежный холодный туманъ.
Глубиной подавилъ свои рѣчи (стр. 25).

Напослѣдокъ преподносимъ читателю еще плодъ фантазіи разбираемаго автора:

Золотымъ, лѣнивымъ роемъ
Листья крутятся въ саду...
Надъ серебрянымъ налоемъ
Вижу первую звѣзду.

Если произведенія г. Жуковскаго по своему содержанію часто заслуживаютъ порицанія, то и по формѣ, хотя рѣже, они не всегда безукоризнены. Попадаются обороты рѣчи не свойственные русскому языку. Напр. на стр. 142:

Звонко, солнцемъ грѣясь, рѣяли стрекозы.

Можно грѣться на солнцѣ, а не солнцемъ.

Совсѣмъ не по-русски, да притомъ и непонятно выражена мысль въ слѣд. строфѣ:

Когда передъ ликомъ неяснымъ
Свѣчу восковую я ставлю, —
Невольно проникнусь прекраснымъ
Отъ Бога и къ Богу все славлю (стр. 153).

Въ посланіи Патріарху Даміану (стр. 185) пастушья свирѣль переименована въ пастушечью, а на стр. 294 влюбленная пара — молодой человѣкъ и молодая дѣвушка — названы двумя юношами, тогда какъ слово юноша присвоено исключительно мужескому полу.

Встрѣчаются у г. Жуковскаго и погрѣшности стихосложенія. Помѣщенное на стр. 195 стихотвореніе, весьма слабое вообще, начинается семистопною строкой:

Сегодня умерла моя любимая мечта,

что совершенно недопустимо и рѣжетъ слухъ. Выше мы уже разобрали эту піесу, одну изъ слабѣйшихъ въ сборникѣ. — Въ Письмѣ къ другу (стр. 243), написанномъ шестистопнымъ ямбомъ, мы насчитали до четырехъ строкъ, въ которыхъ нѣтъ обязательной цезуры на третьей стопѣ, что весьма немелодично.

Находимъ у г. Жуковскаго и сомнительныя риѳмы, какъ напр. *искусствомъ* и *пусть вамъ* (!!), или *карты* и *старъ ты*, или *камни* и *душа мнѣ* (стр. 291, 293, 310), или *воскреснемъ* и *вешнемъ* (стр. 127).

Встрѣчаются въ сборникѣ стихи неблагозвучные; напр. «Дождь живительный» (двѣ шипящія, почти сливающіяся въ одну), или «Чтобъ вспыхнуть» (четыре согласныя подъ рядъ), или «Что въ душѣ моей жажды такъ много» (четыре шипящія въ одномъ стихѣ. Стр. 33, 37, 190).

III.

До сихъ поръ мы касались только отрицательныхъ сторонъ сборника г. Жуковскаго; но въ немъ есть и положительныя, и намъ отрадно ихъ отмѣтить.

Постараемся изъ отдѣльныхъ чертъ произведеній разбираемаго автора, сопоставляя разбросанныя здѣсь и тамъ мысли, чувства, взгляды и впечатлѣнія, выяснить себѣ его духовный образъ и передать, какимъ представляется намъ его умственный и нравственный міръ.

Весьма нерѣдко въ стихахъ г. Жуковскаго дышитъ глубокая религіозность и искренняя, теплая вѣра. Въ одномъ изъ стихотвореній отдѣла «На евангельскія темы» вотъ какъ выражаетъ авторъ свои религіозныя вѣрованія (стр. 301):

Въ посланьяхъ свѣтлыхъ Іоанна,
Матѳея, Марка и Луки
Слова такъ дивно глубоки,
И святость такъ благоуханна.
Съ великимъ подвигомъ Христа
Людей стремленья несравнимы,
Ужель навѣкъ ослѣплены мы,
И жизнь навѣки суета?
Повсюду кровь, повсюду войны...
Когда же отдыхъ, къ миру звонъ?
Отъ недостойнаго достойный
Когда же будетъ отличенъ?
Въ Ерусалимѣ, волей черни,
Былъ распятъ мученикъ-Христосъ;
Онъ свѣтъ божественный принесъ,
Пріявъ за то вѣнокъ изъ терній;
И вотъ, печально сознавать —
Мы — та же чернь Ерусалима,
Мы то же дѣемъ, но незримо:
Готовы духъ Христа распять.

А въ чистомъ словѣ Іоанна,
Матѳея, Марка и Луки
Такъ указанья глубоки,
Такъ жизни цѣль обѣтованна.

Пусть это стихотвореніе лишено поэзіи, разсудочно и недовольно образно; пусть есть въ немъ и неточности—мы не знаемъ посланій Матѳея, Марка и Луки, — но эта вещь занимаетъ насъ какъ profession de foi автора и позволяетъ намъ проникнуть во Святая Святыхъ его завѣтныхъ убѣжденій.

Мысленно переносясь въ Палестину, авторъ описываетъ ночь, раскинувшую черный пологъ надъ Святой землей:

И вспыхнутъ звѣздъ вѣнки въ безмолвіи живомъ,
Какъ будто возжены молящимся Христомъ
Отъ вѣчнаго огня Премудрости Нагорной (стр. 164).

Настроеніе человѣка вѣрующаго сказалось и здѣсь. То же настроеніе, и притомъ выраженное дѣйствительно поэтичными образами, встрѣчается въ піесѣ, вѣроятно навѣянной воспоминаніемъ о Святой Землѣ, о Святыхъ мѣстахъ, о Гробѣ Господнемъ или о Голгоѳѣ; опускаемъ первую строфу и приводимъ остальныя:

Есть вѣра, но вѣра безъ цѣли и сердца:
Всѣ рады камнями побить иновѣрца...
Божественныхъ ризъ не оконченъ дѣлежъ...
Во имя Христа вѣковѣчная ложь.
Томительно грустно. Какъ голуби Ноя
Безъ вѣтви масличной, стремленье живое,
Дрожа, возвратилось въ душевный ковчегъ...
А жизнь убѣгаетъ... безсмысленный бѣгъ!
И только одно усмиряетъ тревогу:
Сознанье, что можно приблизиться къ Богу,
Въ душѣ созидая тотъ праздничный храмъ,
Гдѣ все во Христѣ для людей ѳиміамъ (стр. 207).

Итакъ, вѣра автора не есть только вѣра безъ цѣли и сердца,

довольствующаяся одной внѣшней обрядностью, пышными ризами, драгоцѣнными лампадами съ чистымъ елеемъ, возжигаемымъ на святомъ мѣстѣ, и пламенно устремленными въ небо глазами; нѣтъ, это есть истинная потребность души, жаждущей добра, мира и правды.

Но вѣра г. Жуковскаго, вѣра евангельская и христіанская, въ то же время вѣра русская, православная. Полагаемъ, что мы вправѣ вынести такое заключеніе изъ слѣдующаго:

СЕЛЬСКІЙ ХРАМЪ (стр. 29).

Незатѣйливый, убогій
На селѣ построенъ храмъ.
Пролегли къ нему дороги
По равнинамъ и лугамъ.
Онъ стоитъ надъ грудью пашенъ,
Дышитъ свѣжею землей,
Чистымъ небомъ онъ украшенъ
И омытъ его росой.
За оградой, на покоѣ
Отъ житейской суеты,
И зимой, и въ лѣтнемъ зноѣ
Дремлютъ бѣдные кресты.
Храмъ одинъ могилы знаетъ
И ведетъ печальный счетъ:
Кто надъ пашней вѣкъ свой маетъ,
Подъ крестомъ его уснетъ.
Если вянетъ всходъ зеленый,
Если рожь легка зерномъ,
Онъ поблекшія иконы
Высылаетъ за дождемъ.
И когда съ дождемъ тяжелымъ
Туча темная придетъ, —
Онъ крестомъ сосѣднимъ селамъ
Вдаль привѣтливо блеснетъ.

Есть въ этомъ миломъ, задушевномъ стихотвореніи нѣкоторые недостатки, заставляющіе читателя задать автору вопросъ, почему сельскій храмъ украшенъ небомъ, почему одинъ этотъ храмъ знаетъ счетъ крестамъ на погостѣ, и почему эти кресты дремлютъ; но не искупаются ли эти мелкіе недочеты ласковой теплотою, съ которою изображенъ бѣдный храмъ на селѣ, ведущія къ нему со всѣхъ сторонъ дороги, крестный ходъ въ засуху и привѣтливый блескъ креста въ грозу, — какъ бы отвѣтъ Божій на вознесенныя о низпосланіи дождя молитвы. Согласитесь, что эти стихи могъ написать только русскій, православный человѣкъ.

Въ стихотвореніи «Хочу въ деревнѣ провести великопостныя недѣли» (стр. 140), хотя оно начинается приведенными двумя строками, отзывающимися самой обыденной прозой, дышитъ та же любовь къ церкви и къ проникнутымъ глубокимъ смысломъ ея обрядамъ:

Здѣсь какъ-то чувства загрубѣли,
И трудно сердцу расцвѣсти.
А тамъ легко молиться Богу,
Къ зарѣ пасхальной подходя;
Тамъ отъ душистаго дождя
Все оживаетъ понемногу.
Изъ рощи въ поле, съ поля въ садъ,
Изъ сада въ комнаты, съ привѣтомъ,
Какъ-бы сліясь съ янтарнымъ свѣтомъ,
Дыханья вешнія спѣшатъ.
Земля черна, и въ ризѣ черной
Священникъ служитъ... А въ саду
Воркуютъ горлицы задорно,
Готовясь къ теплому гнѣзду.
А крестный ходъ? А въ пашнѣ жирной
Зерна посѣяннаго дрожь?
Ну, развѣ въ городѣ поймешь
Всю эту прелесть тайны мірной?

Да, вѣчность жизни хороша,
Когда Христа согрѣта словомъ...
На все отвѣтитъ чувствомъ новымъ
Весну пріявшая душа.
И разумъ скромности церковной.
И подвигъ строгаго поста,
И цѣль природы негрѣховной —
Одна живая красота!

Еслибъ не необычное и колющее ухо, хотя грамматически и правильное прилагательное «мірная», да отрицательное опредѣленіе «негрѣховная», риѳмы ради, вмѣсто положительнаго «безгрѣшная», это была-бы безукоризненная піеса. Развѣ не ново и не прекрасно сопоставленіе черной земли и черныхъ ризъ священника, развѣ не поэтично изображеніе богослуженія Страстной недѣли среди оживающей весенней природы въ свѣтлую пору расцвѣта, совпадающую съ радостнымъ ожиданіемъ праздниковъ праздника, когда торжествуется памятованіе воскресшаго Христа?

Отмѣтимъ еще стихотвореніе, прекрасно передающее настроеніе предпразднованія Пасхи; оно было-бы безупречно, еслибъ не упомянутое уже нами «синее» дыханіе весны:

Въ субботу вечеромъ у храма
Тѣснятся пасхи, куличи:
Ждутъ бѣлыхъ ризъ и опміама,
Благословенія въ ночи.
Весны дыханьемъ — синимъ, влажнымъ —
Свѣчей колеблемы огни,
Надъ скромнымъ розаномъ бумажнымъ
Мерцаютъ набожно они.
Смолкаетъ городъ понемногу.
Далекимъ звѣздамъ нѣтъ числа,
Чтобъ воскресающему Богу
Святая ночь была свѣтла.
Съ устами неба, въ дивной тайнѣ,

Земли сливаются уста...
Все говоритъ необычайнѣй
О близкомъ шествіи Христа (стр. 151).

Отрадно встрѣтить въ произведеніяхъ г. Жуковскаго трезвое и здравое міросозерцаніе, полное жизнерадостности и чуждое напускной тоски, безпричиннаго нытья и мрачнаго ломанья, къ которымъ такъ склонны нѣкоторые современные писатели и стихотворцы. Г. Жуковскій не приходитъ въ отчаяніе при мысли о смерти, не льетъ безутѣшныхъ и во всякомъ случаѣ безцѣльныхъ слезъ при видѣ пожелтѣвшаго листа или увядшаго цвѣтка и не повергается въ глубокое уныніе, припоминая неизбѣжно минувшіе годы. У него мы читаемъ:

Я все грядущее провижу откровеннѣй
И съ благодарностью прошедшее цѣню.
...Мнѣ кажется, что я не разъ еще прочту
Во всемъ великаго безсмертья откровенья:
Фіалка, листъ сухой, колосья, снѣгъ — все звенья
Того, что вѣчную толкуетъ красоту.
Я не могу грустить, мнѣ жизнь не надоѣла,
Попрежнему она мнѣ дивно хороша,
И осени въ отвѣтъ звучитъ моя душа,
И вѣритъ и поетъ, какъ вѣрила и пѣла.
. . . .
Я радостнѣй пойду къ чудесному порогу,
Гдѣ каждому изъ насъ неощутима плоть...
.Обогати меня улыбками, Господь,
Благослови на свѣтлую дорогу! (стр. 50).

Тѣмъ же бодрымъ чувствомъ, той же свѣжестью вѣетъ и отъ слѣд. строфъ:

Мы прошедшее забудемъ
И грядущимъ станемъ жить,
Чтобы снова вѣрить людямъ,

Думать, плакать и любить.
Разгадать загадки вѣчной
Намъ разумно не дано, —
Только въ жизни безконечной
Всѣ мы — вѣчное звено (стр. 127).

Четырехстопный сонетъ на стр. 93 проникнутъ тѣмъ же свѣтлымъ, полнымъ жизни настроеніемъ:

Я грустныхъ пѣсень не слагаю,
Я темной скорбью не объятъ,
Я жизни тонкій ароматъ
Въ созвучья стройныя вплетаю.
Я журавлей весеннихъ стаю
Въ лазурномъ небѣ слушать радъ;
Когда на югъ они летятъ,
Я съ ними въ грезахъ улетаю.
Я вѣчность чувствую во всемъ,
Я берегу для вдохновенья
Улыбки въ сердцѣ молодомъ.
Я всѣхъ зову въ мой міръ святой,
Чтобъ даже смерть и тайну тлѣнья
Считать желанной красотой.

Полный упованья взглядъ на будущее и вѣра въ загробную жизнь подсказываетъ нашему автору такія прекрасныя строки:

. . . . По вечерамъ, заканчивая день,
Приблизившій меня къ грядущему покою,
Внимаю сказкамъ звѣздъ, сродняюсь съ тишиною
И къ небу восхожу еще одну ступень (стр. 124).

Положительные взгляды, высказываемые въ только что приведенныхъ стихотвореніяхъ, побуждаютъ насъ предполагать въ авторѣ добрыя чувства человѣка, которому должно быть дорого

семейное начало. И дѣйствительно, вотъ строки, посвященныя имъ матери (стр. 147):

....Ты въ креслѣ, я у ногъ: начало разговора —
Заботъ и радостей размотанный клубокъ.
Давно минувшее меня волнуетъ живо:
Я слушаю опять, какъ сказочное диво,
Романъ единственный, романъ съ моимъ отцомъ,
И жду и знаю я, что на лицѣ твоемъ
Вдругъ вспыхнутъ двѣ слезы, алмазами сверкая....
Неуловимая поэзія святая!

Вотъ какъ въ Письмѣ къ другу (стр. 241) нашъ авторъ описываетъ мать своего ребенка:

....Бываетъ, по ночамъ
Не спится ей, когда онъ боленъ, и украдкой
Проходитъ въ дѣтскую она и надъ кроваткой
Стоитъ задумчиво, прислушиваясь къ снамъ.
А утромъ горячо цѣлуетъ и ласкаетъ....
Кто этой прелести въ семьѣ не понимаетъ?
Кто счастіемъ такимъ дышать не грезитъ самъ.
Вѣдь только въ матери есть нѣжная забота,
Неуловимое, плѣнительное что-то!

Переворачиваемъ страницу и въ концѣ того же Письма читаемъ:

Мы долго на крыльцѣ съ женой еще сидѣли,
Не знаю, звѣзды-ли таинственно велѣли,
Иль воздухъ мнѣ шепнулъ, но ласковой рукой
Я руку взялъ ея и съ тихимъ поцѣлуемъ
Сказалъ,—не помню какъ,—что счастьемъ я волнуемъ,
Что я люблю ее не первою мечтой
Неясной юности, а жизненнымъ сознаньемъ....
И нивы въ этотъ мигъ своимъ благоуханьемъ
Слились съ вечерней тишиной.

Русскій человѣкъ, вѣрующій, православный, хорошій семьянинъ не можетъ не любить въ русской женщинѣ того, что заставляетъ ее жертвовать собою, забывая себя, и «жить не такъ, какъ хочется, а такъ, какъ Богъ велитъ».

Въ поэмѣ «Ольгинъ день» нашъ авторъ такъ описываетъ героиню:

У дѣвушки иной, воспитанной въ столицѣ,
Краса махровая, но блѣдный духъ столицы.
Но Таня молодость въ деревнѣ провела,
Въ своемъ родномъ гнѣздѣ. Ей было много дѣла.
Отецъ подагрою страдалъ и изъ села
Ни шагу: вѣчно хмуръ. Тоска... а мать тучнѣла.
Вотъ Танѣ и пришлось и лѣтомъ, и зимой
Хозяйствомъ заправлять, повсюду быть самой,
Съ народомъ говорить сердечно и умѣло,
Пожертвовать землѣ не грезившей душой (стр. 287).

А вотъ и еще:

...Передъ лицомъ всей рати,
Восточной дикости поставившей предѣлъ, —
У русской женщины безъ счета милыхъ братій
И милосердія сосудъ не оскудѣлъ.
Прекрасный жребій палъ тому, кто тамъ, далеко, —
Напутствуемъ крестомъ заботливой сестры, —
Со славой перейдетъ сквозь яркій зной Востока
Въ другіе, свѣтлые, незлобные міры (стр. 144).

Стихотвореніе это написано пять лѣтъ назадъ, во время нашей войны съ Китаемъ, когда русской женщинѣ, какъ выражается нашъ авторъ, пришлось

Врагу и своему служить на полѣ брани,
Не требуя наградъ, подъ знаменемъ Христа.

Ознакомившись со стихами, въ которыхъ выражаются наиболѣе завѣтныя убѣжденія автора, мы въ правѣ ожидать отъ него горячей любви къ родинѣ; и точно, эта любовь заставила затрепетать самыя глубокія струны его души и извлекла изъ нихъ истинно поэтическія пѣсни.

Вы, читатель, конечно, помните извѣстные стихи Тютчева:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа, —
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа.

Раскройте сборникъ г. Жуковскаго на стр. 179; развѣ не сродни мысли Тютчева слѣдующее прекрасное произведеніе:

Размытая дорога,
Въ златомъ уборѣ кленъ,
Болото, два-три стога
И хмурый небосклонъ,
Въ оврагѣ снѣга пятна,
Зари неяркій свѣтъ —
Вотъ родины понятный
И милый мнѣ привѣтъ.
Все изстари убого,
Все спитъ, какъ-бы въ тиши,
Зато простору много
Для набожной души.
Вонъ куполъ церкви скромный
Надъ сѣренькимъ селомъ. . . .
Кто нищій, кто бездомный —
Склонись передъ крестомъ.

Любовь къ родинѣ у автора естественно переходитъ въ любовь къ русской деревнѣ, картины которой ему нерѣдко удаются:

Какъ хороши степные вечера.
Продремлютъ тихо до утра
Пушистыхъ ковылей серебряныя волны....
Какъ будто прямо изъ земли,
Весь красный, сказочный круглится мѣсяцъ полный;
Усталыя стада въ удушливой пыли
Подходятъ медленно къ селенью,
И длинные, съ задумчивою лѣнью,
Сгибаются, скрипя, къ колодцамъ «журавли»...
Къ ночлегу торопясь, безъ толку овцы блеютъ,
На разные стараясь голоса....
Зарею гаснущей чуть-чуть еще алѣютъ
Завороженныя отъ зноя небеса.... (Стр. 35).

Въ уже упомянутомъ «Письмѣ къ другу» вотъ какъ высказывается авторъ, говоря о сынѣ:

Хотѣлось бы ему подать житейскихъ силъ,
Все свѣтлое открыть его послушной волѣ,
Чтобъ не мечтой одной онъ ближняго любилъ,
А дѣломъ доказалъ къ другому состраданье
И былъ-бы такъ же простъ, какъ просто все кругомъ,—
Все русское: поля, рѣчонки безъ названья,
И бѣдная изба, и церковь надъ селомъ (стр. 244).

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 258) авторъ описываетъ доску расколовшейся иконы, кѣмъ-то неизвѣстнымъ помѣщенной подъ досчатымъ навѣсомъ, въ опушкѣ, у полей:

Въ эту сѣнь тропинкой узкой
Приходилъ, да и придетъ
Молча, вѣрующій русскій,
Незатѣйливый народъ.
Не узнаю я, давно ли
Ликъ иконы надъ ручьемъ...

Только вѣтеръ въ чистомъ полѣ
Знаетъ, вѣдаетъ о томъ.
Лишь одно мнѣ скажутъ нивы:
Широка, безмолвна Русь.
И свѣтлѣй мои порывы, —
На ручей перекрещусь.

IV.

У г. Жуковскаго много стихотвореній посвящено природѣ; каждое изъ временъ года даетъ пищу его вдохновенію. Вотъ какъ самъ онъ выражаетъ свое отношеніе къ природѣ:

* * *

Мнѣ легко съ природой вмѣстѣ
Грусть и счастье раздѣлять;
Ей, отзывчивой невѣстѣ,
Радъ я все пересказать.
Полусловомъ и намекомъ
Мысль и сердце отдаю, —
Въ морѣ темномъ и глубокомъ
Прячетъ грусть она мою.
Слезы прячетъ въ небѣ синемъ,
Много хочетъ накопить,
Чтобъ страдающимъ пустынямъ
Дождь живительный пролить.
Счастье солнечнымъ чертогамъ
Повѣряетъ уберечь,
И въ отвѣтъ моимъ тревогамъ
Говоритъ родную рѣчь.
Говоритъ приливомъ звучнымъ
Неразгаданныхъ морей,
Мелкимъ бисеромъ докучнымъ
Разрыдавшихся дождей.
Говоритъ звѣздой жемчужной,

Въ шумѣ лѣса рѣчи льетъ
И всегда душѣ недужной
Откликъ ласковый найдетъ (стр. 33).

Въ этомъ, въ общемъ удачномъ стихотвореніи, мы не можемъ однако одобрить сравненія дождевыхъ капель съ бисеромъ, сравненія повторяющагося неоднократно у г. Жуковскаго. Намъ кажется, что не слѣдуетъ сравнивать явленій природы съ дѣломъ человѣческихъ рукъ. Не нравится намъ и эпитетъ «жемчужная» въ приложеніи къ звѣздѣ, какъ неподходящій.

Но авторъ сулитъ намъ не слишкомъ много, говоря, что ему понятенъ языкъ природы; мы увидимъ, что онъ умѣетъ ее чувствовать и почерпаетъ въ ней нерѣдко весьма счастливыя поэтическія настроенія. Напр., описывая два полевыхъ цвѣтка, нѣжно, кротко цѣлующіеся съ пчелою и просящіе у звѣздъ чудныхъ, яркихъ сказокъ, авторъ говоритъ:

Точно лепестками о судьбѣ гадая,
Вѣтеръ шаловливый прилеталъ украдкой (стр. 142).

Развѣ не хорошо это изображеніе вѣтерка, обрывающаго лепестки и какъ будто гадающаго?

Особенно много стиховъ посвящаетъ авторъ веснѣ:

Почти растаявшаго снѣга
На пашняхъ блещутъ острова,
Но свѣжей зеленью побѣга
Не смѣетъ выглянуть трава,
Еще морозной кисеею
На зоряхъ скрыты колеи,
Но въ полдень съ вязкою землею,
Шумя, бесѣдуютъ ручьи.
Идетъ прозрѣвшая природа
Въ преддверье свѣтлое весны,
А смерть и сонъ стоятъ у входа,

Грядущей жизнью смущены.
И тонкій снѣгъ на черныхъ пашняхъ,
И въ колеяхъ кисейный дымъ, —
Все это слѣдъ ихъ чаръ вчерашнихъ,
Прощенныхъ небомъ голубымъ (стр. 42).

Морозная кисея снѣга и кисейный же его дымъ нѣсколько портятъ это милое стихотвореніе.

Грѣетъ солнце золотое,
Вѣетъ оттепели духъ,
Вѣтеръ — ласковый пастухъ —
Гонитъ въ поле голубое
Облаковъ весенній пухъ.
Талымъ снѣгомъ напоенъ
Садъ шумящій; дубъ чернѣе . . .
Налетѣвъ со всѣхъ сторонъ,
Безпокоятся въ аллеѣ
Стаи галокъ и воронъ.
Крыша стараго сарая
Яркимъ мохомъ поросла . . . .
И улыбками тепла, —
Неба трепетъ отражая, —
Лужъ сверкаютъ зеркала.
Такъ и жду, что сельскій храмъ
Колокольнымъ встрѣтитъ звономъ
Бодрой оттепели гамъ:
Онъ крестомъ позолоченымъ
Внемлетъ свѣтлымъ небесамъ.
Этотъ крестъ видалъ не мало
Знойныхъ дней, суровыхъ зимъ . . .
Что-жъ такъ блещетъ? Что же съ нимъ?
Знать весна поцѣловала
Поцѣлуемъ молодымъ (стр. 48).

Прекрасное описаніе весны; но мы бы поставили въ упрекъ автору заключеніе: кресту, символу страданія и отреченія, — не пристало заблестѣть отъ игриваго, нѣсколько эротическаго привѣта весны.

Но вотъ, на стр. 125, еще прекрасное весеннее стихотвореніе:

Таетъ снѣгъ, ручьи сверкаютъ
По холоднымъ колеямъ,
Рощи грозами мечтаютъ,
Внемля вешнимъ голосамъ.
На разливахъ стаи утокъ
Плещутъ влагой голубой...
Отчего я сталъ такъ чутокъ
Къ этой прелести земной?
Оттого ли, что знакомой
Лаской вѣетъ мнѣ опять,
И съ неясною истомой
Не могу я совладать?
Оттого-ль, что ярче зори
Стали сердцу моему?....
Хорошо мнѣ на просторѣ,
Самъ не знаю, почему,
И весна мнѣ не отвѣтитъ,
И грозѣ не разсказать...
Развѣ то, что вѣчно свѣтитъ,
Можно словомъ передать!

Не правда ли, очень хорошо, и даже вызывающія улыбку риѳмы «утокъ» и «чутокъ» не портятъ общаго впечатлѣнія.

Изъ весеннихъ пѣсенъ (стр. 36):

Въ зеленый дымъ одѣта
Знакомая береза:
Она проснулась къ жизни
Отъ первыхъ слезъ разсвѣта.

Ей снилась дрожь долины,
Ей снились: шумъ весенній,
И небо голубое,
И голосъ журавлиный.
На небѣ звѣздоокомъ
Грозой клубятся тучи,
И грудь березы чуткой
Вскипаетъ сладкимъ сокомъ.
Неяснымъ вешнимъ чудомъ
Наполненъ воздухъ тонкій . . .
И ливня ждетъ береза,
Чтобъ вспыхнуть изумрудомъ.

«Чтобъ вспыхнуть», какъ нами упомянуто выше, неудобопроизносимо, но . . . . совершенство встрѣчается такъ рѣдко!

Перевернемъ страницу:

ЧЕРЕМУХА ЦВѢТЕТЪ (стр. 38).

Черемуха душистая
Цвѣтами убрана
И шепчетъ солнцу ясному:
«Прохлада мнѣ нужна!
Ласкай меня, но жаркою
Весной повремени».
Для милой, для черемухи
Свѣжѣе стали дни.
И вся благоуханная,
Роняя лепестки,
Цвѣтетъ, цвѣтетъ черемуха
Въ оврагѣ у рѣки.
Съ утра до позднихъ сумерекъ
Со всѣхъ концовъ земли
Въ цвѣтахъ ея торопятся
Тяжелые шмели.
И душу пьютъ медовую,

И звонко такъ жужжатъ:
«Черемуха, черемуха,
Какъ свѣтелъ твой нарядъ!»
И сладко ей, и радостно
Въ отвѣтъ благоухать
И въ нѣжномъ содроганіи
Цвѣсти и отцвѣтать.

Это одно изъ удачнѣйшихъ, если не самое удачное стихотвореніе г. Жуковскаго; оно можетъ украсить собою любую хрестоматію. Какъ свѣжо, какъ тонко и правдиво, какъ поэтично выражено распространенное повѣрье, что становится холоднѣе при цвѣтеніи черемухи. По нашему мнѣнію, Тютчевъ или Фетъ не постыдились-бы подписаться подъ этими стихами.

Мало въ чемъ уступаетъ имъ и слѣдующее:

Какъ свѣтлы твои восходы,
Вешній день, душистый день...
Сломанъ ледъ, рѣзвятся воды,
Скоро тронется сирень,
И аллея вѣковая,
По приказу грозъ и мая,
На себя наброситъ тѣнь.
Липы ждутъ пчелиныхъ пѣсенъ,
Пчелы — липовыхъ цвѣтовъ:
Зимній улей сталъ имъ тѣсенъ,
Медомъ вѣетъ отъ луговъ...
Вѣетъ сказкой ароматной,
Вѣетъ тайной благодатной
Вешнихъ грезъ и жаркихъ сновъ. (Стр. 13).

Опускаемъ заключительную строфу, какъ менѣе удачную. Чтобы покончить съ весенними стихотвореніями, приведемъ еще одно (стр. 139):

Мы съ тобой душистыхъ ландышей
Въ юной рощѣ наберемъ.
Мы съ утра до позднихъ сумерекъ
Окна настежь распахнемъ!
Ландышъ — свѣтлое желаніе,
Роща — сердца глубина,
Окна настежь — упованіе,
А за окнами — весна!
Юной рощѣ, свѣжимъ ландышамъ
Будетъ время умирать,
А теперь имъ жить назначено,
Ихъ порывъ — благоухать.

Безпощадный здравый смыслъ хотѣлъ-бы придраться, требуя объясненій, почему роща — это сердца глубина, а окна настежь — упованіе. Но поэтическіе порывы, какъ мы это часто видимъ у одного изъ величайшихъ нашихъ лириковъ — Фета, не считаются съ разсудкомъ, который принужденъ умолкнуть, когда свѣжо и юно заговоритъ поэзія. И мы не можемъ не назвать этого стихотворенія высоко поэтичнымъ и прекраснымъ.

Отъ весны перейдемъ къ лѣту.

Хорошо изображеніе засухи на стр. 10:

Душный, томительный выдался день...
Садъ утомленный покинула свѣжая тѣнь,
Низомъ, надъ рѣчкой, стрижи проносились стрѣлой...
Пахло грозой.
Въ полдень нависла горячая мгла,
Мухи звенѣли и бились, скользя у стекла...
Гдѣ-то вдали, надъ вздыхающимъ пылью селомъ,
Вздрагивалъ громъ.
Ждали дождя и лѣса, и луга;
Каждая капля, казалось, была дорога....
Тучи не плакали, тучи лѣниво ушли
Прочь отъ земли.

Приведемъ еще изъ стихотвореній, внушенныхъ лѣтнею порой, одно, показавшееся намъ наиболѣе удачнымъ:

УТРО (стр. 31).

Проснулся лѣсъ туманный,
Росою лугъ умытъ,
Лиловый колокольчикъ
Къ заутренѣ звонитъ.
Цвѣты свою молитву
Душистую поютъ,
И бархатныя пчелы
Ихъ пыль ночную пьютъ.
Вчера, когда взволнованъ
Я ждалъ заката дня,
И лѣсъ, и лугъ зеленый
Глядѣли на меня.
Мнѣ грезилось о счастьѣ,
О томъ, что я любимъ.
Цвѣты благоухали
Въ отвѣтъ мечтамъ моимъ.
И вотъ сегодня утромъ
Поэзія полей
Разсказываетъ небу
Все то же, но сильнѣй.
Чуть слышный, свѣжій шопотъ
Надъ травами бѣжитъ...
Лиловый колокольчикъ
Къ заутренѣ звонитъ.

Изъ стиховъ, навѣянныхъ «порою увяданья», выпишемъ конецъ Осени (стр. 52); не приводимъ всей піесы, такъ какъ не считаемъ ее удачной, но заключеніе заслуживаетъ вниманія:

Милой осени видѣнье,
Слезы сказки золотой

Дали мнѣ проникновенье
Въ міръ прекрасный, міръ иной,
Гдѣ, другъ друга дополняя,
Жизнь и смерть передо мной
Спорятъ, вѣчность созидая.

Впечатлѣніе зимы подарило г. Жуковскому премилую, полную поэзіи піесу, которою мы и закончимъ наши выписки:

ЛѢСНОЙ ШОПОТЪ (стр. 83).

Утопая въ снѣгу, къ милой елочкѣ
Подбѣжалъ опечаленный гномъ;
Онъ цѣлуетъ ей нѣжно иголочки
И лѣснымъ говоритъ языкомъ:
«Ты весной колыхала зеленыя
На вѣтвяхъ твоихъ свѣчи... забудь!
Скоро вспыхнутъ другія — зажженныя,
Капнетъ воскъ на шершавую грудь:
Будешь гордо звенѣть ты колечками
Золотыхъ, но бумажныхъ цѣпей;
Будешь тѣшить безсчетными свѣчками
Удивленныхъ, счастливыхъ дѣтей.
Но не вѣрь красотѣ позолоченной,
Не любуйся собой въ зеркала:
Не цвѣтущей тебя, но подточенной,
На веселіе жизнь привела.
Догорятъ надъ шелковой иголочкой
Восковые, мерцая, огни....
Что-то будетъ съ тобой, моей елочкой?...
Подойдутъ невеселые дни.
Обними меня пухлыми вѣтками,
Поцѣлуй, побольнѣй уколи,
Да простись навсегда съ однолѣтками:
Увезутъ тебя съ нашей земли.

Никогда не увидишь ты ельника,
Изумрудныхъ свѣчей не зажжешь. . .
Всѣ мы станемъ съ зарею сочельника
Вспоминать твою вешнюю дрожь,
Вспоминать, какъ на небо весеннее
Набѣгала, сверкая, гроза;
Какъ все глубже, полнѣй и священнѣе
Разгоралась небесъ бирюза.
Ну, прощай! И, прильнувъ къ своей елочкѣ,
Бородатый сѣдой старичекъ
Цѣловалъ молодыя иголочки,
Отойти и забыться не могъ.

Указанныя нами удачныя стихотворенія г. Вл. Жуковскаго могли бы породить въ читателѣ сомнѣніе въ справедливости взгляда, который не позволилъ намъ въ началѣ этого разбора признать разсматриваемаго автора поэтомъ. Но если изъ 142 произведеній, входящихъ въ сборникъ, мы могли набрать лишь 20 удачныхъ, изъ числа которыхъ нѣкоторыя все же не безупречны, то едва-ли нашъ приговоръ слишкомъ суровъ или пристрастенъ.

Мы не отрицаемъ въ г. Жуковскомъ таланта; стихъ его, хоть и бываетъ не довольно пѣвучъ и какъ будто жёстокъ, нерѣдко отвѣчаетъ требованіямъ поэтики и подчиняется автору, который успѣлъ имъ овладѣть. Съ годами число удачныхъ вещей прибываетъ: такъ за 1893 годъ мы насчитали всего двѣ удачныя піесы, за 1898-й годъ — четыре и за 1900-й — шесть. Правда, изъ стихотвореній написанныхъ въ 1901 году, намъ понравилось только два, изъ помѣченныхъ 1902 и 1904 годомъ ни одного не отнесено нами къ числу стоющихъ вниманія, а изъ сочиненныхъ въ 1903 году мы выдѣляемъ только одно поэтическое стихотвореніе.

Г. Жуковскому необходимо выработать болѣе строгую оцѣнку своихъ произведеній, печатать не все, что выльется изъ подъ пера и стараться брать не количествомъ, а качествомъ.

V.

Разборъ стихотвореній г. Жуковскаго былъ уже написанъ, когда авторъ дополнительно представилъ на соисканіе Пушкинской преміи книжку: Хозе-Марія де-Эредіà. Сонеты въ переводѣ Владиміра Жуковскаго. С.-Петербургъ. Изданіе А. С. Суворина. 1899. Переводчикъ задался крайне трудной и неблагодарной цѣлью; какъ самъ онъ говоритъ въ краткомъ предисловіи, имъ «предлагаются тѣсному кругу истинныхъ любителей поэзіи не всѣ, а болѣе интересные сонеты французскаго поэта». Задача трудная тѣмъ болѣе, что переводчикъ изъ 31-й піесы Эредіà только въ пяти не захотѣлъ или не сумѣлъ строго соблюсти размѣра и числа стиховъ подлинника. Въ четырехъ стихотвореніяхъ г. Жуковскій, сохранивъ до нѣкоторой степени форму сонета, замѣнилъ шестистопный ямбъ французскаго поэта дактилемъ (гекзаметромъ или пентаметромъ), и только одна піеса *Рабъ* (стр. 27) содержитъ въ себѣ не 14 обязательныхъ для сонета строкъ, а 20 стиховъ шестистопнаго ямба. Остальные 26 стихотвореній переданы въ сонетахъ, изъ которыхъ цѣлыхъ 16 могутъ похвалиться строжайшей правильностью.

Изъ всѣхъ стихотворныхъ формъ, сонетъ одна изъ труднѣйшихъ: она требуетъ 14 строкъ, при чемъ въ первыхъ восьми повторяются по четыре раза однѣ и тѣ же риѳмы на два окончанія. Поэтому вполнѣ правильные сонеты рѣдко встрѣчаются въ литературѣ. Каковъ же долженъ быть трудъ, чтобы удачно перевести сонетъ съ чужого языка и при томъ сохранить всю строгость формы!

Задача г. Жуковскаго и неблагодарна: какъ ни великолѣпны сонеты Эредіà (Les Trophées par José-Maria de Heredia, Paris 1893), какъ ни блещутъ они звучностью и поразительной умѣстностью и вѣрностью выраженій, какъ ни богаты поэтическими образами — въ нихъ мало того, что составляетъ главную приманку для переводчика — чувства. Чтобы хорошо перевести, надо заразиться чувствомъ, а гдѣ его мало — какъ заразиться?

Вотъ какъ отзывается объ этомъ Парнасцѣ и членѣ Французской Академіи безвременно умершій графъ П. Д. Бутурлинъ, самъ превосходно овладѣвшій формою сонета: «Я на дняхъ получилъ Les Trophées par José-Maria de Heredia. — Мнѣ кажется, что искусство не можетъ идти дальше, не можетъ дать больше. — Подъ словомъ: *искусство*, я здѣсь разумѣю *умѣніе владѣть словами*... Heredia занимаетъ совершенно особое мѣсто въ литературѣ, — онъ *поэтъ словъ.* Въ его рукахъ они блестятъ, играютъ, искрятся и переливаются, какъ драгоцѣнные камни... Они тѣсно и прочно вправлены *руками* истиннаго художника въ изящное кольцо сонета; — каждое слово на своемъ мѣстѣ, и, видя его тамъ, невольно сознаешь, что никакое другое слово не могло бы его замѣнить... У него нѣтъ ничего лишняго, но за то онъ выражаетъ все, что онъ хотѣлъ, и такъ именно, какъ онъ хотѣлъ. Поэтому всѣ его сонеты производятъ впечатлѣніе какой-то удивительной цѣльности, и многіе изъ нихъ представляютъ намъ грандіознѣйшія картины. — Право, иные кажутся намъ больше, чѣмъ сонетъ можетъ быть. — И это только благодаря изумительной точности въ выборѣ каждаго слова... Въ этихъ удивительныхъ сонетахъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда работы. — Конечно, онъ надъ ними много работаетъ — спора нѣтъ... Вдохновеніе проявляется у него скорѣе въ выраженіи мысли, нежели въ самой мысли; поэтому читатель постоянно любуется, какъ художникъ передъ дивной статуей, но никогда не *увлекается*, какъ юноши передъ живою женщиной. Но что же изъ этого? Heredia — декоративный поэтъ; но вѣдь онъ не желалъ быть инымъ, и въ этомъ избранномъ имъ родѣ онъ достигъ совершенства. Слѣдовательно, онъ — великій поэтъ, и его сонеты — одно изъ лучшихъ произведеній современнаго искусства...». (Стихотворенія графа Петра Дмитріевича Бутурлина. Кіевъ, 1897, стр. XXIII).

VI.

Посмотримъ какъ нашъ переводчикъ справился со своею задачей.

И въ оригинальныхъ стихотвореніяхъ г. Жуковскаго, и въ его переводахъ весьма нерѣдко встрѣчаются выраженія совсѣмъ неудачныя. Вотъ примѣры:

Въ первомъ сонетѣ (неправильномъ, такъ какъ ямбъ въ немъ замѣненъ дактилемъ) читаемъ:

Тамъ, гдѣ *смѣется* фонтанъ серебристой струею, —
Крадется знойное *солнце въ своей многоцвѣтной пыли.*

Въ подлинникѣ:

Le soleil, à travers les cimes incertaines,
Et l'ombre où rit le timbre argentin des fontaines,
Se glisse, darde et luit en jeux étincelants.

«Смѣется» не фонтанъ, а его серебристый звукъ; и солнце крадется не «въ многоцвѣтной пыли», что совершенно безсмысленно, а сверкающей игрой. Въ томъ же стихотвореніи «Мечетъ богиня по воздуху *искры* (?) своей тетивою», тогда какъ у Эредіà: Faisant voler les traits de la corde tendue, т. е. просто мечетъ стрѣлы. — Въ «Персеѣ и Андромедѣ» встрѣчается странное выраженіе: «крылатый *смолкъ* полетъ». Въ подлинникѣ ничего подобнаго нѣтъ. — Тамъ же: «Любовница таитъ отъ моря станъ нескромный» — вполнѣ излишняя предосторожность послѣ того, что Персей унесъ спасенную въ объятьяхъ, и уже прозвучало «лобзаніе»; къ чему этотъ избытокъ цѣломудрія передъ моремъ, когда она уже «рыдая и смѣясь къ Персею тихо льнетъ». У Эредіà и образнѣе, и проще, и естественнѣе:

Elle, d'un faible effort, ramène sur la croupe
Ses beaux pieds qu'en fuyant baise un flot vagabond.

Въ похищеніи Андромеды, когда «сквозь ночь лазурную, въ надзвѣздной вышинѣ летитъ крылатый конь», переводчикъ, начавъ такъ хорошо, продолжаетъ: «Ливанъ въ туманѣ виденъ *съ кручи*», что уже совсѣмъ не хорошо и вовсе не вызвано подлинникомъ. — Заключенъ этотъ сонетъ преплохимъ окончаніемъ:

Отъ яркаго Тельца къ созвѣздью Водолея
Разсѣяны лучи въ холодной высотѣ. ...
И тѣнь любовниковъ трепещетъ, въ небѣ рѣя.

У Эредіà нѣтъ ни «разсѣянныхъ лучей», ни «холодной высоты», а чудесно говорится, какъ въ темной лазури загораются созвѣздія Персея и Андромеды: Ils voient. . . leurs constellations poindre dans l'azur sombre.

Стараніе какъ можно ближе и дословнѣе подойти къ рѣчи французскаго поэта иногда оказываетъ плохую услугу переводчику; такъ въ «Погибшемъ Мореходѣ» Au pli... de la mouvante dune переведено: «Въ морщинѣ берега». А заключительное трехстишіе:

O Terre, ô Mer, pitié pour son ombre anxieuse!
Et sur la rive hellène où sont venus ses os,
Soyez-lui, toi, légère, et toi, silencieuse,

передано очень неудачно, такъ:

О, море! О, земля! Душѣ покоя надо.
Онъ кости отдалъ вамъ, онъ плылъ издалека...
Ты, море, не шуми! Ты, *легче будь*, Эллада!

Спѣшу оговориться, что это французское Soyez-lui, toi (Terre), légère, et toi (Mer), silencieuse, напоминающее русское «земля надъ нимъ пухомъ», представляетъ значительную трудность для перевода; но г. Жуковскій ея не одолѣлъ.

Въ «Состязаніи», въ общемъ довольно удачномъ сонетѣ, въ которомъ описана античная бронзовая статуя — изображеніе бѣгущаго юноши, — попадается строка: «И, кажется, атлетъ живымъ *сбѣжалъ* изъ горна»; это досадное *сбѣжалъ* вмѣсто выбѣжалъ, да еще «Всѣ мускулы живутъ усиліемъ стальнымъ» портятъ впечатлѣніе цѣлаго. — Излишнею подстрочностью и близостью къ подлиннику объясняются слѣдующія странности: на стр. 64 «*отблескъ* пурпурной одежды ластится къ стройной рукѣ Клеопатры», или (стр. 66) императоръ *багряный* (l'Imperator

sanglant), или (стр. 67) «задыхались небесные своды» (ciel étouffant), и въ томъ же сонетѣ «безбрежныя очи», тогда какъ у Эредіа просто: larges yeux. — Въ «Видѣніи въ Египтѣ»: «Съ зенита знойнаго *отвѣсно день упалъ*» (Du zénith aveuglant le jour tombe d'aplomb), а сфинксы «встаютъ испуганно *въ одинъ ударъ когтей*» (d'un seul coup se dressant sur leurs griffes) и «Луна волшебная на плиты залъ старинныхъ набросила узоръ своихъ видѣній *длинныхъ*» (La lune, eclatant au pavé froid des salles, prolonge étrangement des ombres colossales). Наконецъ въ заключительномъ сонетѣ: «Нашъ духъ расплавится въ горячей вышинѣ». Подобныя выраженія не могутъ быть ни одобрены, ни оправданы дословной передачей подлинника. — Переводчику надо твердо помнить, что для вѣрнаго изложенія переводимой мысли иногда надо не приближаться къ выражающимъ ее словамъ, а, напротивъ, отдаляться отъ нихъ.

Но соблюденіемъ словъ подлинника не могутъ быть объяснены недочеты, допускаемые нашимъ переводчикомъ, когда онъ, не вызываемый на то своимъ авторомъ, говоритъ про «*изрѣзанную тѣнь*» горъ, про «*вечернее вымя*» и «*лакомую ладонь*». — Ничего подобнаго нѣтъ у Эредіа. — Послѣднія два выраженія до того необыкновенны, что читатель могъ бы усумниться въ ихъ подлинности. Однако, на стр. 57 читаемъ: «Пусть утренній удой еще не тронутъ мною, — съ *вечернимъ выменемъ* (!!) идутъ уже стада». И далѣе, въ томъ же сонетѣ: «Базарнымъ вечеромъ на *лакомой ладони* звенятъ динаріи, и блещетъ серебро». Слова *вечеръ*, такъ изобрѣтательно приспособленный переводчикомъ къ *вымени*, и *лакомая*, болѣе искусственно, чѣмъ искусно приданное *ладони*, отсутствуютъ въ соотвѣтствующихъ французскихъ стихотвореніяхъ. Въ сонетѣ «Пастухъ» (стр. 25) Геката награждена малопонятнымъ эпитетомъ *среброокой*, тогда какъ Эредіа упоминаетъ только œil divin. — Во второмъ сонетѣ *Востока и тропиковъ* говорится о древней гробницѣ, гдѣ фараоны заключены въ «*скорбную мастику*», что едва-ли удачно передаетъ французское la bandelette et le funèbre enduit.

Непозволительны также нѣкоторыя тривіальныя и пошленькія выраженія, допускаемыя нашимъ переводчикомъ, какъ напр. Панъ, любовникъ и *знатокъ* нимфъ, или *артачится* въ примѣненіи къ Пегасу, или *смуглянка*, какъ названа Клеопатра.

VII.

Послѣ этой долгой и, быть можетъ, придирчивой погони за промахами разсматриваемаго труда, постараемся найти въ немъ и положительныя стороны. Мы должны отдать ему справедливость, что и при наличіи перечисленныхъ недостатковъ г. Жуковскому удается передавать французскіе стихи на столько близко къ подлиннику, вѣрно и точно, что въ каждомъ сонетѣ легко и безъ заглавія узнать, съ какою именно изъ піесъ Эредіа переводчику хотѣлось насъ познакомить. Это—достоинство, свойственное далеко не всѣмъ переводчикамъ. Оно удваивается еще и тѣмъ соображеніемъ, что у Эредіа, какъ выразился о немъ французскій критикъ, академикъ Брюнетіеръ, болѣе художественности, чѣмъ поэзіи [1]), а слѣдовательно, и передача становится несравненно труднѣе и тѣмъ заслуга г. Жуковскаго больше.

Привожу цѣликомъ первый изъ трехъ сонетовъ подъ общимъ заглавіемъ «Персей и Андромеда».

АНДРОМЕДА ПЕРЕДЪ ЧУДОВИЩЕМЪ.

Еще жива, увы, царевна дочь Кефея.
Прикована къ скалѣ, на казнь обречена,
Напрасно рвется прочь и мечется она,
Въ рыданіяхъ своихъ замолкнуть не умѣя.
Сердитый океанъ шумитъ, грозою вѣя;
Бурлитъ у берега вспѣненная волна. . . .
Испуганнымъ очамъ повсюду смерть видна:

1) L'évolution de la poésie lyrique en France au dix-neuvième siècle. Leçons professées à la Sorbonne par Ferdinand Brunetière. Paris 1895, p. 195.

Все ближе страшный зѣвъ чудовищнаго змѣя.
Вдругъ зычно конь заржалъ въ туманѣ голубомъ...
Такъ въ яркихъ небесахъ гремитъ нежданный громъ.
Взглянула плѣнница, — дрожитъ, въ оковахъ стоя:
Стремительный Пегасъ летитъ на помощь къ ней....
Онъ вьется на дыбы подъ тяжестью героя,
Надъ моремъ тѣнь его все шире и длиннѣй. —

Слѣдующіе два сонета менѣе хороши; но во второмъ очень удачно окончаніе:

. . . .конь, разсерженный упругими волнами,
По зову всадника на крылья прилегъ —
И бьетъ по облакамъ горячими крылами.

Такъ же удачны двѣ строфы третьяго изъ этихъ стихотвореній:

Сквозь ночь лазурную, въ надзвѣздной вышинѣ
Летитъ крылатый конь, клубитъ дыханьемъ тучи;
Онъ крыльями шуршитъ, отъ перьевъ — гулъ созвучій;
Онъ мчитъ любовниковъ на вогнутой спинѣ.
. . . .
Отъ звѣздъ до новыхъ звѣздъ взлетая безъ усилья,
Широкимъ парусомъ Пегасъ расправилъ крылья, —
На крыльяхъ — колыбель обнявшейся четѣ.

Въ приведенныхъ стихахъ переводчику удалось соединить близость къ подлиннику съ красотою и образностью выраженій и неумолимостью сонета.

Въ отдѣлѣ «Эпиграммы и буколики» отмѣтимъ стихотвореніе *Рабъ*, которое нельзя назвать сонетомъ, такъ какъ оно содержитъ 20 стиховъ, вмѣсто обязательныхъ 14-ти; казалось бы, эта вольность должна была бы облегчить переводчику точную передачу 14-ти строкъ подлинника; но г. Жуковскій упустилъ близость къ французскому тексту. Тѣмъ не менѣе получилось недурное стихотвореніе.

Въ слѣдующемъ сонетѣ того же отдѣла переводчикъ вполнѣ успѣшно передалъ и мысль, и форму подлинника:

ПАСТУХИ.

Пойдемъ къ ущелію тропинкою нагорной.
Тамъ гротъ и чистый ключъ, гдѣ любитъ добрый богъ
На травкѣ подъ сосной забыться отъ тревогъ
И на рожкѣ сыграть въ тѣни листвы узорной.
У мшистаго ствола ты привяжи проворно
Тяжелую овцу: она — ужъ близокъ срокъ —
Дастъ Пану молока, ягненка и творогъ,
А Нимфы плащъ соткутъ ему изъ шерсти черной.
Будь милостивъ къ намъ, богъ, хранитель горныхъ стадъ!
Твой аркадійскій склонъ и тученъ, и богатъ...
Молю!... Дрожитъ сосна... Онъ слышитъ, козлоногій!
Уйдемъ. Смолкаетъ день, закатомъ озаренъ...
Цѣннѣе алтаря, мой другъ, твой даръ убогій:
Въ сердечной простотѣ онъ богу принесенъ. —

Нѣсколько тривіальна эта *травка*, и непонятно, почему у сосны *узорная листва*. Едва ли богу нужно забываться отъ тревогъ; въ подлинникѣ il se plait à dormir sur un lit d'herbe, *и тревоги*, которыхъ не можетъ быть у бога, отсутствующія у Эредіа, понадобились переводчику только для риомы. Не совсѣмъ ясно, почему даръ пастуха цѣннѣе алтаря; въ подлинникѣ: Le don du pauvre, ami, vaut un autel de marbre, изъ чего видно, что дѣло не въ алтарѣ, а въ его мраморѣ. Но отбросивъ мелочныя придирки, укажемъ, что г. Жуковскій не только сохранилъ форму сонета, но даже удержалъ то же чередованіе окончаній стиховъ, что и въ подлинникѣ.

Изъ серіи «Богъ садовъ» (Hortorum deus) привожу первыя два стихотворенія:

I.

Чужой, не подходи! Я знаю, ты хитеръ!
Подъ кущами садовъ назрѣли торопливо
Тяжелый виноградъ и жирныя оливы:
Ты хочешь обокрасть меня, лукавый воръ!
Смотри, я стерегу! Эгинскимъ пастухомъ
Изъ пня смоковницы я сдѣланъ неумѣло.
Надъ нимъ, ваятелемъ, глумиться можешь смѣло,
Но съ богомъ не шути: Пріапъ отплатитъ зломъ.
Любимецъ моряковъ, съ галеры въ старину
Я весело глядѣлъ на хмурую волну,
Румяное лицо поднявъ надъ влагой пѣнной....
Мнѣ больше не видать привѣтливыхъ Цикладъ:
Презрѣнью обреченъ, я сторожу безсмѣнно
Отъ хитрыхъ грабежей плоды и виноградъ.

II.

Въ плетеной хижинѣ изъ травъ и тростника
Живетъ маститый дѣдъ съ покорною семьею.
Съ почтеньемъ отнесись къ семейному покою:
Не тронь чужихъ плодовъ, не пей изъ родника.
Я дѣдовской рукой поставленъ на гумнѣ;
Онъ выточилъ мой ликъ изъ прочной сердцевины,
Онъ холитъ для меня цвѣтущія маслины,
Не чтитъ другихъ боговъ и кланяется мнѣ.
Фіалки, темный макъ и колосъ золотой
Легли на мой колчанъ гирляндою живой.
Пріапъ не позабытъ семейною любовью,
И сельскій жертвенникъ два раза каждый годъ
Дымится набожно козлиной чистой кровью
И жертву новую съ молитвой мнѣ несетъ.

Приведенные оба перевода достаточно вѣрно передаютъ содержаніе соотвѣтствующихъ имъ французскихъ сонетовъ, но не

могутъ назваться сонетами въ виду того, что риѳмы первыхъ четверостишій не повторены во вторыхъ.

Если въ этихъ стихахъ нѣсколько озадачиваютъ *торопливое* назрѣваніе плодовъ и козлиная кровь, удостоенная названія *чистой*, то въ первомъ случаѣ это объясняется необходимостью риѳмы; что же касается послѣдняго, то переводчикъ значительно исказилъ намѣреніе автора, который имѣетъ въ виду le sang d'un jeune bouc impudique; чему никакъ не соотвѣтствуетъ *чистая*.

Вотъ одинъ изъ наиболѣе удавшихся г. Жуковскому сонетовъ, какъ по строгой отдѣлкѣ формы и поэтичности ея содержанія, такъ и по близости къ подлиннику; этимъ сонетомъ открывается отдѣлъ «Римъ и варвары»:

СВИРѢЛЬ.

Вечерній близокъ часъ. Промчалась горлицъ стая...
Зачѣмъ ты смолкъ, пастухъ? Ты холодомъ объятъ...
Когда поетъ свирѣль, и ручейки журчатъ, —
Свѣтлѣетъ грусть любви, въ созвучьяхъ отлетая.
Подъ старымъ яворомъ, гдѣ тѣнь легла густая,
Уютно на травѣ! Забудь блеянье стадъ!
Козѣ наскучило кормить своихъ козлятъ:
Пусть бродитъ по горамъ, побѣги объѣдая.
Я дамъ тебѣ свирѣль, — неравныхъ семь колѣнъ, —
Ихъ мягкій воскъ спаялъ, ихъ выточилъ Силенъ.
Я плачу, я смѣюсь волшебною свирѣлью!
Не бойся, подойди! Въ дыханіи святомъ
Моимъ таинственнымъ и звучнымъ камышомъ
Ты грезы и печаль повѣдаешь ущелью.

Здѣсь въ общемъ прекрасно выражены мысль и настроеніе подлиннаго сонета. Правда, во второй строкѣ переводчикъ вставилъ вопросъ и слова «Ты холодомъ объятъ», что не вполнѣ отвѣчаетъ французскому Rien ne vaut pour charmer une amoureuse

fièvre, въ 10-мъ стихѣ упоминается Силенъ, выточившій свирѣль, тогда какъ Эредіа говоритъ только о его искусствѣ играть на ней. Наконецъ «Не бойся» 12-го стиха не вытекаетъ изъ подлинника, гдѣ стоитъ только Viens, и не оправдывается содержаніемъ. Но эти частныя неточности такъ мало вредятъ цѣлому, что мы не бросимъ за нихъ слишкомъ строгаго упрека переводчику.

Не можемъ не указать въ отдѣлѣ «Природа и грезы» на слѣдующую прекрасную вещь:

Зима. Мертвы поля... Мой милый садъ продрогъ...
Все смертью скошено... На берегъ рвется валъ...
И, холодомъ смущенъ, въ морщинахъ скучныхъ скалъ
Свернулся на цвѣткѣ послѣдній лепестокъ.
Но чѣмъ же напоенъ душистый вѣтерокъ?
Откуда онъ? Куда? Я думалъ и не зналъ,
А тонкій ароматъ мнѣ сердце опьянялъ,
И томныхъ чаръ его я уловить не могъ.
Мнѣ вѣтеръ подсказалъ: за далью голубой,
Гдѣ зноенъ и блестящъ лучъ солнца золотой, —
Томятся острова и пышные цвѣты....
И очарованный, съ родимыхъ береговъ,
Я съ жадностью вдыхалъ эѳирныя мечты
Горячею землей взлелѣянныхъ цвѣтовъ.

Въ этомъ сонетѣ безъ заглавія мы легко узнали сонетъ Эредіа, озаглавленный Brise marine, но не скроемъ, что переводъ нравится намъ болѣе подлинника, передъ которымъ имѣетъ то преимущество, что опускаетъ собственныя имена Atlantique, Antilles, Amérique и мало употребительныя, а потому изысканныя слова, какъ courtil, pistil или kymrique. Такими вычурными словами Эредіа нерѣдко уснащаетъ свои сонеты, и эта наклонность, по нашему мнѣнію, далеко не представляетъ собою главнѣйшей его заслуги. Г. Жуковскій понялъ это и, освободивъ

свой переводъ отъ излишняго баласта, передалъ ту же мысль легче и поэтичнѣе. Его сонетъ ни въ чемъ не отзывается переводомъ, въ немъ нѣтъ ничего вынужденнаго, вымученнаго, чѣмъ часто страдаютъ переводы; словомъ, онъ дѣлаетъ честь переводчику.

Кромѣ выписанныхъ удачныхъ сонетовъ, укажемъ еще, не приводя ихъ цѣликомъ, на слѣдующіе: «Пастухъ» (стр. 25), «Просьба мертваго,» «Старый рѣзчикъ» (единственный изъ отдѣла Средніе вѣка и Возрожденіе) и «Поэту Арману Сильвестру».

VIII.

На сколько сборникъ стихотвореній г. Жуковскаго не заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, ни полной, ни даже половинной Пушкинской преміи, ни просто почетнаго отзыва, на столько сонеты стóятъ того, чтобы Отдѣленіе Русскаго Языка и Словесности обратило на нихъ благосклонное вниманіе.

Трудъ, предпринятый нашимъ переводчикомъ, казалось бы, невыполнимъ, а между тѣмъ г. Жуковскій съ нимъ справился и, если изъ всего исполненнаго имъ цѣлая треть представляетъ собою переводы не лишенные поэтическихъ достоинствъ, и къ тому же вылившіеся въ труднѣйшую стихотворную форму, часто безъ ущерба для своего содержанія, то какъ не поставить этого въ заслугу переводчику? Думаемъ, что наша мысль покажется яснѣе, сославшись на французскую критику. Академикъ Жюль Леметръ[1]) отзывается объ Эредіа въ такихъ выраженіяхъ: «Онъ задался цѣлью вмѣстить цѣлый міръ образовъ въ небольшое число стиховъ, вполнѣ совершенныхъ, и какъ-бы заключить грезы языческаго бога въ малые, тонко отдѣланные сосуды. Слѣдовательно, ему пришлось избрать форму сонета, требующаго самоограниченія и почти совершенства, который не имѣетъ права быть

1) Jules Lemaitre de l'Académie Française. Les contemporains. Etudes et portraits littéraires. Paris 1902, p. 54.

болѣе или менѣе удачнымъ, а долженъ быть великолѣпенъ и безукоризненъ, или не быть вовсе».

Другой академикъ, Поль Буржэ[1]), восхищаясь стихами Эредіа, говоритъ: «Они своею силой и необычайной пластичностью достигаютъ такой живости образовъ, такой выпуклости предметовъ, что вся глубина мысли и размышленія, скрывающаяся за этими почти осязаемыми очертаніями, могла бы остаться незамѣченной.... Направленіе, съ начала до конца проникающее собою сборникъ *Трофеи* и составляющее его глубокую цѣльность, это безусловная объективность его поэзіи, — выраженіе слишкомъ грубое, за которое хотѣлось бы извиниться, примѣняя его къ неподражаемымъ сонетамъ такой тончайшей отдѣлки. Для писателей этой школы (Парнасцевъ, къ третьему поколѣнію которыхъ принадлежитъ Эредіа) художественное произведеніе, разъ сочиненное, должно существовать какъ предметъ независимый отъ того, кто его сочинилъ. Оно должно жить собственной жизнью, независимо отъ судьбы того, кто его создалъ. Это не значитъ, какъ говорили противники ихъ школы, чтобы художественное произведеніе, возникшее, такъ сказать, внѣ головы поэта, не могло быть ни нѣжнымъ, ни страстнымъ; но нѣжность и страсть потекутъ въ немъ, какъ течетъ въ нашихъ жилахъ кровь невидимая и горячая».

Еще одинъ критикъ, Ренэ Думикъ[2]), говоря, что Эредіа соединяетъ въ себѣ ученаго историка и филолога съ художникомъ, указываетъ: «Научная безличность и художественное совершенство, — вотъ что хочется сказать, говоря о соединеніи науки и искусства, и эту программу, ясно сознавъ ее, авторъ имѣлъ заслугу приложить къ *Трофеямъ* и провести ее въ нихъ».

Принимая во вниманіе особенности поэзіи Эредіа, указанныя въ приведенныхъ критическихъ отзывахъ, мы должны признать,

---

1) Les Annales Politiques et Littéraires. 8 octobre 1905. José-Maria de Heredia par Paul Bourget, p. 227.

2) Revue des deux mondes. Revue littéraire par René Doumic. 15 octobre 1905, p. 926.

что его переводчику представлялись затрудненія почти непреодолимыя; и тѣмъ не менѣе г. Жуковскому удалось побѣдить ихъ, если не на всемъ протяженіи его книжки, то на многихъ ея страницахъ. А потому мы полагаемъ, что этотъ трудъ заслуживаетъ поощренія и можетъ быть увѣнчанъ почетнымъ отзывомъ.

К. Р.

IX.

Подъ осень, стихотворенія **Н. Б. Хвостова**, *1901—1904. С.-Петербургъ. 1905.*

Авторъ уже нѣсколько знакомъ Разряду Изящной Словесности: четыре года тому назадъ было представлено Собраніе стихотвореній Н. Б. Хвостова (Н. Борисовича), С.-Петербургъ, 1901, на XV-е соисканіе Пушкинскихъ премій вмѣстѣ со сборниками стиховъ двухъ другихъ авторовъ. Отзывъ объ нихъ давалъ графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ и причислилъ всѣ три книги къ тѣмъ изданіямъ, «которыя въ послѣдніе годы наводняютъ книжный рынокъ стопами печатной бумаги, не имѣя ни тѣни художественнаго достоинства, ни какого-либо значенія». Эти три автора гр. Кутузовымъ обозначены, какъ «не только не поэты, но даже не искусные стихослагатели».

На мою долю выпадаетъ неблагодарная задача высказаться о новомъ сборникѣ Н. Б. Хвостова. Конечно, трудно расчитывать, чтобы неискусный стихослагатель черезъ четыре года сталъ не только писать хорошіе стихи, но и могъ удостоиться названія поэта. Если первое, т. е. способность владѣть поэтическою рѣчью, и возможно, то послѣднее — умѣнье сдѣлаться поэтомъ — невѣроятно, ибо давно извѣстно, что поэтомъ надо родиться, — сдѣлаться же имъ нельзя.

И Н. Б. Хвостовъ какъ не былъ поэтомъ до 1903 года такъ и не сталъ имъ въ наши дни.

Въ стихотвореніи «Бабушкинъ подарокъ» есть такое четверостишіе:

Тенета отъ вѣтки до вѣтки[1])
Висятъ золотыхъ паутинъ,
Здѣсь взоръ привлекаетъ конфетка,
Тутъ — пряникъ, а тамъ — мандаринъ.

Или въ письмѣ къ Н. Н. Ч.:

. . . . . Нервы жизненной тревогой
Себѣ я очень истрепалъ
И предъ далекою дорогой
Къ чужимъ пенатамъ спасовалъ.

Истинный поэтъ не позволилъ бы себѣ снизойти до такой прозы въ такихъ сомнительныхъ стихахъ. Недостойны истинной поэзіи стихотворенія Картинка (стр. 164), Любочка (стр. 165), Супружескіе діалоги (стр. 169) или четверостишіе на послѣдней страницѣ книги:

ПРИ ЛУНѢ.

Надпись на открыткѣ.

Влюбленной парѣ не до сна,
Когда съ небесъ глядитъ луна;
Но непонятно, право, мнѣ,
Что взоромъ ищетъ песъ въ лунѣ.

Повидимому и самъ авторъ сознаетъ это, такъ какъ помѣстилъ стихотворенія, изъ которыхъ я привелъ пять послѣднихъ примѣровъ, въ самомъ концѣ сборника, въ отдѣлѣ Мозаика.

Г. Хвостовъ не выдаетъ себя за поэта; въ немъ незамѣтно никакой склонности приписывать себѣ значеніе, а напротивъ, онъ скромно прислушивается къ мнѣніямъ тонкихъ цѣнителей поэзіи.

Изъ его обращенія къ покойному нашему сочлену М. И. Су-

---

1) На Рождественской елкѣ.

хомлинову мы узнаемъ, что Н. Б. Хвостовъ подносилъ ему двѣ первыя книги своихъ стихотвореній:

Сходите жъ къ намъ, поэтъ, душой
Съ высотъ парнасскихъ въ наши долы!

Итакъ нашъ авторъ не мнитъ себя на парнасской высотѣ; свою лиру онъ считаетъ въ числѣ «скромныхъ лиръ», у которыхъ «нѣтъ божественнаго тона», и говоритъ Михаилу Ивановичу:

Къ стихамъ моимъ склоняя слухъ,
Не разъ указывали мнѣ вы,
Гдѣ былъ я къ звукамъ неба глухъ,
Гдѣ слушалъ горніе напѣвы.

Теперь, когда расплодилось столько выскочекъ, которыя наглостью и беззастѣнчивостью, глубокомысліемъ, граничащимъ съ нелѣпостью, а подъ часъ и грубою непристойностью прикрываютъ отсутствіе дарованія, мы можемъ быть признательны Н. Б. Хвостову за то, что онъ не рисуется, не ломается, а держитъ себя въ своихъ стихахъ просто и скромно. Онъ любитъ отдавать душу «духовнымъ упоеньямъ», поетъ оттого, что поется, и что въ груди у него

Сердце, пѣснѣ созвучное, бьется.

Онъ поетъ «даръ безцѣнный небесъ — бодрость духа храня», поетъ потому, что любитъ Божій свѣтъ; онъ въ душѣ сохранилъ «ранней юности пылъ», и сердце его «къ правдѣ, къ прекрасному рвется».

Послушаемъ же, какъ поетъ нашъ авторъ и что поетъ.

Я уже указалъ на слабѣйшія мѣста разбираемой книги; прибавлю къ этому, что нашъ авторъ долженъ бы построже обращаться съ риѳмами; онъ и самъ, вѣроятно, согласится, что такихъ какъ *Люцерна* и *навѣрно* лучше бы не допускать. Иностранныхъ словъ тоже слѣдуетъ избѣгать; нельзя же похвалить слѣдующаго четверостишія:

На воздушномъ *фонѣ* свѣта
Дремлютъ, полны грезъ,
Кружевные *силуэты*
Кленовъ и березъ.

Нѣкоторыя уменьшительныя въ стихахъ колютъ ухо и отзываются какою-то пошлою миндальностью. Такъ, напр., я не могу одобрить Зари юности, гаснущей «на *щечкахъ* милой».

Но главный недостатокъ сборника — это безцвѣтность, прозаичность, неумѣнье найти дѣйствительно поэтическіе образы, безсиліе придать словамъ ту неуловимую особенность, которая претворяетъ прозу въ поэзію.

Сказаннаго, думаю, достаточно, чтобы судить объ отрицательныхъ сторонахъ стиховъ нашего автора. Теперь постараюсь выискать въ нихъ и положительныя. Однимъ изъ главныхъ достоинствъ сборника г. Хвостова слѣдуетъ признать всякое въ немъ отсутствіе подражанія модному направленію стихотворства, которое въ поискахъ новыхъ путей переступаетъ грани, поставленныя здравымъ смысломъ, и стремится огорошить читателя всевозможными вычурностями и несообразностями. Ничего подобнаго не найти у г. Хвостова.

Міросозерцаніе его вполнѣ трезвое, ясное и спокойное. — У него нѣтъ склонности развѣнчивать старые, вѣчные идеалы или возводить въ добродѣтель то, что донынѣ признавалось зломъ.

Г. Хвостовъ можетъ быть названъ христіаниномъ; безсмертіе души для него не представляетъ сомнѣнія. Въ стихотвореніи Молитва онъ говоритъ:

Когда земной науки словомъ
Смутится умъ въ безвѣрья дни,
Укрой меня Своимъ покровомъ,
Мнѣ вѣру, Боже, сохрани!

Христіанскому «празднику праздниковъ» г. Хвостовымъ посвящены Свѣтлое Воскресенье и На Святой Недѣлѣ. Въ первомъ читаемъ:

Къ Творцу міровъ летитъ хвала.
Нѣмѣетъ скорбь, утихли муки.
Открылся свѣтлый путь Небесъ
Землѣ отъ вѣка заповѣдный.
Несется въ высь призывъ побѣдный:
Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!

Второе стихотвореніе заключается словами:

Полны земля и небо свѣта,
Волна воздушная тепла,
И звуки счастья и привѣта
Несутъ въ сердца колокола.

Нашъ авторъ — любящій и почтительный сынъ; посвящая сборникъ своей матери, онъ говоритъ:

Благословивъ мои труды,
Когда я сѣять шелъ весною,
Прими, мой старый другъ, плоды,
Подъ осень собранные мною.

Въ отдѣлѣ Этюды и фантазіи есть стихотвореніе подъ заглавіемъ «Мать»; если оно не выдержано съ точки зрѣнія чистой поэзіи, то все же оставляетъ пріятное впечатлѣніе теплотою и задушевностью.

Нашъ писатель смотритъ на жизнь не уныло, безъ ненависти, какъ водится у многихъ современныхъ псевдопоэтовъ, а весело, здраво, съ надеждой:

Если въ жизни когда и нагрянетъ бѣда,
Бодрый духомъ бѣдѣ не сдается!
А ее переживъ, какъ въ былые года,
Пѣснь любви изъ души моей льется.

Онъ убѣжденъ, что

жизнь земная
Лишь путь тернистый къ небесамъ.

Онъ не клянетъ этого тернистаго пути, но говоритъ подругѣ жизни:

За утро свѣтлое, за полдень нашъ прекрасный,
Мой вѣрный другъ, тебя благодарю,
Встрѣчая съ вѣрою сознательной и ясной
И нашу тихую вечернюю зарю.

Все чистое, высокое, доброе, благородное привлекаетъ нашего автора; ему дороги маленькія дѣти; любовью къ нимъ проникнуты стихи, вошедшіе въ отдѣлъ Юный міръ. Этой любовью вѣетъ отъ стихотвореній Елка и Бабушкинъ подарокъ. Въ послѣднемъ разсказано, какъ внучекъ, получивъ отъ бабушки золотой, чтобы по своему выбору купить себѣ подарокъ на елку, встрѣчаетъ нищаго голоднаго и озябшаго мальчишку и ему отдаетъ золотую монету:

«Утѣшь свою маму больную,
Отдай это ей! — говоритъ.
«А бабушку я поцѣлую,
Она меня, знаю, проститъ!»

Въ Колыбельной пѣснѣ находимъ слѣдующія прекрасныя слова:

Дай ему, Господь, стремленье
Къ правдѣ и любви,
На великое служенье
Міру призови!
. . . .
Стой за слабыхъ! Въ битвѣ крови
Не жалѣй своей!
. . . .
Какъ роса, будь чистъ душою,

Смѣлъ, какъ левъ, въ бою.
Спи, дитя, Господь съ тобою!
Баюшки-баю!

Вотъ обращеніе нашего стихотворца къ женщинѣ-врачу къ 25-лѣтію ея дѣятельности:

Идя съ отзывчивой душой
Смягчать страданье человѣка,
Ты бодро путь держала свой
Тропой тернистой четверть вѣка.
Ты не страшилася невзгодъ:
Подъ грохотъ грозъ, подъ вой метели,
Съ челомъ открытымъ шла впередъ,
Стремясь къ своей великой цѣли.
. . . .
Кому страдальца такъ понять
И помощь дать въ часы недуга,
Какъ той, чье имя—дочь иль мать,
Сестра иль нѣжная супруга!

Въ стихотвореніи Русской женщинѣ авторъ радуется, что «предубѣжденій скрылась тьма, и свѣточъ пламенной свободы Россія женщинѣ зажгла»;

Сіяетъ мыслью знаній храмъ,
Какъ по утру востокъ — денницей;
Къ его высокимъ алтарямъ
Сама любовь подходитъ жрицей.
. . . .
Впередъ! Въ науки свѣтлый храмъ,
Сестра, супруга и невѣста,
Гдѣ всѣмъ — и жрицамъ, и жрецамъ
У алтарей довольно мѣста!

На рубежѣ вѣковъ XIX-го и XX-го авторъ скорбитъ о на-

шемъ безволіи, безсиліи, о томъ, что нѣтъ у насъ витязей для борьбы со зломъ, и что сердца наши заполонила ночь:

Познаній храмъ возросъ, раздвинулъ своды,
Свѣтильники его разсѣеваютъ мракъ,
Но нѣтъ въ его стѣнахъ святыхъ знаменъ свободы,
Грозитъ въ окно броней окованный кулакъ.
Насиліе царитъ надъ братскою любовью,
Побѣда истины надъ ложью — не легка,
И груды золота, забрызганныя кровью,
Сгребаетъ алчная рука.

Обращеніе къ Кружку Полонскаго обличаетъ въ авторѣ возвышенный взглядъ на призваніе поэта:

Во имя мирнаго поэта
Подъ свѣтлымъ знаменемъ любви
И красоты — у насъ собранье.
Тому, кто далъ Кружку названье,
Былъ чуждъ военной славы дымъ.
Служенье музамъ неземнымъ —
Пѣвца-художника призванье!
Ихъ вождь — богъ свѣта Аполлонъ,
Уборъ — цвѣты, оружье — лира,
Ихъ поле славы — Геликонъ,
Вѣнецъ побѣдный — счастье міра!
На алтарѣ, возженномъ имъ
Рукой жреца, поддержимъ пламя
И намъ оставленное знамя
Пѣвцомъ умолкшимъ охранимъ!

Но эта потребность тишины, эта жажда мира не переходитъ въ малодушный и измѣнническій отказъ отъ войны, когда она вступаетъ въ свои жестокія, но неизбѣжныя и неотвратимыя права. Наша послѣдняя несчастная война вызвала въ авторѣ одни изъ счастливѣйшихъ его вдохновеній.

Вотъ его призывъ при началѣ этой войны:

Смѣло навстрѣчу военныхъ тревогъ!
Духомъ не пали мы тяжкой годиной!
Дружной семьею, что стаей орлиной,
Встанемъ за родину всѣ, какъ единый,
Русь отъ врага отстоимъ! Съ нами Богъ!

Прекрасны и такіе завѣты:

Въ годину тяжкихъ испытаній,
Отчизнѣ посланныхъ судьбой,
Будь твердъ, встрѣчай безъ колебаній
Съ челомъ открытымъ смертный бой.
Изъ сердца робость и тревогу,
Какъ искушенье, изжени
И правду видящему Богу
Довѣрь отчизны нашей дни!
Но и прозрѣвъ душою чуткой,
Что побѣдитъ родимый край,
Ты надъ врагомъ задорной шуткой
Святыни чувствъ не оскорбляй!

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи цѣликомъ выписать одно изъ удачнѣйшихъ, можетъ быть лучшее стихотвореніе сборника:

АНДРЕЕВСКІЙ СТЯГЪ.

(Памяти «Стерегущаго»).

Гремитъ надъ моремъ пушекъ громъ,
Корабль въ волнахъ не ждетъ защиты.
Врагъ обступилъ его кругомъ.
Безволенъ руль. Орудья сбиты.
На смерть сраженный капитанъ —
Ужъ не слуга святой отчизнѣ.

Одни бойцы лежатъ безъ жизни,
Другіе — падаютъ отъ ранъ.
Спасенья нѣтъ. Уже смѣется
И торжествуетъ близкій врагъ:
Съ крестомъ Андрея русскій стягъ
Ему трофеемъ достается!
Но этотъ стягъ завороженъ
Покорнымъ долгу русскимъ сердцемъ.
И Русь не вѣдала временъ,
Когда бъ онъ пикъ предъ иновѣрцемъ!
Отъ ядеръ въ рубкѣ боевой
Лишь два героя уцѣлѣли
И стягъ родной укрыть сумѣли
Подъ океанскою волной.
Въ пучинѣ водъ, въ тиши глубокой,
Корабль героевъ съ ними спитъ,
И крестъ Андреевскій хранитъ
Покой могилы одинокой.

Чуждый безцѣльнаго унынія, свободный отъ безплоднаго нытья, авторъ и на смерть смотритъ бодро, чуть не радостно: она для него

надежды первый лучъ,
Просинь неба изъ-за тучъ,
Вслѣдъ за ночью — дня сіянье.
. . . .
Смерть — улыбка послѣ слезъ,
Жизни цѣль, конецъ страданья,
И неволи, и тревогъ,
За разлукою свиданье,
Съ тѣмъ, кто близокъ намъ, сліянье.
Это — вѣчность! Это — Богъ!

«Почившихъ въ Богѣ» приметъ «блаженства вѣчнаго обитель», гдѣ ихъ «ждетъ покой»; и «смолкнетъ тамъ земли печаль».

Красы природы, конечно, даютъ нашему автору пищу для вдохновеній. Цвѣты часто привлекаютъ его вниманіе. Вотъ онъ обращается къ маленькой дѣвочкѣ:

На зарѣ, въ поляхъ росистыхъ
Я нарвалъ тебѣ цвѣтовъ:
Крошекъ-лютиковъ огнистыхъ,
Синеокихъ васильковъ,
Фіолетовую кашку
Съ подорожникомъ сѣдымъ,
Въ бѣломъ платьицѣ ромашку —
Цвѣтикъ съ сердцемъ золотымъ;
Колокольчикъ въ немъ[1]) беззвучный,
И склоняетъ пестрый станъ
Съ желтой Марьей неразлучный
Синій братъ ея Иванъ.

Особенно обращаютъ на себя вниманіе Горный орелъ и Тучка; въ нихъ г. Хвостовъ возвышается до настоящей поэзіи.

Вотъ начало перваго:

Угрюмыхъ скалъ сѣдыя кручи —
Отчизна горнаго орла.
Гдѣ громъ гремитъ, и ходятъ тучи,
Тамъ мать его гнѣздо свила.
Онъ высоко надъ бездной водной
Иль надъ зубцами дикихъ скалъ,
Какъ царь могучій и свободный,
Одинъ безтрепетно леталъ.
Орла влекли отъ будней міра
Небесъ молчанье и просторъ;
Любилъ, плывя въ волнахъ эфира,
Онъ въ даль бросать державный взоръ.

---

1) Въ букетѣ.

Съ земной, очамъ отрадной дали
Въ чертогъ лазурной высоты
Ни стоны жертвъ не долетали,
Ни шумъ безцѣльной суеты.
Ему казалось, — жизнь смолкала
Въ красѣ торжественной кругомъ,
И въ немъ одномъ она пылала
Неугасающимъ огнемъ.

Не дописываю двухъ заключительныхъ строфъ, гдѣ менѣе удачно говорится, какъ смертельно раненый стрѣлой, орелъ падаетъ къ подножію скалы, на вершинѣ которой уже разсѣлась прожорливая стая воронъ, справляющихъ крикомъ поминки по орлѣ.

Чтобы закончить съ выписками, приведу слѣдующее прекрасное стихотвореніе безъ пропусковъ:

ТУЧКА.

Ни грозы не знавшая, ни бури,
Какъ невѣста подъ вѣнцомъ бѣла,
Въ голубой купаяся лазури,
Лѣтомъ тучка по небу плыла.
На покой укрыться за горами
Въ часъ вечерній солнце съ неба шло
И, прощаясь, вкругъ себя лучами
Облачка пушистыя зажгло.
Золотыя стрѣлы потянулись,
Словно нити царственной парчи
И огнемъ лобзанія коснулись
Бѣлой тучки пылкіе лучи.
Властелина лаской огневою —
Поцѣлуемъ царскимъ смущена,
Застыдилась тучка и зарею,
Какъ румянцемъ, вспыхнула она.

Солнце ниже, ниже опускалось,
Изъ-за лѣса улыбаясь ей,
А она отъ страсти разгоралась,
Все пылала ярче и сильнѣй.
Скрылось солнце за каймой багряной
Поспнѣвшихъ на закатѣ горъ,
И на тучкѣ огненно-румяной
Тѣнь легла, какъ траурный уборъ.
Всю себя фатою погребальной —
Сѣрой дымкой тучка обвила
И къ горамъ безмолвной и печальной
Вслѣдъ за солнцемъ тихо поплыла.

Около трети сборника составляютъ переводы съ французскаго, нѣмецкаго и персидскаго. И надо г. Хвостову отдать справедливость: переводитъ онъ мастерски.

Привожу окончаніе La bénédiction (François Coppée), сперва въ подлинникѣ, чтобы легче было судить о точности передачи:

. . . .ce vieil homme était si blanc qu'il me fit peur.
«Feu!» dit un officier.
Nul ne bougea. Le prêtre
Entendit, à coup sûr, mais n'en fit rien paraître,
Et nous fit face avec son grand saint-sacrement;
Car sa messe en était arrivée au moment
Où le prêtre se tourne et bénit les fidèles.
Ses bras levés avaient une envergure d'ailes
Et chacun recula, lorsque avec l'ostensoir
Il décrivit la croix dans l'air et qu'on put voir
Qu'il ne tremblait pas plus que devant les dévotes,
Et quand sa belle voix psalmodiant les notes,
Comme font les curés dans tous leurs Oremus,
Dit:
Benedicat vos omnipotens Deus.
«Feu!» répéta la voix féroce, «ou je me fâche».

Alors un d'entre nous, un soldat, mais un lâche,
Abaissa son fusil et fit feu. Le vieillard
Devint très pâle, mais, sans baisser son regard
Etincelant d'un sombre et farouche courage:
Pater et Filius, reprit-il.
Quelle rage
Ou quel voile de sang affolant un cerveau
Fit partir de nos rangs un coup de feu nouveau?
Je ne sais; mais pourtant cette action fut faite.
Le moine, d'une main s'appuyant sur le faîte
De l'autel et tachant de nous bénir encore,
De l'autre souleva le lourd ostensoir d'or.
Pour la troisième fois il traça dans l'espace
Le signe du pardon, et d'une voix très basse,
Mais qu'on entendit bien, car tous bruits s'étaient tus,
Il dit, les yeux fermés:
Et Spiritus Sanctus,
Puis tomba mort, ayant achevé sa prière.
L'ostensoir rebondit par trois fois sur la pierre,
Et comme nous restions, mêmes les vieux troupiers,
Sombres, l'horreur vivante au coeur et l'arme aux pieds
Devant ce meurtre infâme et devant ce martyre:
Amen! dit un tambour en éclatant de rire.

Вотъ какъ переданъ этотъ разсказъ г. Хвостовымъ:

Фигура бѣлая священника сѣдого
Меня повергла въ страхъ.
«Пли!» вождь сказалъ за мной.
Никто не двинулся. Монахъ команды слова
Не могъ не услыхать; но, не смутясь душой,
Онъ повернулся къ намъ отъ алтаря съ Дарами.
Видъ ангела съ подъятыми крылами
Былъ у безстрастнаго служителя Христа,

Когда онъ возносилъ потиръ надъ головою
И осѣнялъ стоявшихъ предъ собою,
Забывшихъ Бога, знаменьемъ креста.
Мы отшатнулися! Пѣвучими словами
Священникъ произнесъ, благословляя насъ:
Благословенье Господа надъ вами.
«Пли!» повторилъ намъ офицеръ приказъ.
«Не то — въ отвѣтѣ вы!»
У одного солдата —
У труса — выстрѣлъ въ землю прогремѣлъ.
Хотя служитель церкви поблѣднѣлъ,
Но искры сыпалъ взоръ отважнаго аббата.
Отца и Сына, старецъ продолжалъ.
Не знаю, въ чьей душѣ, что пробудило звѣрство,
Кровавый ли туманъ чей слабый мозгъ застлалъ, —
Вновь кто-то выстрѣлилъ. Свершилось изувѣрство, —
За ризу алтаря держась одной рукой,
Желая намъ послать опять благословенье,
Въ другой — держалъ монахъ сосудъ свой золотой.
Имъ совершая крестъ, онъ посылалъ прощенье
Убійцамъ въ третій разъ, и, долетѣвъ едва
До нашего внимательнаго слуха,
Намъ прозвучали тихія слова
Конца молитвы:
И Святаго Духа.
Аббатъ закрылъ глаза и безъ дыханья палъ.
И зазвенѣлъ потиръ по темнымъ плитамъ храма....
Когда, казалось, всѣмъ тѣснила сердце драма,
Злодѣйства ужасъ члены намъ сковалъ,
И угнеталъ насъ стыдъ позорнаго чего-то,
Аминь! сказалъ изъ музыкантовъ кто-то,
Нарушивъ тишину, и вдругъ захохоталъ.

Какъ не поздравить переводчика съ такою искусной и почти дословной передачей французскаго подлинника!

Еще одиннадцать большихъ стихотвореній переведены нашимъ авторомъ изъ Франсуа Коппе и переведены образцово.

Если перечисленные въ этой статьѣ недостатки творчества Н. Б. Хвостова не позволяютъ представить его къ награжденію Пушкинскою преміей, то несомнѣнное наличіе нѣкоторыхъ достоинствъ и хорошій переводъ нѣсколькихъ иностранныхъ стихотвореній, составляющій полезный вкладъ въ нашу литературу, побуждаютъ меня просить Разрядъ Изящной Словесности удостоить разсматриваемаго автора почетнаго отзыва.

К. Р.

Павловскъ, 19 Сентября 1907.

X.

„*Очерки и разсказы*“ **М. П. Чехова.** *С.-Петерб. 1905 г.*

Очеркамъ и разсказамъ М. П. Чехова можетъ грозить двоякая опасность. Съ одной стороны — имя автора, невольно наводя на воспоминаніе о его столь рано угасшемъ, знаменитомъ братѣ, вызываетъ на сравненіе его произведеній съ тѣмъ, чѣмъ, въ рядѣ незабываемыхъ по изяществу, тонкости и глубинѣ чувства разсказовъ, обогатилъ русскую литературу послѣдній. Съ другой стороны — мысль о подражательности, о перепѣвахъ, о заимствованіяхъ у брата не можетъ не создавать нѣкотораго «предустановленнаго» мнѣнія не въ пользу слабыхъ копій съ сильныхъ образцовъ.

Ознакомленіе со сборникомъ М. П. Чехова приводитъ къ заключенію, что опасность эта мнимая. Его очерки и разсказы имѣютъ свою собственную цѣну и если по формѣ и напоминаютъ, подобно многимъ новѣйшимъ произведеніямъ, первообразомъ которыхъ были «Contes à Ninon» Зола и произведенія Мопассана,

очерки Антона Павловича Чехова, то по существу являются плодомъ самостоятельной творческой мысли и труда, причемъ руководящіе мотивы этой мысли иные, чѣмъ у Антона Чехова. Изображая русскую мысль въ рядѣ выхваченныхъ изъ нея сценъ, живыхъ и правдивыхъ, авторъ не могъ, конечно, не наталкиваться постоянно на ея печальныя стороны, на отсутствіе нравственныхъ устоевъ, на неуваженіе къ чужой личности и труду, на душевное и матеріальное неряшество, на смутное понятіе о долгѣ, на расплывчатую и безразличную, а потому и безплодную нашу доброту — и все это нашло себѣ отраженіе въ его разсказахъ. Но—въ противуположность Антону Павловичу Чехову — онъ не впадаетъ въ ту безнадежность, которая сквозитъ въ произведеніяхъ перваго изъ нихъ и составляетъ основной тонъ создаваемаго ими настроенія. Онъ меньше покоряется слѣпымъ и жестокимъ законамъ существованія и рѣзче отдѣляетъ тяжесть *жизни*, создаваемую людьми, — отъ тягости *существованія*, на которое природа обрекаетъ людей. У него больше вѣры въ личность человѣка, въ то, что послѣдній можетъ и долженъ бороться съ наслѣдственностью, съ болѣзнями, съ предполагаемою непреложностью «статистическихъ законовъ», съ несчастливо слагающимися обстоятельствами. Тургеневское «мы еще повоюемъ — чортъ возьми!» нерѣдко слышится въ его разсказахъ, въ которыхъ изображаются условія, при которыхъ «радость жизни» не можетъ выразиться вполнѣ и безпрепятственно, но не неизбѣжность и прирожденность несчастія, скорби и паденія. —

Изъ 22 разсказовъ, входящихъ въ книжку Чехова, болѣе половины слѣдуетъ признать написанными безусловно талантливо и интересными по мысли. Недостатокъ нѣкоторыхъ изъ нихъ — немногихъ впрочемъ — состоитъ въ излишней краткости и такъ сказать скомканности конца, не соотвѣтствующихъ общему характеру изложенія, причемъ эта краткость не искупается ея силой и внутреннимъ смысломъ. Таковы, напримѣръ «Гришка» и «Сживется — стерпится». Къ недостаткамъ надо отнести и эпизодичность или, вѣрнѣе, анекдотичность нѣкоторыхъ разсказовъ, ли-

шающую ихъ серьезнаго значенія и заставляющую пожалѣть о ихъ растянутости. Таковы — «Интрига», «Улика» и «Вѣрочка». Наконецъ нельзя не отмѣтить нѣсколькихъ неудачныхъ и дѣланныхъ выраженій, несвойственныхъ правильному русскому языку. Сюда относятся: «*христопродавство*» въ смыслѣ церковныхъ расходовъ при погребеніи, — «*тупканье* голыми ножками», — «разсыпанные по подушкѣ и мокрые *волоски*» ребенка (вмѣсто волосики), — «*хрумканье* лошадки», — «ребенка *сорвало*» вмѣсто «вырвало», — «*бѣлобрысый* чай», — «почитатель (актера) *засуматошился* (вмѣсто засуетился), завертѣвъ въ рукахъ бинокль». Едва ли можно признать удачными влагаемыя авторомъ въ уста архіерею укорительныя слова семинаристу: «слонъ, элефантъ! упрямецъ!», — названіе теленка «маленькимъ представителемъ будущаго жаркого» или описаніе того, какъ «шампанское переливалось въ животѣ изъ кишки въ кишку».

Но всѣ эти недочеты и недостатки тонутъ въ цѣлой серіи разсказовъ, проникнутыхъ искреннимъ чувствомъ, а иногда и поучительными въ своей правдивости изображеніями. Такъ превосходно, кратко и сильно изображенъ процессъ первой встрѣчи ребенка — крестьянина — съ жестокимъ отношеніемъ человѣка къ убойнымъ животнымъ, — а сцены на бойнѣ (разсказъ «Гришка») принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ автора, хотя на нихъ, быть можетъ, не остались безъ вліянія удивительныя строки, посвященныя этому же предмету Л. Н. Толстымъ въ его предисловіи къ книгѣ о вегетаріанствѣ. Такъ съ тонкимъ пониманіемъ и психологически продуманно изображено, съ разныхъ сторонъ, состояніе человѣка, пораженнаго семейною потерею, причемъ важность, тяжесть и таинственная значительность случившагося противупоставлены житейской прозѣ и пошлости, бездушію больничнаго персонала, эгоистическому безсердечію театральнаго антрепренера и корыстному вымогательству духовенства и прочихъ похоронныхъ пособниковъ («Непріятность», «Одинъ» и «Итогъ»). Въ этихъ разсказахъ, а также въ «Гришѣ», «Стѣнѣ» и «Грѣхѣ» — розлито много искренней любви къ дѣтямъ, пони-

манія дѣтской души — и, какъ почти во всѣхъ разсказахъ, возвышеннаго отношенія къ чистымъ радостямъ и святымъ обязанностямъ семьи. Послѣдній изъ указанныхъ разсказовъ содержитъ въ себѣ сильный, но безъ подчеркиваній — и глубокій, но безъ натяжекъ и односторонности, протестъ по вопросу о кормилицахъ, съ такою страстностью затронутый въ послѣдніе годы французской драматургіей. Чувство правды, которое сквозитъ почти въ каждомъ очеркѣ М. П. Чехова, удерживаетъ его отъ изображенія темными красками лишь *одной стороны* въ этомъ противуестественномъ договорѣ — и сила впечатлѣнія отъ этого лишь выигрываетъ. Житейскою правдою и анализомъ тончайшихъ «противурѣчій души» проникнуты — и начало разсказа «Сживется — стерпится», гдѣ превосходно изображена убыль любви въ обманувшемся въ себѣ сердцѣ — и весь разсказъ «Ложь», достойный кисти Антона Чехова. Нельзя, наконецъ, пройти молчаніемъ превосходнаго разсказа «Реверсъ», гдѣ, въ рамки самыхъ обыденныхъ явленій жизни и въ описаніе брака въ бѣдной офицерской армейской средѣ, вставлено хватающее за сердце, трагическое содержаніе. Бѣднякъ офицеръ и учительница музыки, страстно влюбленные другъ въ друга и объявленные женихомъ и невѣстой, не могли дождаться срока, когда накопятъ всю сумму для реверса — и несчастная дѣвушка, желая скрыть свой позоръ обращенія въ глазахъ окружающаго общества изъ «невѣсты» въ «любовницу», рѣшается, тайно отъ жениха, заложить взятый на прокатъ рояль. Наступаютъ роды, неумѣлая дешевая акушерка вызываетъ родильную горячку — и въ то время, когда родильница на краю гибели, а ребенокъ умеръ (что отъ нея скрыли), — является судебный слѣдователь... Но она остается жива, и когда совершенно потерявшійся мужъ вернулся домой, «онъ засталъ жену сидящей на кровати. Она посмотрѣла на него своими впалыми, но счастливыми глазами и улыбнулась ему во все лицо. — «Кажется, моимъ страданіямъ пришелъ уже конецъ...— сказала она. Онъ нагнулся къ ней, и боясь, чтобы она не спросила о ребенкѣ, поцѣловалъ её въ лобъ. «Нѣтъ, — они только еще начи-

наются!» подумалъ онъ, и отойдя къ окну, сталъ смотрѣть въ темный палисадникъ». —

Отсутствіе шаржировки—напримѣръ, въ остроумномъ очеркѣ судейскаго недоразумѣнія между присяжными засѣдателями въ разсказѣ «По совѣсти», — здоровый юморъ, сжатость и точность языка — составляютъ неотъемлемыя достоинства книжки М. П. Чехова. Рисуя жизнь въ разныхъ ея общественныхъ направленіяхъ, онъ касается многихъ ея щекотливыхъ сторонъ, гдѣ могъ бы разгуляться кто-нибудь изъ любителей и мастеровъ современной литературной порнографіи подъ прикрытіемъ якобы моральныхъ цѣлей. Но онъ говоритъ все, что необходимо, и умѣетъ, въ то же время, щадить эстетическое чувство читателя и не возбуждать въ немъ гадливости. Таковы, напр., разсказы «Отъ скуки» съ описаніемъ квартиры «Розы Марковны», содержащей нахлѣбницъ, —таково описаніе бракоразводнаго процесса въ очеркѣ «Стѣна»...

Бодрой вѣрой въ чистыя чувства человѣка, способностью видѣть въ немъ не одну игрушку обстоятельствъ, отданную въ жертву животной природѣ, примирительнымъ духомъ — вѣетъ отъ книги Чехова. Уже это одно, независимо отъ ея художественныхъ достоинствъ, даетъ ей право на вниманіе.

Поэтому я нахожу справедливымъ предложить Академіи Наукъ почтить эту книгу *почетнымъ отзывомъ*.

Почетный Академикъ **А. Кони.**

XI.

А. Теннисонъ. *Королевскія идилліи. Полный стихотворный переводъ* О. Н. Чюминой *съ иллюстраціями Дорэ, Рэйда, Мэклиза и др. I. О королѣ Артурѣ. II. Рыцари Круглаго стола. СПБ. 1903—1904.*

Королевскія идилліи Теннисона на взглядъ почитателей этого поэта — одинъ изъ лучшихъ образцовъ новѣйшей эпики. Плѣняются эти почитатели и содержаніемъ «идиллій», изображающимъ бытовыя картины средневѣковья, и ихъ направленіемъ — идеалистически — романтическимъ и въ то же время не очень далекимъ отъ житейской правды, и, наконецъ, формой — простымъ, яснымъ плавнымъ разсказомъ, изобилующимъ изящными, красивыми, но чуждыми вычурности образами.

Относительно художественныхъ достоинствъ не можетъ быть спора. Ихъ безъ колебанія признаетъ всякій, сочувствующій и не сочувствующій содержанію. Но этимъ послѣднимъ способны восторгаться далеко не всѣ. Для лицъ равнодушныхъ къ средневѣковью, несклонныхъ къ тому же къ романтическимъ взглядамъ, оно можетъ показаться утомительнымъ, скучнымъ и, пожалуй, приторнымъ.

Это необходимо замѣтить, такъ какъ отрицательное отношеніе къ содержанію легко можетъ быть перенесено и на переводъ, пусть даже и безупречный.

Г-жа Чюмина передала содержаніе «Идиллій» такъ близко къ подлиннику, что большаго въ этомъ отношеніи желать едва ли возможно. За исключеніемъ двухъ значительныхъ, неизвѣстно чѣмъ объяснимыхъ, пропусковъ (въ The Coming of Arthur и Merlin and Vivien) и нѣсколькихъ совсѣмъ маловажныхъ сокращеній, переводъ слѣдуетъ признать полнымъ. Переданъ не только каждый стихъ, но и каждый образъ, чуть не каждое слово оригинала, такъ что переводъ во многихъ мѣстахъ почти буквальный.

Подобные слишкомъ близкіе переводы рѣдко бываютъ въ художественномъ отношеніи безупречны. Переводъ г-жи Чюминой не составляетъ исключенія. За то его добросовѣстность не подлежитъ сомнѣнію.

Воспроизводя съ большой точностью содержаніе, г-жа Чюмина старалась воспроизвести и форму. Переводъ, какъ и оригиналъ, написанъ пятистопнымъ ямбомъ. Однако по этому внѣшнему сходству было бы ошибочно заключать, будто въ остальномъ переводъ съ формальной стороны всегда идетъ въ ровень съ подлинникомъ. Изящество, легкость, плавность, которыми отличается подлинникъ, не составляютъ въ переводѣ правила, хотя нельзя также считать ихъ въ немъ и исключеніемъ.

Въ общемъ переводъ читается довольно легко, но не рѣдкость и тяжеловатыя мѣста въ родѣ, напр., слѣдующаго (I, 62):

Животнаго, безсмысленною жизнью[1])
Живущаго, чѣмъ лучше были-бъ люди,
Когда бы, зная Господа, къ Нему
За тѣхъ, кого зовутъ они друзьями,
И за себя не воздѣвали-бъ рукъ?

Не мало нескладностей. Напр. (I, 34):

Схватила ихъ Джиневра и въ окно,
Которое въ жару стояло настежъ,
Ихъ кинула.

Или (I, 52):

Кого я чтилъ, счастливаго, что раньше
Скончался онъ, чѣмъ твой позоръ узрѣлъ.

Или (II, 88):

Во всѣхъ дворахъ ковали лошадей
И юношей, что чистили доспѣхи,
Тамъ слышалось пыхтѣніе и свистъ.

---

1) Въ цитатахъ повсюду сохранено правописаніе подлинника.

Нѣтъ недостатка въ неясностяхъ, въ которыхъ не всегда легко разобраться. Напр. (I, 32):

Когда-жъ ее оставили одну —
Смерть, словно голосъ друга издалека
Окликнула его, во тьмѣ приблизясь, —
Надъ нею крикъ совы имѣетъ власть,
Ея мечты сливались съ шумомъ вѣтра
И блѣдными вечерними тѣнями.

Или (I, 33):

Для сердца благороднаго цѣна
Мѣняется дарителя и дара.

Или (I, 40):

Таковъ капризъ твоей же королевы,
Вѣдь, мужество и мощь, а что главнѣе:
Искусство, опытъ боевой — даруютъ
Побѣду намъ на играхъ королевскихъ.

Къ недочетамъ надо отнести частое употребленіе, чуть не на каждой страницѣ, безцвѣтныхъ, неудобныхъ въ стихотворной рѣчи, словъ *вліяніе, вліять, является*, вносящихъ вялость.

И съ чисто внѣшней стороны стихъ не всегда безупреченъ. Встрѣчаются, хотя и не часто, неблагозвучные стихи, напр. (II, 100):

Когда бъ не твой отецъ
Ко мнѣ въ быломъ была бъ ты благосклонна.

Нерѣдко ради стиха искажено удареніе: *найде́нный, тыся́ча, простолю́динъ, блюда́, я́ицъ* и т. д. (напр. I, 14, 22, 35, 37, 38, 51, 52, 57. II, 116).

Даже размѣръ не всегда выдержанъ, напр.:

Съ ехидной окоченѣвшей сходна (I, 18).
Сказавъ при этомъ: — «Прости на вѣкъ, сестра» (I, 33).

Какъ первую послѣ нея самой (II, 85).
Что если она заговоритъ, то буря (II, 96).
Обоихъ, глаза, чтобъ видѣть всюду (II, 100).

За то лирическія части «Идиллій» переданы съ внѣшней стороны безукоризненно: тотъ же размѣръ, та же звучность, что и въ подлинникѣ. Но и съ внутренней стороны передача по большей части удовлетворительна: переводъ не рѣдко буквальный. Однако, въ стремленіи къ точности, г-жа Чюмина порою изъ за буквы забываетъ о духѣ. Отъ этого получаются иногда нескладности.

Лучшимъ примѣромъ этихъ положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ можетъ служить переводъ лучшей изъ пѣсенъ In Love be Love изъ Merlin and Vivien.

Вотъ оригиналъ этой пѣсни:

In Love, if Love be Love, if Love be ours,
Faith and unfaith can ne'er be equal powers:
Unfaith in aught is want of faith in all.

It is the little rift within the lute,
That by and by will make the music mute,
And ever widening slowly silence all.

The little rift within the lover's lute
Or little pitted speck in garner'd fruit,
That rotting inward slowly moulders all.

It is not worth the keeping: let it go:
But shall it? answer, darling, answer, no.
And trust me not at all or all in all.

А вотъ переводъ г-жи Чюминой (I, 10):

Гдѣ есть любовь, любовь безъ лицемѣрья,
Не можетъ быть съ довѣрьемъ — недовѣрья:
Не вѣря въ чемъ нибудь, не вѣришь ты совсѣмъ.

Гдѣ трещина есть въ лютосѣ небольшая —
Расширится она и, звуки заглушая,
Со временемъ убьетъ мелодію совсѣмъ.

Такъ трещина въ любви, хотя ничтожна,
Такъ на плодѣ пятно, что еле видѣть можно —
Съ теченьемъ времени разрушатъ ихъ совсѣмъ.

Не дорога любовь — пусть погибаетъ,
Но молви: — нѣтъ! Въ любви не такъ бываетъ.
Повѣрь вполнѣ, или не вѣрь совсѣмъ.

Нельзя не видѣть, что съ формальной стороны переводъ вполнѣ соотвѣтствуетъ подлиннику. Безспорно также, что мѣстами онъ почти буквальный. Но второй стихъ четвертой строфы словами «въ любви не такъ бываетъ» портитъ все дѣло, такъ какъ эти слова идутъ въ разрѣзъ со всѣмъ содержаніемъ пѣсни.

Въ общемъ, не смотря на указанные недостатки, работу г-жи Чюминой нельзя не признать цѣнной и заслуживающей награды.

А. Гиляровъ.

XII.

О. Н. Чюмина (Михайлова). *Новыя Стихотворенія. Т. III, 1898—1904. СПБ. 1905.*

Эти «новыя стихотворенія» распадаются на двѣ части. Первая содержитъ собственныя стихотворенія г-жи Чюминой, вторая — переводы.

1.

Собственныя стихотворенія г-жи Чюминой могутъ быть подраздѣлены на 1) аллегоріи, символы, сравненія, 2) описанія природы, 3) чисто лирическія выраженія настроенія, 4) стихотворенія на случай — смерти, юбилея.

Всѣ эти стихотворенія весьма различны по качеству. Чего-либо выдающагося, такъ называемыхъ «перловъ искусства», искать было бы напрасно. Есть стихотворенія недурныя, порою и очень, не мало посредственныхъ и даже совсѣмъ плохихъ. Большинство обнаруживаетъ недостаточную обдуманность и обработку. Стихъ дается г-жѣ Чюминой настолько легко, что она не задумываясь вкладываетъ въ него всякое текущее содержаніе сознанія въ его непосредственной, часто смутной и неопредѣленной дѣйствительности. Необходимая для тщательной обработки рефлексія была бы пагубна для такого содержанія, такъ какъ раскрывала бы его слабую логику; оттого такая обработка часто и отсутствуетъ. Къ формальнымъ недостаткамъ нельзя не отнести различнаго рода лишнія слова, которыми г-жа Чюмина широко пользуется, портя этимъ въ другихъ отношеніяхъ недурныя стихотворенія.

Наименѣе удачны требующія наибольшей обдуманности стихотворенія — аллегоріи, символы, сравненія. Необдуманность, а потому и неясность, выступаетъ въ нихъ особенно наглядно. Примѣромъ можетъ служить хотя бы стихотвореніе «Ковыль», поставленное авторомъ во главѣ сборника, надо думать, какъ образцовое, и, дѣйствительно, съ внѣшней стороны наиболѣе обработанное (стр. 5—6):

Весной на волѣ цвѣлъ ковыль [1]),
Вблизи журчалъ потокъ,
Шепталъ таинственную быль
Залетный вѣтерокъ.
Любилъ ковыль небесъ лазурь,
Просторъ и солнца блескъ,
Любилъ могучій грохотъ бурь,
Волны студеной плескъ.
Любилъ онъ вешній первый громъ

1) Въ цитатахъ повсюду сохранено правописаніе подлинника.

Въ проснувшемся лѣсу,
Ручей, сверкавшій серебромъ,
И радуги красу.
Но вотъ сгустились облака;
Пригнувъ къ землѣ ковыль,
Пронесся вихрь издалека
И заклубилась пыль.
Она зловѣщей тучей шла,
Отвѣсною стѣной,
И вмигъ ея густая мгла
Затмила свѣтъ дневной.
Покрыла пыль какъ мертвый слой
Просторъ полей и нивъ,
Живое все своею мглой
Отъ солнца заслонивъ.
Когда же молнія, какъ лучъ
Прорѣжетъ небеса,
И хлынетъ дождь изъ темныхъ тучъ
На землю какъ роса?
Гроза весенняя, разсѣй
Мертвящій душный гнетъ,
Пускай природа грудью всей
Свободнѣе вздохнетъ.
Пусть смоетъ влагой дождевой
Удушливую пыль
И вновь изъ праха головой
Подымется ковыль.

Что стихотвореніе это «на злобу дня», это очевидно какъ изъ заголовка того отдѣла, къ которому оно отнесено: «Передъ зарею», такъ и изъ эпиграфа «Свободное слово» и т. д. Но каковъ его смыслъ? Ковыль томится подъ гнетомъ пыли. Что обозначаютъ этотъ ковыль, эта пыль, внезапный ураганъ пыли? Если бы кому-нибудь и удалось истолковать это опредѣленно и ясно, то во

всякомъ случаѣ никому не подъ силу объяснить, какимъ образомъ дождь изъ темныхъ тучъ можетъ «хлынуть какъ роса». Сказать, что дождь хлынулъ какъ роса, значитъ сравнивать несравнимое; это также недопустимо, какъ сказать, что «конь промчался какъ улитка».

Въ другомъ стихотвореніи «Пробужденіе» авторъ сравниваетъ весну съ политическимъ пробужденіемъ. Сходство въ томъ, что весной

Изъ темницы дальней
Выбились ключи.
И гремятъ побѣдно
Вешнія струи
О борьбѣ великой,
О святой любви.

Извѣстно однако, что «ключи» и зимой свободно дѣйствуютъ; извѣстно также, что и весной они находятся въ «темницѣ дальней». Авторъ, очевидно, смѣшиваетъ «ключи» съ «вешними струями». Что эти послѣднія говорятъ «о борьбѣ великой» (тепла съ холодомъ), что онѣ гремятъ «побѣдно», это понятно; но о какой «святой любви» идетъ здѣсь рѣчь? Здѣсь, очевидно, нуженъ комментарій.

Нуженъ онъ и для большинства другихъ подобныхъ стихотвореній. Возьмемъ «Высохшій ручей» (стр. 16):

Весной въ травѣ журчалъ ручей
Подъ вѣчной зеленью крушины,
Съ зарей звенѣли тамъ кувшины,
Имъ вторилъ смѣхъ и звукъ рѣчей
И шопотъ стадъ у водопоя...
Но вотъ, подъ жгучимъ игомъ зноя,
Изсякла свѣтлая струя:
Безводнымъ ложе у ручья,
Такимъ сухимъ и жесткимъ стало,

Какъ взоръ, давно не знавшій слезъ,
Глядущій мутно и устало.
Его песокъ полузанесъ,
И онъ оставленъ и покинутъ —
Пока изъ тучи грозовой
Опять струи воды живой,
Какъ слезы жгучія не хлынутъ.

Почему зелень крушины «вѣчная»? Почему взоръ, давно не знавшій слезъ, становится сухимъ, жесткимъ, глядящимъ мутно и устало? Для жизнерадостнаго взгляда не нужны слезы; скорѣе наоборотъ, онѣ способны сдѣлать взглядъ усталымъ и мутнымъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда г-жа Чюмина вдумывается въ содержаніе и внимательна къ формѣ, ей удаются очень недурныя сопоставленія. Напр. «Первая молнія» (стр. 17):

Оттого ль что прошумѣла
Нынче первая гроза,
Такъ тревожно и несмѣло
Потупляешь ты глаза?
Отблескъ молній золотистыхъ
Тайну сердца освѣтя,
И въ твоихъ глазахъ лучистыхъ
Не сверкаетъ-ли, дитя?
Вешнихъ грозъ живая сила
И тебя — какъ ни таи —
Незамѣтно опалила
Первой молніей любви.

Не дурно также «На берегу» (стр. 36) и «Старое дерево» (стр. 37). Содержаніе здѣсь ясное и форма безупречная.

Эти недурныя стихотворенія навѣяны природой. При описаніи внѣшнихъ красотъ г-жа Чюмина умѣетъ схватывать впечатлѣнія и облекать ихъ въ легкую и изящную форму. Такими легкими и изящными стихотвореніями нельзя не признать «Notturno»

(стр. 33), «Фонтанъ Нимфа», «Дворецъ въ Алупкѣ» (стр. 38—39), «Передъ отъѣздомъ» (стр. 41), «У моря» (стр. 43), «Листва желтѣющая», «Ранняя осень» (стр. 55—56), «Милый голосъ изъ далека» (стр. 72), «Послѣдній лучъ зари исчезъ» (стр. 73).

Подобныя описанія даются г-жѣ Чюминой, повидимому, особенно легко. Вѣроятно, по этой причинѣ среди нихъ наряду съ недурными встрѣчаются и очень плохія, совсѣмъ не продуманныя и не отдѣланныя. Напр. «Лунный свѣтъ» (стр. 40):

Надъ моремъ — полная луна;
Подобный бороздѣ
Свѣтъ лунный бросила она
Дробящійся въ водѣ.

Какой свѣтъ, кромѣ луннаго, можетъ бросить луна? Къ чему этотъ лишній эпитетъ?

Въ стихотвореніи «Дорогою» (стр. 32—33) во второй половинѣ не легко даже доискаться смысла:

Тамъ кипарисы вознеслись
Челомъ въ сіяющую высь,
И лавръ зелено-золотистый,
Каштанъ цвѣтущій и вѣтвистый —
Лишь оттѣняютъ ихъ красу.
Береговую полосу
Они хранятъ, какъ стражи моря—
Вѣчно зеленый мавзолей,
Внимая дивной пѣснѣ горя,
Когда прибой бушуетъ злѣй,
Внимая радостнымъ напѣвамъ,
Когда подъ солнечнымъ пригрѣвомъ
Играютъ волны, и свѣтло
Сверкаютъ пѣною жемчужной,
И все кругомъ въ природѣ южной—
Все, кромѣ камня — расцвѣло.

Оставляя въ сторонѣ ничего въ данномъ случаѣ не говорящія слова «вознеслись челомъ въ высь», одинаково примѣнимыя ко всѣмъ деревьямъ, а не къ однимъ только кипарисамъ, и не входя въ обсужденіе того, насколько умѣстно при описаніи каштановъ, сочетаніе эпитетовъ «цвѣтущій и вѣтвистый», опять примѣнимыхъ къ самымъ различнымъ деревьямъ, нельзя не спросить, какой это дивной пѣснѣ *горя* внимаютъ деревья во время прибоя? На этотъ вопросъ едва ли кто-нибудь, кромѣ автора, способенъ дать отвѣтъ. И что за смутное нагроможденіе фразъ, въ которыхъ трудно разобраться.

Образцомъ того, какими не должны быть стихотворенія, можетъ служить «Потокъ» (стр. 44):

Прошедшимъ лѣтомъ здѣсь сочилась
Едва замѣтная струя;
Она по желобу струилась,
Растенья чахлыя поя.
И что-жъ весной я вижу нынѣ?
Съ высотъ бушующій потокъ
Стремится съ грохотомъ къ долинѣ,
Неся каменья и песокъ.
Ломая крѣпкія ограды,
Деревья цѣлыя крутя,
Онъ разрушаетъ всѣ преграды —
Салгира буйное дитя.
Онъ родился отъ вешнихъ ливней,
Его питаетъ гордый снѣгъ,
Все безудержнѣй, непрерывнѣй
Его неукротимый бѣгъ.
Въ землѣ таившійся — оттуда
Побѣдоносно рвется въ ширь —
Изъ заключенья силой чуда
Освобожденный богатырь.

Невнимательность къ содержанію здѣсь доходитъ до того, что авторъ забываетъ, о чемъ говоритъ. Одинъ и тотъ же потокъ и рождается отъ вешнихъ ливней, отъ горнаго снѣга, и вырывается изъ нѣдръ земли. Да и форма неважная: стихи грубые, словно рубленные.

Наиболѣе удачны у г-жи Чюминой чисто лирическія стихотворенія. По самой своей природѣ они предполагаютъ рефлексію, сосредоточенность. Въ нихъ поэтому нѣтъ той необдуманности, съ образцами которой мы только что встрѣчались. Съ внѣшней стороны они также болѣе тщательно отдѣланы. Нельзя, напримѣръ, не признать удачнымъ стихотвореніе «Вечерняя печаль», одно изъ лучшихъ въ сборникѣ (стр. 14—15):

Въ раскрытое окно прохладой вѣетъ лѣтней,
Рыдаетъ тихими аккордами рояль,
И, словно въ ладъ ему, полнѣй и беззавѣтнѣй
Звучитъ въ душѣ моей вечерняя печаль.
Вечерняя печаль! Въ ней — грустная истома,
Прощальный мягкій блескъ блѣднѣющихъ огней,
Въ дни юности — чужда, она съ теченьемъ дней
Становится для насъ понятна и знакома.
Изъ глубины ея встаютъ — укоръ нѣмой,
Ошибка каждая и каждая утрата...
Еще горитъ вдали сіяніе заката,
Но мы уже дрожимъ передъ грядущей тьмой.
Нѣтъ, сердце дивную мечту не разлюбило,
Но гаснутъ силы въ немъ — тревожномъ и больномъ.
Пережитое все — дѣйствительно ли было
Иль, можетъ быть, оно лишь смутнымъ было сномъ?
И какъ сливаются въ вечернемъ небѣ краски,
Какъ очертанія — въ прозрачной полутьмѣ,
Такъ впечатлѣнія слились теперь въ умѣ,
И я не отличу дѣйствительность отъ сказки.
На все печаль души набросила покровъ,

Неразрываемый покровъ воспоминаній,
И жаль мнѣ радостей, и жаль былыхъ страданій —
Въ смягченномъ сумракѣ прозрачныхъ вечеровъ.

Это стихотвореніе было бы совсѣмъ хорошо, если бы не прозаическое «съ теченіемъ дней» во второй строфѣ и не лишнее «души» въ послѣдней.

Также удачны «Дни бываютъ» (стр. 48), «Ранней юности безумье» (стр. 50), «Свѣтлой грезой» (стр. 52), «Передъ грозой» (стр. 53).

Стихотворенія на случай всѣ чисто шаблонныя, очевидно наскоро набросанныя.

Впрочемъ, и вообще «новыя стихотворенія» г-жи Чюминой ясно выраженной индивидуальности не обнаруживаютъ. Все это старыя пѣсни и на старый ладъ. Только одно стихотвореніе вполнѣ оригинально — правда, не по содержанію, а по размѣру. Это — «Пѣсня» (стр. 41):

Темная ночь. Бѣлой террасы ступени,
Бѣлаго мрамора львы;
Волны шумя блещутъ въ серебряной пѣнѣ. . .
Слышится трепетъ листвы.
Старая пѣснь, пѣснь о любви, объ измѣнѣ
Льется съ террасы она,
Звукамъ ея, шумно дробясь о ступени,
Вторитъ во мракѣ волна.
Вы — предо мной, милыя скорбныя тѣни,
Вы обступили меня.
Миръ вамъ! Прости шлю я любви и измѣнѣ,
Вѣрность былому храня.

Пѣсня эта свидѣтельствуетъ о большомъ стихотворномъ мастерствѣ г-жи Чюминой, котораго нельзя не признать, какъ бы ни относиться къ остальнымъ сторонамъ ея творчества.

2.

Вторая часть сборника содержитъ переводъ изъ тридцати-шести поэтовъ — двѣнадцати французскихъ (В. Гюго, Ш. Бодлэръ, Ж. Ришпэнъ, А. Додэ, Ж. Экаръ, А. Ренье, Ш. Готье, Э. Пальеронъ, Ж. Роденбахъ, П. Верлэнъ, П. Форъ, М. Метерлингъ), восьми англійскихъ (Р. Киплингъ, А. Теннисонъ, Е. Браунингъ, Р. Гарнеттъ, Т. Эши, А. Добсонъ, Ж. Уатсъ), двѣнадцати нѣмецкихъ (Г. Гейне, Н. Ленау, Д. Лиліенкронъ, Э. Ф. Шенаихъ-Каролаттъ, Т. Фонтанъ, О. Ю. Бирбаумъ, Т. Штормъ, Ф. Веберъ, Ф. Данъ, К. Герокъ, Р. Прутцъ, П. Гейзе). Всего переведено г-жей Чюминой стосемнадцать стихотвореній.

Разсматривая это пестрое разнообразіе поэтовъ и стихотвореній, нельзя не спросить, почему г-жа Чюмина избрала именно этихъ, а не другихъ поэтовъ, а изъ избранныхъ ею — именно эти, а не другія стихотворенія. Прямого отвѣта книга не даетъ, но о причинѣ выбора догадаться не трудно. Помимо чисто художественныхъ соображеній г-жа Чюмина руководилась, во-первыхъ — модой, во-вторыхъ — политическими взглядами, въ-третьихъ — простою случайностью, переводя то, что попадалось на глаза. Такой выводъ подсказывается относительно моды разсѣянными кое-гдѣ примѣчаніями въ родѣ того, что такой-то поэтъ популярный, такія-то произведенія имѣли успѣхъ, относительно политики — содержаніемъ переведеннаго, а случайность выбора нѣкоторыхъ стихотвореній доказывается ихъ совершенной незначительностью по содержанію и формѣ. Вообще среди избранныхъ г-жей Чюминой стихотвореній немало въ художественномъ отношеніи посредственныхъ и во всякомъ случаѣ сомнительныхъ, которыя, само собою, остаются такими же и въ переводѣ. Однако нѣтъ недостатка и въ цѣнныхъ, переведенныхъ по большей части хорошо или по крайней мѣрѣ удовлетворительно. Мы остановимся только на цѣнномъ, минуя сомнительное.

Хорошо передана изъ В. Гюго баллада «Гастибельза». Ха-

рактеръ, краска, настроеніе этого стихотворенія воспроизведены вполнѣ.

Изъ Ш. Бодлэра недурно переведены «Разбитый колоколъ», «Осенняя мелодія», «Тоска», «Альбатросъ», «Человѣкъ и море», «Сплинъ». Напротивъ «Донъ Жуанъ въ аду» переведенъ безцвѣтно, вся сила и рельефность подлинника исчезла въ переводѣ. Къ довершенію неудачи допущена странная ошибка «въ ладьѣ по Киѳерону» вмѣсто «въ ладьѣ по Ахерону», такъ что выходитъ безсмыслица. Стихотвореніе «Угрызенія» испорчено неумѣстной вставкой «исполнившему долгъ», совсѣмъ не подходящей къ общему тону, и прозаической фразой «укоръ, которому сердца являются мишенью».

Стихотворенія Ришпэна переведены въ общемъ недурно, а переводъ «Всегда» былъ бы даже вполнѣ хорошъ, если бы не упоминаніе Аллаха, въ подлинникѣ отсутствующее и совсѣмъ не нужное, такъ какъ поэтъ явно избѣгаетъ всякой опредѣленности мѣста и времени.

Точно также не дурно переведены и стихотворенія А. Додэ и Ж. Экара. Общее впечатлѣніе отъ перевода здѣсь такое же, какъ отъ подлинника. Незначительныя отступленія, допущенныя переводчицей, нисколько этому не мѣшаютъ.

Переводъ «Воротъ» А. Ренье можно назвать вполнѣ удачнымъ. Легкость, прозрачность, образность подлинника переданы съ большимъ искусствомъ. Но почему г-жа Чюмина перевела только шесть «Воротъ» и оставила безъ перевода остальныя шесть?

Хорошо переданы стихотворенія Т. Готье. Переводъ совершенно такъ же живописенъ, какъ подлинникъ.

Равнымъ образомъ, нельзя указать никакихъ недочетовъ и въ переводѣ «Куклы» Пальерона.

Напротивъ, стихотворенія Ж. Роденбаха переведены слабо. Здѣсь встрѣчаются мѣста, въ которыхъ трудно разобраться, не мало неудачныхъ выраженій. Простымъ наборомъ словъ, кажется, напримѣръ, начало «Одиночества» (стр. 167):

Всегда ли возводить задумчивыя очи
Къ искусству мы должны? Великое храня,
Тамъ бодрствуютъ жрецы, колѣни преклоня,
На стражѣ у святынь во мракѣ поздней ночи,
Должно ли покидать въ саду своемъ цвѣты,
Гонясь за славою среди глумленья свѣта,
И оставлять любви призывы безъ отвѣта,
Блаженство вѣрное смѣняя на мечты?

Въ примѣръ неудачныхъ выраженій довольно привести прозаическое

Но сущность той души, что въ нихъ заключена —
Для насъ является подобною осадку.

Даже съ грамматической точки зрѣнія переводъ не всегда удовлетворителенъ:

Похожій съ рясою и формою, и цвѣтомъ (стр. 170)—

подобное насилованіе языка едва ли допустимо даже въ стихотвореніяхъ.

П. Верлэна г-жа Чюмина частью переводитъ, частью воспроизводитъ. Воспроизведеніе стихотвореній «Небо надъ кровлею дома» и «Блѣдный отблескъ луны» удачны и немногимъ уступаютъ подлиннику. «Чайка» воспроизведена хуже: произвольно переставлены строфы, есть неподходящія выраженія: «желчный умъ», «испускаетъ крикъ», не соотвѣтствующія общему тону подлинника.

Пѣсни Метерлинга переведены близко къ подлиннику и гладко.

Англійскіе поэты въ общемъ переданы менѣе удачно, чѣмъ французскіе.

«Король и пѣвецъ» Киплинга въ переводѣ г-жи Чюминой не оставляетъ иного впечатлѣнія, кромѣ неясности.

Три стихотворенія изъ «In Memoriam» Теннисона переведены довольно близко къ подлиннику, но не сохраняютъ его силы. Послѣднее изъ нихъ обезображено опечаткой «хвалы» вмѣсто «мольбы». «Памяти бѣдняка» — не столько переводъ, сколько передѣлка «A Dirge». Передѣлка удачная и не уступаетъ подлиннику.

Поэзія Е. Браунингъ утратила въ переводѣ г-жи Чюминой всю привлекательность. Языкъ тяжелый, порою смутный, мало понятный. Нельзя, напримѣръ, назвать удачными слѣдующія строки (стр. 189):

Помимо чувствъ, — мечтѣ — до боли напряженной —
Рисуются: рѣка и лѣсъ завороженной,
И длинный рядъ холмовъ; что солнцемъ осіянъ,
Божественной красой преображенный.

Грамматическая нескладность здѣсь бросается въ глаза. Или еще примѣръ (стр. 190):

Но, словно дерево, что вѣтра дуновенье
Склоняетъ въ сторону — калѣчитъ и людей
Дохнувшее на нихъ проклятіе природы,
И правда каждаго — обманъ для остальныхъ.

Для многихъ ли понятно это мѣсто?

Р. Гарнета и Т. Эши г-жа Чюмина передаетъ гладко, но самыя стихотворенія этихъ поэтовъ довольно незначительны.

Очень удачно переведено «Забытое письмо» А. Добсона. Вторая его часть «Милый Джонъ» и т. д. — переведена безукоризненно. Въ первой части есть кое-какіе недочеты, впрочемъ незначительные; въ третьей не совсѣмъ удаченъ конецъ:

И лучше мы не преминемъ
Совсѣмъ забыть о Джонѣ —,

оборотъ необычный, какъ необычно и удареніе не преминéмъ.

Три Фауста изъ «популярнаго» Т. Уатса еще туманнѣе, чѣмъ въ подлинникѣ. Второй «Фаустъ», Гуно, рѣжетъ слухъ своимъ «замеревъ» (стр. 215).

Переводы изъ нѣмецкихъ поэтовъ почти сплошь хорошіе, хотя среди переведенныхъ стихотвореній не мало сомнительныхъ по качеству. Какъ на образецъ искуснаго перевода можно указать на переводъ «Мушкѣ» Гейне. Стихотвореніе это по оригинальности, по сосредоточенности содержанія, восторженному и вмѣстѣ ироническому тону, прихотливой игрѣ образовъ, обилію миѳологическихъ именъ, по совершенству формы принадлежитъ къ числу наиболѣе трудно переводимыхъ. Г-жа Чюмина справилась съ трудностями настолько хорошо, что ея переводъ по сравненію съ другими на русскомъ языкѣ наилучшій. Другой образецъ мастерского перевода — «Покинутая» Вебера. Стихотвореніе это въ передачѣ г-жи Чюминой, быть можетъ, даже болѣе художественно, чѣмъ въ подлинникѣ.

Сопоставляя сказанное, надо признать, что переводы г-жи Чюминой — смѣсь хорошаго съ посредственнымъ. Слѣдуетъ однако оговориться, что въ большинствѣ случаевъ отвѣтственность за неважныя качества переведеннаго лежитъ на авторахъ стихотвореній, а не на переводчицѣ, въ общемъ безспорно искусной, и что самая оцѣнка внутренняго достоинства художественныхъ произведеній всегда въ значительной мѣрѣ субъективна, такъ что малоцѣнное на взглядъ однихъ можетъ показаться полнымъ значенія на взглядъ другихъ. Необходимо также поставить на видъ, что неясности и неуклюжести въ родѣ приведенныхъ выше, быть можетъ, должны быть отчасти объяснены чисто внѣшнимъ недосмотромъ, корректурными ошибками, которыми испещрена книга.

Какъ бы то ни было, большой стихотворный талантъ г-жи Чюминой внѣ сомнѣнія, и если нельзя не пожалѣть, что порою она его тратитъ неосмотрительно, безъ должной строгости къ тому, что даетъ, то за хорошее въ своихъ «Новыхъ стихотвореніяхъ» она въ правѣ расчитывать на поощреніе.

А. Гиляровъ.
